

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2020 / ТОМ 11 / НОМЕР 2

НОВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ: МНОГООБРАЗИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ

28–44 А.П. ЦЫГАНКОВ

Гулливер на распутье:
американская стратегия и
смена миропорядка

42–57 ЦИ ХУАЙГАО
ЛИ КАЙШЭН

Меняющаяся властная
иерархия Северо-
Восточной Азии и
стратегические интересы
Китая в 2020-е годы

17–27

Ф.А. ЛУКЬЯНОВ
Д.В. ТРЕНИН
А.В. КОРТУНОВ

А.А. СУШЕНЦОВ
Д.В. СУСЛОВ
Н.Ю. СИЛАЕВ

В.И. МУРАХОВСКИЙ
И.А. САФРАНЧУК
С.М. МАРКЕДОНОВ

Россия в новом десятилетии:
цели, угрозы, попутчики

CHIEF EDITOR

Sergey Markedonov
MGIMO University (Russia)

DEPUTY EDITOR

Akhmet Yarlykapov
MGIMO University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Andrew Kuchins – American University of Central Asia (Kyrgyzstan)
Benedict Harzl – University of Graz (Austria)
Bjorn Wittrock – Uppsala University (Sweden)
Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)
Irina Busygina – Free University of Berlin (Germany)
Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)
Marlene Laruelle – George Washington University (USA)
Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)
Richard Sakwa – University of Kent (UK)
Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)
Sayed Mohammad Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)
Viacheslav Morozov – University of Tartu (Estonia)
Zhao Huasheng – Fudan University (China)
Alexander Chechevishnikov – MGIMO University (Russia)
Andrei Sushentsov – MGIMO University (Russia)
Dmitriy Pobedash – Ural Federal University (Russia)
Ilya Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia)
Larisa Deriglazova – Tomsk State University (Russia)
Lyubov Fadeeva – Perm State University (Russia)
Michael Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)
Natalya Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia)
Oleg Mikhalev – Voronezh State University (Russia)
Pavel Parshin – Moscow State Linguistic University (Russia)
Valeriy Konyshev – Saint-Petersburg State University (Russia)
Viktor Apryshchenko – Southern Federal University (Russia)
Viktor Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Yakov Grishin – Kazan Federal University (Russia)

The journal publishes research results in the field of international relations and world politics, regional studies, and the history of international relations.
Published since 2010, 4 times a year.

The journal is included in Russian Science Citation Index.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

FOUNDER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

EDITORS

Dmitry Tkach
Natalia Samoylovskaya
Nikita Neklyudov
Vladimir Pavlov

COMPUTER LAYOUT

Alexey Talalaevsky

DESIGN

Veronika Levitskaya

2020 / ТОМ 11 / № 2

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**Сергей Мирославович Маркедонов**
(МГИМО МИД России)**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА****Ахмет Аминович Ярлыкапов**
(МГИМО МИД России)**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ****Бенедикт Гарцль** – Университет Граца (Австрия)**Бьёрн Виттрок** – Уппсальский университет
(Швеция)**Вячеслав Евгеньевич Морозов** – Тартуский
университет (Эстония)**Еркин Уланович Байдаров** – Институт
востоковедения имени Р.Б. Сулейменова
(Казахстан)**Ирина Марковна Бусыгина** – Свободный университет
Берлина (ФРГ)**Кимитака Мацузато** – Токийский университет (Япония)**Марлен Ларюэль** – Университет Джорджа
Вашингтона (США)**Митат Челикпала** – Университет Кадир Хас (Турция)**Ричард Саква** – Кентский университет (Великобритания)**Сайед Мохаммед Казем Саджадпур** – Институт
политических и международных исследований (Иран)**Санджай Дешпанде** – Университет Мумбаи (Индия)**Чжао Хуашэн** – Фуданьский университет (Шанхай)**Эндрю Качинс** – Американский университет
в Центральной Азии (Киргизия)**Александр Леонидович Чечевишников** – МГИМО
МИД России (Россия)**Андрей Андреевич Сушенцов** – МГИМО МИД России
(Россия)**Валерий Николаевич Конышев** – Санкт-
Петербургский государственный университет (Россия)**Виктор Лаврентьевич Ларин** – Институт истории
археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии
наук (Россия)**Виктор Юрьевич Апрыщенко** – Южный федеральный
университет (Россия)**Дмитрий Иванович Победаш** – Уральский
федеральный университет имени Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург (Россия)**Илья Николаевич Тарасов** – Балтийский федеральный
университет имени И. Канта (Россия)**Лариса Валерьевна Дериглазова** – Томский
государственный национальный исследовательский
университет (Россия)**Любовь Александровна Фадеева** – Пермский
государственный национальный исследовательский
университет (Россия)**Михаил Иванович Рыхтик** – Нижегородский
государственный национальный исследовательский
университет имени Н.И. Лобачевского (Россия)**Наталья Валерьевна Еремина** – Санкт-Петербургский
государственный университет (Россия)**Олег Юрьевич Михалёв** – Воронежский
государственный университет (Россия)**Павел Борисович Паршин** – Московский
государственный лингвистический университет имени
Мориса Тореза (Россия)**Яков Яковлевич Гришин** – Казанский федеральный
университет (Россия)

В журнале публикуются результаты исследований в области международных отношений и мировой политики, регионоведения, а также истории международных отношений.

Издаётся с 2010 г.

Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272

ISSN (print) 2587-8476

ISSN (online) 2541-9633

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Владимир Владимирович Павлов

Дмитрий Николаевич Ткач

Наталья Александровна Самойловская

Никита Яковлевич Неклюдов

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Валерьевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Стратегическое многообразие в турбулентном мире

С.М. МАРКЕДОНОВ

7

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Россия в новом десятилетии:
цели, угрозы, попутчики

11

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ

Индия: от региональной роли –
к глобальной державе

С. БАРУ

122

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Гулливвер на распутье:
американская стратегия
и смена миропорядка

А.П. ЦЫГАНКОВ

28

ИНТЕРВЬЮ

Международные отношения
в динамике макроистории

Е.М. ДЕРЛУГЬЯН

135

Меняющаяся властная
иерархия Северо-Восточной
Азии и стратегические
интересы Китая в 2020е годы

ЦИ ХУАЙГАО ЛИ КАЙШЭН

45

РЕЦЕНЗИЯ

Экореализм вместо
экоактивизма

Н.П. ПРОЦЕНКО

147

Новый македонский вопрос:
современный этап развития

Д.О. ГОЛОВИН С.А. СКЛЯРОВ

68

Грузия за пределами
«радикальной европеизации»:
нераскрытые направления
внешней политики

А. СИХАРУЛИДЗЕ

91

Коронавирус и политика:
запросы и ценности в эпоху
пандемии

Д.А. ПАРЕНЬКОВ К.Е. ПЕТРОВ

109

CONTENT

EDITORIAL NOTE

Strategic Diversity in a Turbulent World

S. MARKEDONOV

7

ROUND TABLE

Russia in the New Decade: Objectives, Threats, and Fellow Companions

11

RESEARCH ARTICLES

Gulliver at the Crossroads: America's Strategy During the Global Transition

A. TSYGANKOV

28

The Shifting Power Structure of Northeast Asia and China's Strategic Choices in the 2020s

HUAIGAO QI KAISHENG LI

45

The New Macedonian Question: the Current Stage of Development

D. GOLOVIN S. SKLYAROV

68

Georgia Beyond "Radical Europeanness": Undiscovered Directions of Foreign Policy

A. SIKHARULIDZE

91

Coronavirus and Politics: Demands and Values in the Age of the Pandemic

D. PARENKOV K. PETROV

109

RESEARCH ESSAY

India's Rise from a Regional to a Global Power

S. BARU

122

INTERVIEW

International Relations through the Dynamics of Macrohistory

G. DERLUGUIAN

135

REVIEW

Ecorealism Instead of Ecoactivism

N. PROTSENKO

147

Стратегическое многообразие в турбулентном мире

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-7-10>

В июне 2008 года американский дипломат и эксперт-международник Ричард Хаас предложил интересную метафору для характеристики современной мировой политики. С его точки зрения, основной ее чертой стала «бесплюсность», то есть не доминирование какого-то одного государства, двух или нескольких соперничающих коалиций, а активное участие в международных делах множества акторов, способных оказывать серьезное воздействие на формирование глобальной и региональной повестки дня¹. При этом наряду с традиционными игроками – национальными государствами – мы наблюдаем растущее влияние множества негосударственных институтов: от неправительственных организаций до криминальных и террористических сетей. Процесс принятия важных политических решений в намного большей степени стал зависеть от общественного мнения и медийной среды. Без твиттер-дипломатии и сетевого сопровождения важнейших событий мировой политики уже невозможно представить современные международные процессы.

Все это усиливает неопределенность межгосударственных отношений. На первый взгляд, прежние военно-политические и экономические интеграционные проекты сохраняют свое влияние на международные процессы. Но говорить о том, что их, как и раньше, связывает некое общее видение стратегических перспектив, весьма проблематично. В НАТО по-прежнему входят США, Турция, Греция и Франция. Однако непросто вывести общий знаменатель под их позициями по Ближнему Востоку или Средиземноморью. Во многом то же касается ОДКБ с ее подходами к урегулированию постсоветских конфликтов, или Евросоюза, если говорить об оценках миграции в Европу из Африки или из других «горячих точек». Общность позиций становится более ситуативной, а стратегические планы все больше требуют многочисленных исключений. Для такой ситуации авторы

1 Richard N. Haas, "The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance." Foreign Affairs, May–June 2008, accessed October 12, 2020, <https://www.jstor.org/stable/20032650>.

доклада «Международные угрозы – 2020» удачно использовали библейский образ – слова Екклесиаста о времени «отказа от объятий»¹.

В современном мире без четких полюсов открываются неисчерпаемые возможности для социального конструирования, в котором «идеи конституируют интересы»². И мы видим растущий разрыв между состояниями де-факто и де-юре. Сосуществуют различные политико-правовые реалии, где одновременно присутствуют формально «территориально целостные» государства и многочисленные непризнанные и частично признанные образования, территории, неподконтрольные официальным властям, которые в реальности могут влиять на международные процессы сильнее, чем держатели национальных флагов перед ооновскими комплексами в Нью-Йорке, Женеве или Вене. Однако даже сторонники конструктивистских подходов признают объективную ограниченность (и в некоторых случаях опасность) выстраивания внешнеполитических стратегий на основе абстракций и идеалистических схем³.

Представляемый читателю второй номер журнала «Международная аналитика» посвящен оценкам стратегических перспектив различных игроков в наступающем третьем десятилетии XXI века. Авторы предлагают свои объяснительные модели того, как разные акторы рассматривают роль соперничества, союзничества, сотрудничества, конфронтации, стратегической стабильности в мире растущей неопределенности. Номер открывает круглый стол с участием российских экспертов – международных, посвященный России в новом десятилетии. Андрей Кортуннов, Федор Лукьянов, Виктор Мураховский, Иван Сафранчук, Николай Силаев, Дмитрий Сулов, Андрей Сушенцов, Дмитрий Тренин обсуждают, какие основные вызовы ожидают в новом десятилетии российскую внешнюю политику, в какой степени они уникальны, а в какой – имеют отношение к международной ситуации в целом, кто может стать союзником Москвы в будущем, а кто – лишь попутчиком.

В статье Андрея Цыганкова рассматривается внешнеполитическая стратегия США в условиях смены миропорядка. Автор уделяет внимание трансформациям американской идентичности в контексте всё большей многополярности международной системы. С его точки зрения, без преодоления нарастающих внутренних расколов Вашингтону будет сложно вести продуманную и выверенную политику на мировой арене.

Статья Ци Хуайгао и Ли Кайшэна посвящена рассмотрению структуры безопасности в регионе Северо-Восточной Азии на фоне ослабления американского доминирования в мире. При этом авторы фокусируются на стратегических интересах КНР в новом десятилетии. По их мнению, китайский выбор в исследуемом регионе нацелен на избежание «новой холодной войны» с США и достижение баланса сил с Вашингтоном, а также обеспечение дружественных и долгосрочных связей с Россией, разностороннюю экономическую кооперацию с государствами-соседами, продвижение регионального механизма безопасности по аналогии с ОБСЕ.

1 Международные угрозы. Каждый за себя / Отв. ред. А.А. Сушенцов // МГИМО МИД России. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/2ac/int-threats-2020.pdf> (дата обращения 12.10.2020). С 3.

2 Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 114.

3 Kratochwil, Friedrich. "Of False Promises and Good Bets: A Plea for a Pragmatic Approach to Theory Building (the Tartu Lecture)." *Journal of International Relations and Development* 10, no. 1 (March 30, 2007): 1–15. doi:10.1057/palgrave.jird.1800111.

Санджая Бару рассматривает превращение Индии из региональной державы в силу, способную в будущем десятилетии играть уже на глобальном уровне. Согласно его выводам, эта страна как растущая держава остается приверженной мультилатерализму как в экономике, так и в сфере безопасности. И следование этому курсу, полагает автор, поможет Индии в новом десятилетии сократить риски и усилить устойчивость к внешним вызовам.

Наряду с крупными мировыми акторами в представленном номере выходят материалы, посвященные и стратегическим перспективам малых стран. По справедливому замечанию Роберта Ротштейна, «малые державы даже без ядерного оружия могут влиять на международные отношения, и это влияние может выходить далеко за рамки их региональных подсистем»¹. Другой вопрос, насколько они суверенны в своем влиянии, или они выступают как субъекты для реализации чьих-то сторонних интересов? В этом блоке номера представлены два материала. Статья Арчила Сихарулидзе посвящена грузинской внешней политике за рамками традиционного спора о Грузии как арене соперничества НАТО и России. Автор фокусируется на «политике соседства», которую реализует Тбилиси, а также на отношениях этой страны с государствами, не входящими в категорию «коллективный Запад». По его мнению, это направление в значительной степени вытеснено на второй план идеями проевропейского выбора, что создает Грузии определенные проблемы. Статья Даниила Головина и Сергея Склярова обращена к анализу «нового македонского вопроса». На его примере разбираются сложные процессы трансформаций, взаимосвязь внешней политики Македонии с формированием национально-государственной идентичности нового независимого государства – бывшей республики СФРЮ, а также вопросы политики памяти в отношениях Скопье с Софией и Афинами.

Международные отношения в динамике макроистории – тема экспертной беседы с профессором социологии Нью-Йоркского университета в Абу-Даби Георгием Дерлугьяном. В ходе интервью рассматриваются как новые угрозы неполитического по происхождению характера современному миру (пандемии, изменение климата), так и трансформирующаяся роль различных центров силы и регионов.

Мы продолжаем анализировать влияние коронавирусной пандемии на международные процессы. Этой теме посвящена статья Даниила Паренькова и Кирилла Петрова. Авторы в рамках теории управления страхом анализируют политико-психологические последствия наступления COVID-19. Прежде всего это касается определенных трансформаций ценностных приоритетов и общественных запросов.

Завершает номер рецензия Николая Проценко на новую книгу известного британского политолога и журналиста Анатоля Ливена, посвященную влиянию изменения климата на функционирование национальных государств.

Конечно, в рамках одного номера (или даже нескольких) полная оценка стратегических перспектив нового десятилетия не представляется возможной.

1 Rothstein, Robert L. *Alliances and Small Powers*. New York: Columbia University Press, 1968. Pp. 22–23.

И такой амбициозной задачи редакционный коллектив «Международной аналитики» не ставил. Однако особое внимание к многообразию подходов в быстро меняющемся и непредсказуемом мире 2020-х годов представляется крайне важным. Как и продолжение разговора о том, кто и как проведет «центровку» «бесполюсного мира», и возможна ли она в принципе.

С.М. Маркедонов, главный редактор

Россия в новом десятилетии: цели, угрозы, попутчики

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27>

АННОТАЦИЯ

Редакция журнала «Международная аналитика» провела круглый стол с ведущими политологами России, на котором обсудила проблемы и перспективы российской внешней политики в новом десятилетии XXI века. Во время дискуссии участниками затрагивались многие актуальные вопросы, например, какие цели должна ставить Россия в новом десятилетии: максимально увеличить свое международное влияние или сосредоточиться на внутреннем развитии? Что считать главными стратегическими угрозами:

«новую холодную войну» или технологическое отставание? Наконец, кого признавать союзником в новой неопределенной международно-политической ситуации, или данный термин безвозвратно устаревает? В беседе приняли участие видные учёные-исследователи: Фёдор Александрович Лукьянов – директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба (МДК) «Валдай», главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»; Дмитрий Витальевич Тренин – директор, председатель научного совета и руководитель программы «Внешняя политика и безопасность» Московского Центра Карнеги; Андрей Вадимович КОРТУНОВ – генеральный директор Российского совета по международным делам; Виктор Иванович Мураховский – главный редактор информационно-аналитического журнала «Арсенал Отечества», эксперт Российского совета по международным делам;

Андрей Андреевич Сушенцов – директор Института международных исследований МГИМО МИД России (ИМИ), программный директор Фонда развития и поддержки МДК «Валдай»; Дмитрий Вячеславович Суслов – заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Николай Юрьевич Силаев – ведущий научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России;

Иван Алексеевич Сафранчук – ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО МИД России, директор российского представительства международного Центра оборонной информации (2001 – 2006), *Center for Defense Information*.

*Беседу вел Сергей Мирославович Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

С.М. Маркедонов: Уважаемые коллеги, сегодня мы собрались для обсуждения перспектив, основных угроз, рисков для российской внешней политики в рамках общей темы второго номера «Международной аналитики» – «Новое десятилетие: стратегические перспективы из разных углов мира». На первый взгляд, предлагаемая для обсуждения тема изучена вдоль и поперек. Но при более глубоком рас-

смотрении мы можем обнаружить несколько серьезных препятствий для содержательного разговора. Прежде всего бросается в глаза излишняя категоричность в оценках. С одной стороны, внешняя политика России видится как цепь удачных наступательных действий, нацеленных на существенное расширение влияния Москвы. И уже не только в «ближнем зарубежье», но и в других регионах мира от Ближнего Востока и до Латинской Америки. А если принять во внимание тот факт, что не только публицистами, но и политологами-международниками обсуждается такой сюжет, как вмешательство России во внутренние процессы в западных странах («брекзит» в Великобритании, президентские выборы в США и Франции, поддержка национал-популистов в государствах-членах ЕС и НАТО), то речь идет едва ли не о планетарном масштабе российского могущества. С другой стороны, внешняя политика России уподобляется «шагреновой коже». Нет сильных союзников, отношения с Западом всерьез и надолго испорчены, а равноправная кооперация с Китаем проблематична, Москва потеряла Тбилиси, Киев, а теперь рассматривается и возможный уход из-под ее влияния и Минска. А Белоруссия – это не просто союзник России, а участник общего проекта – Союзного государства.

Но так ли однозначны по своим последствиям все указанные выше процессы? Та же потеря кого бы то ни было – процесс двусторонний. И не только Россия потеряла Грузию или Украину, но и Грузия с Украиной потеряли Россию. Те же приобретения Москвы на Ближнем Востоке принесли с собой не только усиление влияния, но и новые сложности в отношениях с Турцией, Израилем, Ираном, а также необходимость очень непростых решений и маневров буквально каждую минуту.

В академической экспертной литературе, прежде всего в США, присутствует тенденция к персонификации российской внешней политики. Наша с вами задача разобраться, где роль личности велика и порой играет определяющую роль, а где это не так. Наконец, нам важно определить возможные альтернативы российского политического курса. Насколько жестко нынешние подходы детерминированы? Предстоит ли России сохранить их в неизменном виде в наступающем десятилетии или возможны коррективы? Но если да, то какие именно?

Для ответов на эти вопросы нам необходимо осветить несколько блоков тем. Первый блок: каковы вызовы и угрозы российским интересам сейчас и в наступающем десятилетии? Второй блок: каковы цели и задачи России на международной арене после 2020 г., и кто наши союзники и противники, есть ли у нас попутчики для реализации обозначенных приоритетов?

Ф.А. Лукьянов: Если говорить о вызовах для российской внешней политики, то, как мне кажется, в ближайшее десятилетие они будут ровно такими же, как и для остальных игроков. В этом плане мы глубоко интегрированы в международную среду. Главный вызов заключается в том, что либеральный мировой порядок, действительно, закончился. Вместе с ним не только закончились попытки навязывания каких-то идеологических представлений, но исчезли и определённые ограничители действий государств, особенно крупных. Суть в том, что существовала гегемонистская сила, создавшая среду, в которой в определённых условиях и при соблюдении некоторых правил поведения остальные страны могли себя чувствовать относительно комфортно и добиваться своих целей. Сейчас это уходит. Мы вступаем в международную среду, главные черты которой определяются эгоизмом и тем, что в литературе называется «хищническими инстинктами».

Это означает, что Россия оказывается в крайне неопределенном и нестабильном окружении: становится очень затруднительно, если вообще возможно, с кем-либо выстраивать отношения на длительную перспективу. Особенность наступающего периода в том, что любые обязательства, которые кто-то на себя берёт, – юридические в рамках международных институтов или неформальные в рамках договорённостей – могут по разным причинам перестать выполняться. И такое положение дел станет новой нормой. В этом суть вызова для российской внешней политики: на самом деле, в таких условиях она действовать не привыкла и не очень умеет. У российского интеллектуального и стратегического сообщества ответа на вопрос адаптации к новой среде пока нет. Из этого вытекает и вопрос концептуализации российской политики: 30 лет назад задачей было вернуть Россию на достаточно высокий международный уровень после распада СССР – она выполнена. Вернуться-то мы вернулись. Но остается открытым вопрос, а что дальше?

30 лет назад нашей задачей было вернуть Россию на достаточно высокий международный уровень. Вернуться-то мы вернулись – а дальше что?

Д.В. Тренин: Согласен с Фёдором Александровичем. Окончание либерально-демократического порядка возвращает наш мир к исторической норме. Именно либерально-демократический порядок был aberrацией. Впервые мир оказался в рамках одной системы с одним стабильным лидером-гегемоном. И Россия, начиная с середины 90-х гг., расходилась с этим лидером все дальше и дальше. Однако в новых условиях она имеет огромный опыт ведения реальной политики. Российская политика всегда сопровождалась идеологией, будь то коммунистического толка или консервативно-охранительного. Но суть российской политики – опираться на реальность, это то, чем она обычно занимается в жизни. Поэтому новый «хищнический» миропорядок не будет для нее столь опасным. Более того, внешнее давление совершенно необязательно является отрицательным фактором. Для России в особенности это традиционный стимул для усиления.

Главная угроза для России – это опасность топтания на месте в экономическом плане и экономического угасания, а также усиления технологического отставания. Согласен с тем, что за последние годы Россия сумела восстановить в значительной степени международный статус, который не совсем соответствует её внутренним возможностям. Образовались определённые «ножницы». Эти «ножницы» необходимо ликвидировать. И нет ничего более важного, в том числе для внешней политики, чем способствовать экономическому и научно-техническому развитию страны. То есть России необходима гораздо более мощная, чем на сегодняшний день, экономическая, научно-техническая, социальная и политическая основа для ее курса на международной арене.

Колоссальным фактором слабости, на мой взгляд, является исключительно материальная ориентированность российских верхов. С такой элитой Россия мало на что может, на самом деле, претендовать. Эта элита впервые в российской истории не служит никому, кроме собственных интересов. И результат освобождения элиты от любых обязательств перед страной и обществом, как это

произошло в последние тридцать лет, на мой взгляд, – это фактор, от которого необходимо избавиться, если Россия действительно стремится к внутреннему развитию и занятию достойного места среди стран мира.

Наконец, в современном мире, несмотря на кажущуюся многим бесположность, уже появились два полюса: один – американский, другой – китайский. И для России чрезвычайно важно сохранить равновесие, не дать себя втянуть не в свою драку, не стать разменной монетой в этом противоборстве. Необходимо сохранить баланс в отношениях с Китаем и крепко держать свои позиции в отношениях с США. Совершенно не значит, что равновесие означает равноудаленность. С Китаем, я думаю, в обозримом будущем мы будем ближе, чем с США, но не втянуться не в свой конфликт я считаю главной внешнеполитической задачей.

А.В. Кортунюв: Дмитрий Витальевич упомянул об угрозе технологического отставания. Мне кажется, что, к сожалению, мы должны говорить об этом как о реальности. Даже если завтра будут приняты все нужные законы о структурной перестройке экономики и перехода на новый технологический уклад, то на протяжении ближайших нескольких лет всё равно роль России в мировой экономике будет снижаться, а технологическое отставание – расти. Необходимо думать о минимизации негативных последствий сокращения удельного веса России в мировой экономике, маргинализации России в мировых технологических цепочках, о том, как эти тенденции обратить вспять или сократить их негативное воздействие на внешнюю политику.

Я хотел бы также обратиться к тому, что говорил Фёдор Александрович, о завершении либерального миропорядка. Кризис (и экономический кризис, и пандемия) при всех центробежных тенденциях, которые были этим кризисом усилены, тем не менее слабо повлиял на единство Запада в отношении России. Никаких серьёзных изменений в позициях, скажем, европейских стран мы не наблюдаем. Более того, консолидация Запада может усилиться ввиду обострения конкуренции с Китаем или деятельности Джо Байдена, который в случае своего успеха на выборах, конечно, будет стараться это единство восстановить. Этого будет достаточно для того, чтобы поддерживать единый фронт Запада против России. С этим надо будет считаться.

Что касается биполярности, в последнее время мне приходится довольно много общаться с китайскими коллегами. Я вижу, как быстро меняется их тональность в общении с нами. Проблема наших отношений – асимметрия потенциалов. Сейчас это воплощено в видимом успехе Китая в борьбе с коронавирусом и не вполне ясных результатах этой борьбы в России. Всё это будет менять модель наших отношений, хотя, конечно, публично китайцы будут подтверждать, что эти отношения равноправны. В новой жесткой биполярности Китая и США России придётся трудно.

Наконец, определённая угроза есть и в том, что внешняя политика в обществе больше не будет рассматриваться как позитивный фактор, который мог бы компенсировать внутренние проблемы. Собственно говоря, в ходе коронакризиса уже очень проявились такие изоляционистские тенденции: «А зачем нам помогать Венесуэле, зачем нам посылать свою помощь в Италию или в Сирию?». Социальная база российской внешней политики, которая была относительно устойчивой на протяжении последних лет, начнёт сжиматься.

В.И. Мураховский: С некоторыми коллегами я бы не согласился, например, о концепции биполярности. Биполярность эпохи холодной войны базировалась не только на экономике и на вооружённых силах, но и на идеологии. Сейчас второго полюса для либеральной идеологии в мире нет. Что касается нашей внешней политики, основные тезисы «Концепции внешней политики Российской Федерации»¹ в принципе и сейчас актуальны. В российском стратегическом планировании учитываются и те документы, которые публично не особенно озвучиваются, например, «Прогноз угроз национальной безопасности на тридцатилетний период». Это документ стратегического планирования. Те, кто с ним знаком, скажут, что его тезисы подтверждаются. Наши возможности по проекции военной силы по сравнению с СССР радикально уменьшились, особенно в области флота, военно-транспортной авиации и так далее. Я бы сказал, что у нас в разы меньше таких возможностей. Поэтому в некоторых регионах нам придётся опираться в основном на авторитет внешней политики. Я не согласен с тезисом, что мы отстаём технологически. Действительно, наш рынок не такой объёмный, на мировой рынок нас никто не пустит, поэтому ожидать российских «айфонов» или чего-то в этом роде не стоит. Но по ряду направлений мы на лидирующей позиции или рядом: атомная энергетика и ядерные технологии в целом, некоторые ключевые системы вооружения и военной техники, программные комплексы и др.

Что касается конкретно внешней политики, она максимально прагматична, особенно в условиях совершенного отсутствия «союзников на века». И практическую реализацию мы видим на примере сирийской операции. Замечу, что Сирия является сейчас единственным регионом мира, где российские вооружённые силы напрямую соприкасаются с вооружёнными силами США, и не было ни одного случая острого конфликта. Такая ситуация, я думаю, в дальнейшем распространится на весь мир, и придётся отстаивать интересы иногда в очень конфликтных, но разрешимых ситуациях.

А.А. Сушенцов: Нынешняя международная среда делает российские национальные особенности востребованными. Россия – это то редкое государство, у которого есть непрерывный опыт ведения внешней политики, будучи одной из ведущих мировых держав на протяжении нескольких столетий. Непосредственным продуктом этого является опытная внешнеполитическая и военная элита и передающееся стратегическое мышление. Ключевой вызов для России, метафорически выражаясь, заключается в том, что она не является островом. Россию характеризуют огромная государственная территория, её большая хрупкость, низкая плотность населения. Большое количество внешних импульсов, которые

Собственно говоря, в ходе кризиса уже очень проявились такие изоляционистские тенденции: «А зачем нам помогать Венесуэле, зачем нам посылать свою помощь в Италию или в Сирию?»

1 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptiCk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 11.08.20).

затрагивают наши интересы, протекают в поясе наших границ и влияют на внутреннюю стабильность. Эти обстоятельства сложились в России ещё в начале XVIII века. Тогда, естественно, управляемость этой территорией была совершенно иной. Она и сейчас, как мы видим по большому количеству чрезвычайных происшествий и существованию у нас в структуре правительства целого Министерства по чрезвычайным ситуациям со своим экспедиционным флотом самолётов и многотысячных подразделений, по-прежнему довольно низко управляемая. Главная историческая черта нашей территории – евразийский вакуум, плотность населения на внеевропейской территории страны ниже двух человек на квадратный километр. Это историческое обстоятельство невозможно никаким образом изменить. Ни быстро, ни медленно, если только глобальное потепление климата в середине века не стимулирует многомиллионные миграции с юга на север. Внутренняя хрупкость России – её историческое родимое пятно. Низкая плотность населения, трудность производства добавочного продукта, огромная площадь территории и необходимость не только сохранять суверенитет, но ещё быть дееспособным в высококонкурентной международной среде – всё это толкало практически любое российское правительство вне зависимости от его политической ориентации к централизации ресурсов и к акценту на обороноспособность, к укреплению военных сил и к акценту на те технологии, которые имеют оборонное значение. В связи с этим значительных перемен в российской стратегии на горизонте ближайших двадцать лет я не вижу.

Международная система движется в направлении, которое российская стратегическая мысль предчувствовала и по-прежнему, на мой взгляд, даёт адекватные оценки. Её ключевые характеристики – это конкуренция, прагматизм и акцент на суверенитете. Каждый из этих ключевых терминов в российской стратегической мысли и в документах стратегического планирования фигурирует уже не меньше двадцати лет. Наблюдаемая децентрализация системы, усиление в ней нестабильности, кризис институтов – это следствия отсутствия в этой системе равновесия. При этом мы видим, что продолжающийся кризис институтов и правил происходит не обвальным образом, не моментально, как, допустим, крушение монархий после Первой мировой войны, а постепенно, и это нас с коллегами по Валдайскому клубу толкнуло на метафору «осыпания мирового порядка»¹. Ведущие страны не заинтересованы в обвальном, катастрофическом крушении правил. И я думаю, что и Китай не заинтересован в резком прекращении своих отношений с США, и наоборот. И то, что называется *decoupling* (анг. – разделение, отделение) между державами будет протекать в крайне мягкой, осторожной и неокончательной форме. Поэтому вот это предчувствие биполярности, которым живут многие аналитики, может оказаться обманчивым. По существу, мы можем ока-

Ключевой вызов для России, метафорически выражаясь, заключается в том, что она не является островом.

1 См. подробнее: Барабанов, О.Н., Бордачев, Т.В. и др. Жизнь в осыпающемся мире. Ежегодный доклад Клуба «Валдай» // Ежегодный доклад МДК «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 12.08.20).

заться в гораздо более сложной полицентричной системе, и вызовами для нас станут, скорее, не необходимость ориентироваться на США или Китай, а кризисы вроде того, что случился между Россией и Турцией в 2015 г. Не соглашусь с Андреем Вадимовичем: для внешней политики России наступающий период далеко не задвинет внешнюю политику, а, наоборот, актуализирует. Будут востребованы компетенции в области изучения языков и качественной экспертизы по ключевым, ведущим центрам силы для того, чтобы в этом высококонкурентном потоке правильно маневрировать и не упустить риски, которые, на первый взгляд, неочевидны.

Д.В. Суслов: Я согласен с Дмитрием Витальевичем в том, что для России распад либерального порядка в том виде, как мы его знали последние тридцать-сорок лет, – явление положительное. Надо понимать, что мы подразумеваем под либеральным порядком. Если это порядок, в центре которого стоят США, то это, скорее, гегемонистский порядок. И на сегодняшний день прекращается именно гегемонистский порядок. Если же под либеральным порядком подразумевать наличие институтов ООН с правом вето в Совете Безопасности, то этот порядок в значительной степени продолжается, хотя и слабеет, что неизбежно в условиях перехода от гегемонии к полицентричной системе. Да, полицентричная система будет, безусловно, более конфликтная, но не такая, как сам по себе переход от гегемонии к полицентризму. Впервые многополярная система будет существовать при наличии ядерного оружия и, возможно, этот фактор будет препятствовать возникновению больших преднамеренных войн по образцу Первой и Второй мировых войн.

Что касается вызовов или рисков для России, то главные носят, прежде всего, внутренний характер. Это экономическая стагнация, это всё большее экономическое отставание от главных центров роста мировой экономики, сохраняющийся внутри России экономический дисбаланс. И пока Россия не решит эти проблемы, она будет испытывать дефицит привлекательности и на постсоветском пространстве, и не будет восприниматься как устойчивый, независимый центр силы многими внешними игроками. Почему? Во многом из-за российской экономической слабости и отсталости. А уверенность многих на Западе в неизбежности отказа России от нынешней модели поведения не позволяет вести с ней нормальный диалог и выстраивать общий миропорядок, воспринимать Россию как независимый центр силы.

Что касается внешних вызовов, то формирование мира с двумя сверхдержавами (США и Китай) и переход России в разряд стран второго эшелона является главным таким вызовом. Это ни в коем случае не означает формирование bipolarного мира: с этим не согласится подавляющее большинство других стран, которые должны будут теоретически сформировать эти bipolarные блоки, да и

Что касается вызовов или рисков для России, то главные носят, прежде всего, внутренний характер. Это экономическая стагнация, это всё большее экономическое отставание от главных центров роста мировой экономики, сохраняющийся внутри России экономический дисбаланс.

сам Китай не претендует на создание китаецентричного глобального блока. Поэтому будет возникать полицентричная система, в которой большую и важную роль будут играть региональные центры силы (такие, как Турция и Саудовская Аравия), но при этом будут существовать два глобальных центра, которые будут существенно превосходить все остальные по совокупному потенциалу. Это опять-таки не означает автоматическую утрату Россией стратегической самостоятельности и попадание в зависимость от Китая. Однако тенденции формирования двух сверхдержав и антагонистические отношения между ними будут углубляться. При этом они не останутся с приходом Дж. Байдена, если он победит на президентских выборах в США. Такая ситуация создает риск того, что России надо будет на определенном этапе делать выбор, и это уменьшит свободу ее внешнеполитического манёвра в отношениях с третьими странами (с ЕС, с Индией и другими государствами).

Кроме того, превращение Китая в полноценную сверхдержаву и увеличение асимметрии потенциалов с Россией в пользу Китая может укрепить наступательность китайской внешней политики, в том числе на постсоветском пространстве. Если Китай на определенном этапе начнет относиться к России как к младшему партнёру, мы столкнемся с очень непростым выбором: либо принять эту модель, что перечеркнет всю логику российской внешней политики последних десятилетий, даже столетий, или же не принять эту модель – тогда неизбежно пойти на обострение отношений с Китаем и столкнуться в результате с ещё меньшей свободой внешнеполитического манёвра и напряжёнными отношениями одновременно как с Западом, так и с Китаем. Выбор в пользу Запада против Китая абсолютно невозможен в обозримой перспективе, для России это будет полная капитуляция. Поэтому может возникнуть ситуация напряжённых отношений одновременно и с Западом, и с Китаем, а это хуже, чем ситуация, в которой находился СССР в шестидесятые-семидесятые годы прошлого века, потому что тогда СССР был гораздо более силен, чем сейчас Россия, а Китай, напротив, более слаб.

Что касается консолидации Запада, о которой говорил Андрей Вадимович, да, это риск, но я не считаю, что возможно воссоздание Запада в том виде, как он существовал в период холодной войны, по двум причинам. Во-первых, потому что США сегодня не способны играть роль «благожелательного гегемона» – это в прошлом, в том числе в отношении Европы. Во-вторых, европейские страны не хотят однозначно присоединяться к США и их политике сдерживания Китая. Даже если к власти в США придет Дж. Байден, в долгосрочной перспективе монолит Запада всё равно не воссоздастся, и это сохранит определённые возможности в отношениях России со странами Западной Европы.

Ну, и последний вызов, мне кажется, – это объективное ослабление стратегической стабильности в мире, и повышение угрозы непреднамеренного неядерного военного столкновения России с США или с НАТО с опасностью эскалации на ядерный уровень. Главная причина этой угрозы – политическая конфронтация США с Россией и Китаем, которая будет становиться всё более и более ожесточённой, по крайней мере, в ближайшие несколько лет, причём вне зависимости от того, кто победит на президентских выборах в США этого года. Другая причина – это стирание грани между ядерными и неядерными стратегическими вооружениями, понижение планки применения военной силы в целом и ядерно-

го оружия в частности и полный развал прежней системы контроля над вооружениями без ясной перспективы выработки некоей новой системы на замену прежней. Вот, собственно, главные вызовы, которые я вижу для российской внешней политики.

Н.Ю. Силаев: Источник вызова для России в том, что масштаб ее влияния в мировой политике выше ее абсолютной мощи. Вместе с США и Китаем Россия входит в тройку наиболее влиятельных стран мира, значительно уступая обоим государствам по экономическому и демографическому потенциалу. Как сохранить глобальное влияние и высокий международный статус – которые в России считают синонимом национального суверенитета – в условиях такой диспропорции мощи с сильнейшими игроками?

Означает ли эта диспропорция, что влияние России будет сокращаться? На мой взгляд, нет. Сейчас источник влияния России состоит не только и не столько в её абсолютной мощи, сколько в её положении в сети международных связей. Хорошей иллюстрацией может быть Ближний Восток. Россия значительно нарастила свое влияние в этом регионе при ограниченном использовании силы и при сравнительно небольших возможностях по проецированию силы. Этот результат был достигнут благодаря выверенной внешнеполитической стратегии и способности поддерживать отношения с государствами, которые конфликтуют друг с другом: Ираном и Израилем, Ираном и Саудовской Аравией и др. Россия смогла занять нейтральное положение в этих конфликтных парах, обеспечив себе статус центрального игрока.

Американо-китайское столкновение чревато тем, что России будет сложнее, чем на Ближнем Востоке, удержаться в нейтральном положении. Но и здесь есть возможности. Как уже заметили коллеги, если возникнет долгосрочная американо-китайская конфронтация, она едва ли будет сопровождаться формированием двух блоков вроде тех, что были у Советского Союза и США. И в условиях такой конфронтации Россия окажется наиболее могущественной в большой компании стран, которые стремятся сохранить автономию как от США, так и от Китая. Правда, здесь многое зависит от того, сможет ли Россия в ближайшие годы добиться разрядки – естественно, не ценой достигнутого ею высокого международного статуса – с какими-либо из западных стран?

Ещё один вызов, который важен для России и международной системы в целом, – это противоречие между торговыми и политическими союзами. Коллеги уже упомянули, что политические союзы переживают эрозию. Но торгово-экономические отношения, производственные, технологические цепочки требуют устойчивости. Политические союзы сейчас не могут поддержать эту устойчивость. Конечно, здесь любопытен пример российско-турецких отношений: активные торгово-экономические и технологические связи сохраняются несмотря на политические разногласия. Но, к примеру, в отношениях с Германией этого добиться не удалось.

Сравнительная экономическая и технологическая слабость России, конечно, усложняет проведение ее внешней политики. Но тут важны детали. Во

Американо-китайское столкновение чревато тем, что России будет сложнее, чем на Ближнем Востоке, удержаться в нейтральном положении. Но и здесь есть возможности.

первых, представление о тотальной технологической отсталости России, мягко говоря, неверно. Россия – мировой лидер в атомной энергетике. Крупнейшие IT-компании в Европе – российские. Россия среди лидеров по развитию государственных электронных сервисов. Российская компания «Монокристалл» контролирует половину мирового рынка сапфировых пластин, которые применяются в электронике, в том числе в экранах для смартфонов – к вопросу об «айфонах» и маргинализации России в мировых технологических цепочках. Во-вторых, для укрепления нашего международного статуса мы сейчас должны продемонстрировать не преодоление абстрактной «отсталости», а несколько лет высоких темпов несырьевого экономического роста. Это решаемая задача.

И.А. Сафранчук: После распада СССР в России некоторое время доминировал тезис, что главные проблемы и вызовы для нашей страны – внутри, а не вовне. По итогам советского «застоя» были полностью утрачены светлые представления, что СССР идет в правильном направлении, а вот мир – куда-то не туда. Теперь мир виделся благополучным, а дом – нуждающимся в существенном реформировании, после чего можно будет воспользоваться всеми благами глобального мира. Не хочу сказать, что эти представления были неправильными, но значение внешнего фактора для России существенно возросло. И дело не только и не столько в известном осложнении отношений России с Западом. Есть несколько общемировых тенденций, которые ставят вызовы перед всеми мировыми державами.

Во-первых, в постбиполярный период сразу несколько незападных государств смогли совершить значительный рывок в развитии. Состав «высшей лиги» мировой политики расширился и обновился. В результате сложилось то, что в общем-то Россия и хотела, – полицентричный, или многополярный, мир. Но те правила, как формальные, так и неформальные, которые сформировались еще в период холодной войны, для этого мира с обновлённым набором великих держав, как оказывается, не очень подходят. США не смогли сохранить «правила игры» под своим контролем, остаться в этом обновлённом мире лидером, гарантом гегемонистской модели стабильности. В результате мы живём в новой конфигурации великих держав, в которой старые правила не действуют, но и полный хаос невозможен (хотя бы потому, что с учетом ядерного фактора предельные риски силовой политики при ничем не ограниченном эгоистическом поведении будут на неприемлемом уровне).

Во-вторых, долгое время процессы глобализации и идейной универсализации развивались параллельно, и к концу XX века казалось, что они совсем слились во что-то единое. Но сейчас это уже не так. Материально мир остаётся глобально связанным, но утрачено стремление к идейной гомогенности, к чему-то общему¹. Прекратился процесс универсализации. Материально глобальный, но идейно неуниверсальный (и даже не стремящийся к этому) мир – вот современная структурная реальность, у которой есть имманентное противоречие: для существующего уровня материальной глобальности мир слишком неуниверсальный, для нарастающего уровня неуниверсальности – мир слишком материально

1 См. подробнее: Safranchuk, Ivan. "Globalisation and the Decline of Universalism. New Realities for Hegemony." In *Hegemony and World Order*, edited by Piotr Dutkiewicz, Tom Casier, and Jan Aart Scholte, 65-77. London: Routledge, 2020. <https://www.routledge.com/Hegemony-and-World-Order-Reimagining-Power-in-Global-Politics/Dutkiewicz-Casier-Scholte/p/book/9780367457242>.

связанный, глобальный. Каким образом это противоречие может быть решено, пока неясно. У США нет сил (скорее моральных, чем чисто материальных) на новую попытку универсализации. У остальных великих держав нет таких намерений. Даже если к ним придет Китай, то его попытки что-то сделать в этом направлении, скорее, спровоцируют еще большее идейное размежевание в мире, чем дадут новый заряд к универсализации. Значит, должна произойти какая-то деглобализация мира, чтобы материальный компонент пришёл в соответствие с той идейной неуниверсальностью, которая увеличивается.

В-третьих, в ближайшие годы будет расти значимость обществ как во внутренней политике ведущих государств, так и на международной арене. Доверие к элитам падает везде, «трещат по швам» социальные контракты практически во всех крупных государствах-цивилизациях, в государствах с разной религией, с различным политическим устройством. Если поначалу казалось, что это свойственно только каким-то проблемным режимам (диктатурам на Ближнем Востоке, например), то, по всей видимости, сейчас мы сталкиваемся с тем, что это – общемировой процесс. Проводить внешнюю политику, не понятную обществам (а потому, в конечном счете, не принимаемую ими), будет все сложнее.

С.М.: Спасибо. Коллеги, как мне кажется, нам удалось удачно обрисовать контекст, в котором российская внешняя политика действует и будет действовать на ближайшую перспективу. Мы смогли удачно деперсонифицировать внешнеполитический курс России, показав, что многие проблемы носят системный характер. Среди наиболее важных я бы назвал несоответствие военной мощи и технологических стандартов; не всегда точное понимание взаимосвязей между внутри- и внешнеполитическими проблемами. Также мы пришли к выводу, что Россия как часть мировой системы имеет схожие с другими игроками трудности. Предлагаю теперь перейти к более развернутой характеристике целей российской политики и значения для нее наших союзников.

Ф.Л.: В контексте имеющихся потенциальных угроз цели и задачи российской внешней политики такие же, как и у любой страны. Везде внутриполитические нужды сейчас оказываются значительно выше в приоритете, чем внешнеполитическая деятельность. Создание условий для безопасного и устойчивого развития государств и обществ является основным. Ключевое слово здесь устойчивый. Потому что новая среда будет проверять все государства на прочность ещё больше, чем прежде. Поэтому прагматизм, который у нас постоянно выдвигается в качестве основного принципа российской международной деятельности, должен сохраняться и быть многократно усилен, причём все действия должны обеспечивать устойчивость системы внутри. А это означает, что постоянные союзы-альянсы российской политикой могут оказаться намного меньше востребованы: они не соответствуют волатильной среде, в которой приходится действовать.

И последний пункт – каковы наши союзники, противники и попутчики для реализации внешней политики. Я думаю, понятие «союзник» в прежнем по-

Мир в новом пограничном состоянии: *hardware* полицентричности – в наличии, а *software* для нее – отсутствует.

нимании уходит. Даже абсолютно модельные, образцовые союзники, такие как альянс НАТО – переживают кризис. Трансатлантическая ось перестаёт быть образцом союзнических обязательств для остальных. Исходя из изложенной логики, постоянных противников тоже быть не должно.

«Попутчик» станет ключевым термином в мировой политике.

Должны быть стабильные, рабочие отношения, которые могут ухудшаться, улучшаться, но должны соотноситься с текущими задачами. Поэтому «попутчик» станет ключевым термином в мировой политике. И если эти попутчики более или менее прилично себя ведут, как бывает в жизни с попутчиками, тогда будут выстраиваться отношения. Бывают тяжёлые попутчики, неприятные. Вот тогда будут возникать проблемы.

Д.Т.: К основной цели российской политики я бы отнес приоритет внутреннего развития (экономического, технологического, социального) и подчинение внешней политики этому главному приоритету общенациональной политики. Вторая цель – это национализация элиты через (в том числе) её ротацию. Теперь непосредственно о внешней политике. Сегодня мы наблюдаем формирование безблоковой биполярности. Я согласен, что не следует включаться в американо-китайский спор. У России появляется возможность выступить как часть мировой третьей силы, то есть укрепить свою независимость. Здесь у России могут быть самые разные партнёры.

В обозримой перспективе внешняя политика России должна быть выстроена вокруг стратегии геополитического равновесия. Я принимаю аргументы в отношении очень серьёзных проблем, которые создаёт скорое¹, скорее всего, отсутствие системы контроля над вооружениями, но всё-таки основы стратегической стабильности – это не только контроль над вооружениями, но и стратегическое сдерживание. Укрепление сдерживания посредством исключения непреднамеренного столкновения – это главное направление политики в отношении США. Стратегия равновесия для России включает также поддержание паритетных отношений с Китаем, добрососедство с Европой, партнёрство с Индией, нормализацию на новой основе, не предполагающую территориальные изменения, отношений с Японией, в «ближнем зарубежье» – собирание людей, а не земель.

Россия одинока в принципе, постоянные союзы являются aberrацией, институтом холодной войны. Ситуативные союзники, попутчики необходимы, это мы видим на Ближнем Востоке. С ними можно и нужно поддерживать отношения и использовать их в своих интересах.

А.К.: У нас распространено мнение, и оно прозвучало среди коллег, что с внешней политикой у России всё хорошо. Вот если этой внешней политике создать более мощную экономическую, технологическую, социальную базу, то было бы совсем замечательно. Это, конечно, очень привлекательно, но, откровенно говоря, мне кажется, такая гипотеза нуждается в обосновании. Можно предположить, что наши внешнеполитические успехи во многих случаях проистекают из сложившейся системы принятия решений, механизмов мобили-

¹ Речь идет об угрозе непродления договора СНВ-3, истекающего в феврале 2021 г.

зации ресурсов, информационного обеспечения, как наших внешнеполитических дел, так и внутренних.

В любом случае нам нужна существенная диверсификация инструментов внешней политики, расширение набора этих инструментов. Сейчас у нас их очень мало, и, хотя много говорится и о «мягкой силе», и о нашей экономической дипломатии, о дипломатии в сфере образования, науки, к сожалению, мало что делается. Такая диверсификация могла бы стать одной из основных задач на ближайшие годы. Мы должны повысить эффективность российской многосторонней дипломатии. Хотя мы говорим о многосторонности, это часто воспринимается как некий синоним многополярности, хотя на самом деле это совершенно разные понятия, и не одни мы не обладаем адекватным набором навыков работы в международных многосторонних структурах. Этим страдает любая крупная держава, которая инстинктивно склонна к двусторонним или односторонним действиям. Освоить искусство формирования тактических, ситуативных коалиций и выхода из этих коалиций, мне кажется, одна из задач, которые стоят перед нашей российской дипломатией весьма остро.

А.С.: Мне кажется, у российской внешней политики на горизонте в ближайшее десятилетие будут три ключевые цели. Они довольно консервативные. Первое – это поддерживать адекватность ответа на внешние вызовы. Внешних импульсов будет больше, при этом российская хрупкость никуда не денется. Во-вторых, России необходимо владеть внешнеполитической инициативой. И это дилемма: исторически и во многом сейчас российская политика носит реактивный характер, а как возможно проводить реактивную политику, а с другой стороны – владеть инициативой? Это выдвигает особые требования к качеству внешнеполитических и военных элит. Согласен с Андреем Вадимовичем: необходимо расширять инструментарий внешней политики и владеть не только навыками силовой переговорной дипломатии, но и мастерством создания ситуативных коалиций.

Третьей ключевой задачей является не потерять наработанный опытом и кровью прагматизм и не впасть в мессианство. В нынешнем поколении внешнеполитических элит таких тенденций почти не видно, но тем не менее это фундамент эффективности нашей внешней политики. По поступающим в МГИМО абитуриентам я вижу, что служба в МИД по-прежнему воспринимается как судьба, участь лучших, как место служения. И это очень обнадеживает. Лучшие студенты из наших групп обязательно подают документы в МИД и только потом для себя рассматривают какие-то другие ниши.

Что касается российских союзников, противников, попутчиков, в поясе российских границ нам необходима предсказуемость, которая с одними будет опираться на доверие и добрососедство, а с другими – по сути, на сдерживание, как в случае с украинским кризисом и нестабильной ситуацией на Южном Кавказе и вокруг Северной Кореи. Предсказуемость может достигаться консервативными методами сдерживания. Доверие и добрососедство – цели трудно достижимые, но необходимые нам в отношениях с Китаем и в том поясе границ с ЕС, где у нас есть конструктивное взаимодействие со многими странами. Россия не может себе позволить обострение кризисов по всему поясу своих границ. В том, что не касается российских границ, России нужно большое количество стратегических

попутчиков в разных регионах мира, стран, которые разделяют одни с нами установки в оценках международной среды как конкурентного поля, в оценках суверенитета как необходимого условия для национального развития и прагматизма как ключевой платформы для выработки национальных интересов.

Н.С.: Я думаю, что ключевая цель – это сохранение международного влияния на имеющемся уровне или его улучшение. Второе – это благоприятные условия для внутреннего развития. В категориях внешней политики это безопасность и наличие внешних рынков. Именно с точки зрения внешних рынков я хотел бы присоединиться к тому, о чём говорил Дмитрий Витальевич: Россия в силу своего статуса и опыта может возглавить в мире тех, кто не хочет ни американской,

Россия в силу своего статуса и опыта могла бы возглавить в мире тех, кто не хочет ни американской, ни китайской гегемонии.

ни китайской гегемонии. Здесь, на мой взгляд, открываются экономические возможности. Например, Россия могла бы стать поставщиком не американских и не китайских цифровых решений. Россия может отстаивать определённые правила игры в развитии цифровых технологий (правила игры, не допускающие монополизации рынков и данных со стороны крупнейших компаний или крупнейших государств). В этой области есть перспективы для многосторонней дипломатии и для широких альянсов.

Наконец, мне кажется, что важная задача – это деидеологизировать внешнюю политику для внутренней аудитории. По-видимому, это делать всё равно уже придётся, потому что публика, действительно, устаёт от того, как энергично наш политический класс обсуждает дела Украины и США и как мало он обсуждает дела в России. Но эта связка между легитимностью российского государства и внешнеполитическими успехами этого государства должна быть разорвана.

Д.С.: Думаю, задача внешней политики России номер один – стать ресурсом для внутреннего развития в нынешних геополитических условиях конфронтации с США. Здесь я во многом солидарен с Дмитрием Трениным. Да, конечно, российская внешняя политика нуждается в том, чтобы стать более гибкой на западном направлении, но конфронтация с США в обозримой перспективе непреодолима иным путём, кроме как капитуляцией России. А это не приведёт к оживлению и укреплению её экономики. Соответственно надо исходить из того, чтобы внешняя политика стала ресурсом для внутреннего развития в тех международных условиях, которые на сегодняшний день есть. Для этого надо выстраивать гибкую политику в отношении ЕС для того, чтобы в среднесрочной перспективе сделать возможным отмену европейских санкций. Также важно выстроить сбалансированные отношения с азиатскими странами и преодолеть нынешний перекос в пользу Китая – не за счет ослабления российско-китайского партнерства, а за счет интенсификации других направлений сотрудничества.

Вторая задача – сохранить стратегическую самостоятельность, быть независимыми как от Запада, так и от Китая. Для этого, конечно же, надо сохранять российско-китайское партнёрство, именно партнёрство, а не союз, минимизировать дипломатические усилия в отношении США и свести повестку к вопросам недопущения войны и укрепления стратегической стабильности. Также для этого необходимо проводить более проактивную политику в отношении союзников

и партнёров США: в Европе, Азии, на Ближнем Востоке. Надо, безусловно, укреплять отношения с Индией и Японией. Возможно, стоит выстраивать трёхсторонний диалог «Россия–Индия–Япония» в дополнение к российско-китайскому стратегическому партнёрству. И нужно не упустить закрывающееся окно возможности улучшить отношения с Японией. В Европе надо укреплять двусторонние отношения с крупными западноевропейскими странами, воздерживаться от каких-либо провокационных шагов в отношении европейцев по типу вмешательства в выборы, например. Стоит попытаться сопрячь «зелёный курс» Евросоюза с экологическими приоритетами и экологической стратегией России – это возможно и даже целесообразно. На Ближнем Востоке стоит сохранять сбалансированные отношения со всеми региональными центрами силы, избегать резкого ухудшения каких-либо из этих отношений, включая с Турцией.

Россию необходимо позиционировать как естественного партнёра всех тех стран, которые не хотят делать выбор между США и Китаем, кто стремится или получить, или сохранить свою самостоятельность в мировых делах. Именно это подразумевается под идеей России как «лидера нового неприсоединения»¹. В мире возникает спрос на Россию со стороны ближневосточных стран, африканских стран, Юго-Восточной Азии. И России необходимо всячески использовать эту возможность. Здесь открываются в том числе и экономические возможности.

Стратегическая задача номер три – не допустить войны с США, управлять конфронтационными отношениями. Это, безусловно, означает прежде всего укрепление сдерживания без втягивания в гонку вооружений, отказ от количественного паритета, укрепление механизмов деэскалации и выработку правил игры в тех областях, где угроза непреднамеренного конфликта наиболее высока. Прежде всего это кибер- и высокоточные вооружения в неядерном оснащении. И коль скоро Андрей Андреевич упомянул про МИД, настало время для определённой ребалансировки региональных приоритетов в кадровом отношении в министерстве.

Что касается противников России (США, атлантические элиты в Западной Европе, Польша, страны Балтии, Украина), пытаться укреплять с ними отношения в ближайшие годы не получится, и любые попытки будут носить только контрпродуктивный характер. Союзников не будет, особенно среди великих держав. Здесь я абсолютно согласен с Фёдором Александровичем. Будут лишь партнёры и попутчики. Главные российские партнёры и попутчики – это Китай, страны БРИКС, страны Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки, которые стремятся к самостоятельности и не хотят делать выбор между США и Китаем. Они появляются и усиливаются и в Европе. Приходят новые европейские элиты, которые по-другому смотрят на трансатлантические отношения. В данном случае для России это партнёры и попутчики.

В.М.: Задача российской политики – это обеспечение стабильного развития страны, прежде всего внутреннего: и экономического, и политического, и социального. Вторая главная задача – предотвращение глобальной войны. Хотя нужно

1 См. подробнее: Сулов, Д.В. Идеиная триада для России // Коммерсантъ. 22 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4327859> (дата обращения: 11.08.20).

отметить, не стоит стесняться применения военной силы, когда это востребовано обстановкой, а от ее использования прогнозируются позитивные эффекты. Наконец, в-третьих, я думаю, будет востребовано развитие новых форм взаимодействия государств: в этом смысле я обратил бы внимание на режим контроля над ракетными технологиями¹, который не является обязательным договором – присоединяются к нему на добровольной основе. Тем не менее он действует, как показывает практика, даже эффективнее, чем некоторые международные договоры: я обратил бы внимание на сотрудничество с Китаем в военной области. Мы не являемся формальными союзниками. Тем не менее Китай – это единственная держава, с которой мы обмениваемся данными систем предупреждения о ракетном нападении и проводим совместные учения. Мы не являемся военными союзниками, тем не менее Китай – вторая страна, которая вводит на учениях «Восток – 2018» в состав коалиционной группировки в подчинение российскому командованию свою оперативную группировку войск. И такое сотрудничество развивается по другим направлениям. Поэтому тип отношений, в рамках которых формальных союзнических договоров нет, но на практике реализуется стратегическое взаимодействие, я думаю, будет всё больше востребован в будущем.

И.С.: Задачи перед Россией стоят исторические. Это суверенитет, который прежде всего связан с безопасностью, а также развитие (не только экономическое, то есть рост ВВП, но и развитие в более широком, социальном плане). По крайней мере, с Петра Великого своей миссией вовне российское государство всегда считало способность быть значимой частью ойкумены, а внутри – быть не дикими и не варварами (в том числе на фоне остальной ойкумены)².

Пока мир колеблется между деглобализацией и новой попыткой мировой универсализации, я думаю, что Россия будет выступать против обеих альтернатив. В России очень сильный компонент «самости», поэтому на универсализацию Россия не согласится. С другой стороны, Россия не может согласиться и на глубокую деглобализацию. Россия всё-таки связана с миром: она живёт за счёт сырьевого экспорта, а любая попытка внутреннего развития или модернизации связана с импортом технологий. Деглобализация может иметь негативные последствия для российского развития.

Россия проводит очень гибкую и профессиональную внешнюю политику, это дает много преимуществ. Но объяснять такую политику обществу приходится за счет сильного «пропагандистского напора». Нужно найти какие-то стержневые объяснительные модели для российской замысловатой, гибкой политики.

Что касается союзников, думаю, перед Россией будет стоять задача сформировать блок тех, кто находится с ней в связке при решении базовых задач сохранения

Задачи перед Россией
стоят исторические.
Это суверенитет,
который прежде
всего связан с
безопасностью,
а также развитие.

1 См. подробнее: Режим контроля за ракетной технологией // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/hr/eksportnyj-kontrol/-/asset_publisher/UhKoSqyDFGv/content/id/80466 (дата обращения 14.08.20).

2 См. подробнее: Safranchuk, Ivan A. "M – Messianism." *Russia in Global Affairs* 18, no. 1 (2020): 105–7. doi:10.31278/1810-6374-2020-18-1-105-107.

суверенитета и обеспечения развития. Это не традиционная коалиция союзников, это набор государств, с которыми мы делим суверенитет и делим экономическое развитие. В нынешних политических границах Россия не может быть полностью экономически успешным государством. Поэтому политические и экономические границы российской системы, скорее всего, не будут совпадать. Экономические границы нужны более широкие, чем существующие у России сейчас политические. Это нужно будет сбалансировать в системе пророссийских организаций, таких как ЕАЭС и ОДКБ. В обозримой перспективе надо будет очертить, наконец, круг тех, кто является партнёрами России по суверенитету и по соразвитию, определить правила «игры» на этом пространстве и всерьез его укреплять. Проблема в том, что хочется расширить круг тех, кто попадет в это пространство, то есть подождать с «подведением черты», подождать тех, кто пока «дозревает» до необходимых стратегических решений. В конечном счете, это означает выбор между углублением сотрудничества и расширением состава его участников. Долгое время приоритетом было последнее, но важнее концентрация на первом.

С.М.: Большое спасибо. Уважаемые коллеги, в ходе дискуссии прозвучало множество интересных метафор: «время попутчиков», «Россия как лидер неприсоединения», «эпоха отсутствия альянсов». Уверен, что эти находки и конструктивные предложения можно и нужно будет оттачивать потом в виде академических публикаций и научных эссе. Надеюсь, что в дальнейшем Вы снова будете к этим темам обращаться. Мне кажется, что сегодня по итогам беседы нам удалось показать «диалектику» общего и особенного в том, что касается сегодняшних международных вызовов и «вернуть Россию её времени». Мы показали контексты, в которых сегодня действует Россия, обозначили те возможности и те ограничители, с которыми она сталкивается, сталкивалась и будет сталкиваться в ближайшее время. Крайне важно и то, что разговор о российских перспективах вышел за рамки обсуждения внешнеполитического курса одной отдельно взятой страны. Были обозначены такие серьезные проблемы международного развития в целом, как растущая неопределенность, эрозия традиционных союзов и интеграционных объединений, коллизии между глобализацией и партикуляризмом.

Спасибо огромное вам за ваше время.

Цитирование

Лукьянов, Ф.А., Тренин, Д.В., Кортуннов, А.В., Сушенцов, А.А., Суслов, Д.В., Силаев, Н.Ю., Мураховский, В.И., Сафранчук, И.А., Маркедонов, С.М.

Россия в новом десятилетии: цели, угрозы, попутчики // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (2). – С. 11–27.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27>

For citation

Lukyanov, Fedor A., Dmitrii V. Trenin, Andrei V. Kortunov, Andrei A. Sushentsov, Dmitrii V. Suslov, Nikolai Yu. Silaev, Viktor I. Murakhovskii, Ivan A. Safranchuk, and Sergey M. Markedonov.

“Russia in the New Decade: Objectives, Threats, and Fellow Companions.”

Journal of International Analytics 11, no 2. (2020): 11–27.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27>

Гулливер на распутье: американская стратегия и смена миропорядка

Андрей Павлович Цыганков

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности современного этапа международных отношений как переходного от американоцентричного к иному, полицентричному миропорядку. У США есть немало возможностей повлиять на формирование будущего миропорядка, которые они максимально используют для сохранения доминирующей роли в мире. Но у американской позиции имеются и серьезные слабости, главной из которых является психологическая неготовность истеблишмента в Вашингтоне к изменению глобальной роли США. Переходное положение страны порождает кризис идентичности, сопровождающийся острейшими спорами в политическом классе относительно выстраивания внешней политики и стратегии. В многообразии позиций и нарративов американской стратегии можно выделить (1) сторонников продолжения либеральной глобализации с сохранением за Америкой доминирующих позиций, (2) националистов, поддерживающих сверхдержавность и ресурсное доминирование силой давления (3) реалистов, или сторонников выстраивания нового баланса глобальных сил и согласования интересов США с другими растущими державами. Кризис идентичности США связан с изменением положения страны, находившейся на центральных позициях в международной системе со времен окончания Второй мировой войны и укрепившейся в качестве доминирующей глобальной державы после холодной войны. Американский политический класс и ранее не был монолитен и всегда, даже в период холодной войны, представлял спектр различных внешнеполитических идей и позиций. Однако в прошлом внешнеполитические разногласия не ставили под сомнение базовые, составлявшие основу национальной идентичности позиции и ценности страны. Для Америки эти ценности были связаны с глобальной ролью в продвижении идеалов свободы и либеральной демократии, ранее подпитываемой и противостоянием с СССР. Исчезновение советской державы укрепило позиции либеральных глобалистов и стратегический нарратив глобального продвижения американских ценностей. Отличие современного этапа заключается в том, что брошен вызов самим позициям глобализма и выраженной его языком национальной идентичности. Националисты и реалисты больше не принимают аргументацию либеральных глобалистов, результатом чего является углубление в политическом классе и обществе идейной поляризации. Возникший идейный и внутривнутриполитический кризис раскалывает элиты и делает невозможным проведение продуманной международной стратегии. Такая стратегия станет результатом преодоления внутривнутриполитического кризиса и реагирования руководства страны на развивающиеся в мире процессы плюрализации и полицентризма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

американская стратегия, кризис идентичности, стратегический нарратив, миропереход

Во второй половине 1960-х гг., в промежутке между сталинским и брежневским обострением отношений с США, видный американский международник С. Хоффманн выпустил книгу под названием *Gulliver's Troubles*¹. С. Хоффманн полагал, что американская внешняя политика является результатом исторически сформированных глубинных привычек (*deepest habits*), институтов и искусства дипломатии. Он считал, однако, что возникшие в послевоенное время привычки сверхдержавности и доминирования не могут быть реализованы в условиях усложнившейся, ставшей «много-иерархичной» системы международных отношений. *Гулливер* оказался связан многими путями системы, требующей не радикализма и жесткости, а умеренности, гибкости и готовности действовать в рамках существующих в мире правил и многосторонних форматов. Критика С. Хоффманном политики США заключалась в том, что ей следует задаться иными стратегическими целями и привести их в соответствие с наличествующими средствами. Он утверждал, что новым национальным стилем должна стать не неуклюжая дипломатия холодной войны, а опора на свойственные Америке навыки поддержки многообразия, развития военной стратегии, укрепления мира и ведения переговоров.

США, как известно, пошли по иному пути, разрубив связывающие *Гулливера* путы, уверовав в свою правоту в холодной войне и попытавшись выстроить мир по своему образу и подобию. Рекомендации С. Хоффманна были проигнорированы, но в диагнозе он не ошибся. Сверхдержавность не может поддерживаться длительное время и, как хорошо известно по опыту СССР, дается ценой огромного перенапряжения сил. В пьесе любимого С. Хоффманном А. Камю «Калигула» римский император вынужден признать, что завладеть Луной ему не под силу, а использование абсолютной власти ради уничтожения, а не созидания, самоубийственно. Не сразу, но признает это и Америка, вступившая сегодня в сложный период переосмысления своей роли в мире.

В статье рассматриваются особенности современного этапа международных отношений как переходного от американоцентричного к иному, более полицентричному миропорядку. У Америки есть немало возможностей повлиять на формирование будущего миропорядка, которые она максимально использует для сохранения доминирующих позиций в мире. Эти возможности связаны с экономическими и научно-технологическими ресурсами, сохраняющимся в глобальных транзакциях господством доллара, разветвленной сетью военных баз и политических союзов и сохраняющимся в некоторых частях мира образом страны-защитницы идеи индивидуальной свободы². Значительная часть американского истеблишмента продолжает исходить из того, что США сумеют удержать позиции доминирования в международной системе, если правильно распорядятся имеющимися возможностями. Для одних такое удержание связано с лидерством Америки, под которым понимают умение вести за собой при помощи убеждения, опоры на международные институты и поиска совместных ответов на глобальные вызовы. Другие отстаивают позиции гегемонии, утверждая, что

1 Hoffmann 1968.

2 Brooks, Wohlforth 2016.

доминирование в мире требует использования политического, экономического и военного давления на несогласных. И те, и другие убеждены, что доминирование США остается важнейшим условием глобального мира и стабильности. Несмотря на внешние и внутренние перемены, налицо психологическая неготовность истеблишмента страны к изменению глобальной роли страны.

Тем не менее – и в этом состоит основная аргументация статьи – переходные процессы в мире способствуют возникновению острого кризиса национальной идентичности, выражающегося во внешнеполитических спорах. Америка находится на центральных позициях в международной системе с момента окончания Второй мировой войны, а в первые два десятилетия после холодной войны укрепились в качестве доминирующей в мире державы. Позиции американского доминирования пошатнулись лишь во второй половине 2000-х гг., когда стала давать сбои стратегия глобальной демократизации и смены режимов и вышли на поверхность глубокие разногласия США с Россией и Китаем. Со времени глобального финансового кризиса 2008 г. Америка вступила в период поиска новой политики, выражением чего стало избрание президентом Б. Обамы. Его президентство положило начало острым спорам в политическом классе относительно будущего Америки и выстраивания внешней политики и стратегии¹.

В многообразии позиций, являющихся источниками нарративов о международной системе и американской стратегии, выделяются три основных, конкурирующих за влияние на национальный дискурс и практическую политику. Во-первых, это сторонники продолжения либеральной глобализации с сохранением за Америкой доминирующих позиций. Во-вторых, это националисты, выступающие за сверхдержавность, ресурсное доминирование за счет остальной части мира и навязывание мира посредством американской силы и оружия. В-третьих, это реалисты, или сторонники согласования интересов США с другими растущими державами и выстраивания нового, соответствующего реалиям XXI века глобального баланса сил. За каждой из данных позиций и школ – теоретически выстроенный стратегический нарратив. Такой нарратив определяется как системное мировоззрение, обосновывающее стратегию внешнеполитического и военного поведения на основе сформированных образов союзников, противников и вызовов международной среды².

Конечно, и ранее американский политический класс не являлся монолитным целым, не было в нем единства и в период холодной войны. Исторически он представлял спектр различных внешнеполитических идей и позиций. Отличием подобных обстоятельств от нынешней ситуации является тот факт, что разногласия по поводу внешнеполитической стратегии США ранее не ставили под сомнение базовые ценности страны, составлявшие основу национальной идентичности. Для Америки такая идентичность сосредоточена вокруг её глобальной роли в продвижении идеалов свободы и либеральной демократии. Наличие глобальной миссии и внешнего противника помогали укреплять эту идентич-

1 Об этих спорах в период президентства Б. Обамы см.: Цыганков, А.П. Отложенный полицентризм // Россия в глобальной политике, – № 4, – 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/otlozhennyj-policzentrizm/> (дата обращения: 09.07.2020).

2 Это определение стратегического нарратива следует отличать от основанных на образах себя и других медиа-нарративов. Об этом см. подробнее: Miskimmon et al. 2013, 2.

ность, придавали идее служения целям всеобщего мира и процветания внутренних культурно-исторический смысл. В период холодной войны эта идентичность идеологически подкреплялась противостоянием с СССР. Исчезновение советской державы способствовало усилению в американском политическом классе настроений победы и глобальной незаменимости, что укрепляло позиции либеральных глобалистов. Все разногласия в политическом истеблишменте касались теперь методов реализации глобального доминирования и продвижения американских ценностей в мире.

Также современный этап несет в себе другую, отличную от прошлого особенность: брошен вызов самим позициям глобализма и выраженной его языком национальной идентичности. Националисты и реалисты больше не готовы принимать доводы либеральных глобалистов, результатом чего стала глубинная идейная поляризация в политическом классе и обществе. Возникший идейный и внутривнутриполитический кризис приводит к расколу внутри элит, а это, в свою очередь, задерживает процесс перехода к новому миропорядку и делает невозможным проведение продуманной международной стратегии. Такая взвешенная стратегия может сформироваться только в результате преодоления внутривнутриполитических разногласий и реагирования руководства страны на процесс развивающегося мирового плюрализма и полицентризма.

Смена миропорядка и Америка

Любой мировой порядок предполагает наличие согласия основных участников международных отношений и их готовность действовать по определенным правилам¹. Исторически миропорядки возникали в результате войн и перераспределения сил. Вновь созданные правила поведения являлись отражением представлений держав-победителей о принципах справедливости и распределения силовых возможностей.

Смена миропорядка связана, во-первых, со стремлением новых растущих держав пересмотреть не устраивающие их глобальные правила, а, во-вторых, с неспособностью держав статус-кво настоять на выполнении этих правил. Результатом становится начало сложных, болезненных процессов, сопровождающихся ослаблением и распадом международных институтов, борьбой за власть и постепенным формированием новых форм глобальной организации. В истории международных отношений подобные переходные процессы редко оказывались плавными и сопровождались войнами, создававшими новый баланс сил и правила поведения².

Современный мир находится в процессе перехода от американоцентричного к иному типу глобального устройства. В этом миропереходе переплетаются между собой три важных процесса – относительное снижение роли США в глобальных отношениях, сопровождающееся подъемом незападных держав (Китай, Индия, Россия), возникновение новых международных форматов и борьба держав за власть и влияние в будущем миропорядке. Миропереход начался с середины 2000-х гг. в связи с ошибками США в Ираке и стремлением навязать

1 Kissinger 2014, 9.

2 Подробнее о процессах мироперехода см.: Tsygankov 2019.

свои условия в других регионах посредством расширения НАТО и поддержки цветных революций в Евразии и на Ближнем Востоке. Америкоцентричный миропорядок держался на способности Вашингтона отказывать другим державам в проведении независимой внешней и внутренней политики. После середины 2000-х гг. с нарастающим подъемом незападных стран такая политика перестала быть эффективной. Россия, Китай, Иран, Турция и другие государства больше не ориентируются преимущественно на США и проводят активную внешнюю политику, защищая свои интересы и сферы влияния. Возникают новые, не связанные с США институциональные объединения и переговорные площадки, а международный авторитет Америки находится на самой низкой отметке со времени окончания холодной войны. При сохранении за США сверхдержавных позиций налицо относительное ослабление военно-экономического потенциала и идейно-политического авторитета страны в мире.

Переходные процессы в мире неуклонно ведут к ослаблению американского доминирования, но пока не привели к образованию крепких опор нового миропорядка. Другие державы не готовы разделить бремя ответственности за поддержание глобального мира и стабильности. Америка находится в положении единоличного подпирающего небо атланта. Такое положение сулит не только перенапряжение, но и трудности перехода к новой политической конструкции. Как осуществить такой переход, если партнеры слабеют, а соперники становятся сильнее? Сохранить лидерство, возглавить переход в этих условиях уже не представляется возможным. Однако большинство в политическом истеблишменте США по-прежнему уверено в том, что глобальный мир, свобода и процветание невозможны без ведущей роли Америки. Как недавно написал кандидат на пост президента от Демократической партии Дж. Байден, «Соединенные Штаты обязаны быть лидером. На это больше никто не способен. Ни одна другая нация не была создана на основе этой идеи»¹.

Поэтому главная трудность смены миропорядка по-прежнему связана с психологической неготовностью американского истеблишмента к изменению глобальной роли страны. Элиты США готовы бороться за сохранение еще недавно прочного мироустройства, а центральное положение Америки в международной системе наделяет их для этого колоссальными возможностями. Американская финансовая система остается опорой мировой экономики, и более 60% всех мировых транзакций осуществляется в долларах США. Таким образом, Вашингтон обладает уникальной возможностью финансировать амбициозные проекты, при этом увеличивая внешний и внутренний долг и почти не заботясь об инфляции. Америка остается привлекательной для эмигрантов и немалого количества талантов со всего мира и продолжает быть лидером в создании новых технологий. В основном сохраняется и лидерство США в военном отношении, хотя в этой области разрыв с другими странами сокращается или даже уже сократился². Америка создала обширную сеть военно-политических союзов, нередко

1 Joseph R. Biden, Jr., "Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump," *Foreign Affairs*, March/April, 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again>.

2 Известно, что в ряде военных технологий и видов оружия – как например, гиперзвук и некоторые другие – Россия сегодня вышла вперед.

по-прежнему успешно эксплуатируя ее в своих интересах. Союзники США в Европе и за ее пределами и сегодня, пусть с меньшей охотой, нередко идут навстречу Вашингтону. Сделки по нефти и газу часто совершаются под американским влиянием или давлением.

В силу указанных причин Вашингтон и далее будет прилагать усилия для саботажа или хотя бы замедления формирования новой властной и институциональной инфраструктуры в мире. Наблюдая за действиями администрации Д. Трампа, можно с большой долей вероятности прогнозировать, каким образом будет осуществляться этот процесс. Особенно характерна политика США в отношении главного конкурента, Китая. Со времени избирательной кампании Д. Трамп настаивал на утверждении в мире принципа *America First*, не без оснований связывая успех такой философии с ослаблением Китая. За время своего президентства Д. Трамп добился на этом поприще определенных успехов. В его послужном списке сделка и продолжающиеся переговоры с Китаем о более выгодных условиях в торговле, давление на телекоммуникационную компанию *Huawei*, разыгрывание «тайваньской карты» путем продвижения членства Тайваня в ООН, продолжение сдерживания Китая в Тихом океане и многое другое. Военная доктрина США зафиксировала, что Китай рассматривается в качестве главного конкурента Америки в мире. На волне развития коронавируса Китай обвиняют в утечке вируса из лаборатории в Ухане, угрожая санкциями и требуя финансовой компенсации.

США продолжают усилия по сдерживанию или торможению роста влияния других, стремящихся к ослаблению американоцентричного порядка стран. В отношении России будет продолжена политика санкционного и политического давления, поддержка антироссийского режима на Украине и ряде других стран Евразии. Против Ирана и Венесуэлы будут вестись подрывные действия, скрытые и открытые военные операции, подобные недавнему уничтожению иранского генерала К. Сулеймани и попытке осуществления переворота против президента Венесуэлы Н. Мадуро. В Европе наибольшую поддержку американского истеблишмента получают те, кто приветствует сохранение экономического и военно-политического доминирования США.

Помимо настроений в американской элите, смена миропорядка будет неизбежно длительной и по двум другим причинам. Во-первых, поступательным и относительно длительным будет процесс выстраивания альтернативной экономической, информационной и политической инфраструктуры в мире. Созидательные процессы идут небыстро, особенно если не наблюдается обвального обрушения прежнего порядка. Переход от доллара к новым резервным валютам будет длительным, если его не подтолкнут политические перемены. Выстраивание региональных политико-экономических и инфраструктурных проектов вроде Евразийского экономического союза и нового Шелкового пути займет время. Не сразу обнаружится готовность крупных стран взять на себя ответственность за развязывание и стабилизацию крайне сложных военно-политических узлов на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Евразии, Восточной Европе и других частях мира.

Во-вторых, процесс мироперехода замедляется невозможностью большой войны, исторически являвшейся «повивальной бабкой» разрешения великодержавных амбиций и противоречий. Ядерный фактор и усложнившийся характер

военных технологий, быстрота и сокрушительность возможного военного ответа на насилие делает их использование все менее вероятным. Уже по этим причинам США, Россия, Китай и другие страны не рассматривают полномасштабную войну как способ завершения мироперехода.

В целом опыт истории свидетельствует, что миропереходы продолжаются, как правило, несколько десятилетий. Современный переход необратим, но в силу отмеченных причин может оказаться продолжительнее прежних, не завершившись и к середине столетия. Каждой из стран предстоит заново определить свое место и стратегию борьбы за выживание и развитие в новом переходном мире. Прежде всего это касается самой Америки.

Кризис американской идентичности

Переходное положение Америки ставит под сомнение прежний, основанный на центральном положении в международной системе внешнеполитический консенсус и саму идею исключительной нации, светоча глобального мира. Сомнения сопровождаются ростом национальной неуверенности в своих силах. Начавшись неадекватной реакцией на террористические атаки 11 сентября 2001 г. и вторжением в Ирак в 2003 г., кризис национальной идентичности усугубился финансовым кризисом 2008 г., неспособностью президента Б. Обамы предложить удовлетворяющие элиты и общественное большинство решения, связанным с этой неспособностью избранием Д. Трампа и новым, не имеющим прецедента распространением коронавируса внутри страны и в мире.

Кризис американской идентичности имеет различные проявления. В отношениях с внешним миром национальная неуверенность оборачивается национализмом и поиском тех, на кого можно было бы списать проблемы страны – исламский терроризм, «путинский режим» и «репрессивное» китайское государство. До недавнего времени, особенно до избрания Д. Трампа президентом, в качестве главного могильщика либерального миропорядка американский политический класс видел Россию. Российская политика и политическая система являлись удобной мишенью как в силу живой еще в сознании американцев памяти холодной войны, так и по причинам усиления с середины 2000-х гг. наступательного характера российской внешней политики. С приходом в Белый дом Д. Трампа ситуация изменилась, и либеральная русофобия стала картой во внутриполитической борьбе за смещение вновь избранного президента. Оказалось, что образ авторитарной «путинской» России является необходимостью выявления не только внешнего, но и внутреннего противника. Созданный либералами нарратив «сговора» (*collusion*) Д. Трампа и В.В. Путина стал способом избличения избранного в 2016 г. американского президента в качестве предателя интересов и (либеральных) ценностей США.

Сегодня на позиции главного виновного все больше выдвигается Китай. Представители американского политического класса обвиняют китайские власти в утечке коронавируса из правительственной лаборатории в Ухане, сокрытии этого факта и важной статистической информации по распространению вируса и оказании давления на бивших тревогу китайских врачей. Поднимается

вопрос о триллионной компенсации, которую Китай должен заплатить за свои злонамеренные действия. В противном случае возникает угроза санкций, законопроект о которых выдвинут в Конгрессе США. Республиканцы и демократы в основном одинаково негативно настроены против Китая, хотя в процентном соотношении эти настроения отличны. Согласно опросу *Pew Foundation*, такое негативное восприятие характерно для 72% республиканцев и для 62% демократов¹. Как и в случае с Россией, синофобия в политическом классе США призвана облегчить выход Америки из поразившего ее кризиса национальной идентичности.

Внутри страны кризис идентичности усугубляется противостоянием исполнительной власти с законодательной и судебной. Примером саботажа Д. Трампа на уровне Конгресса США являются попытки отстранить его от должности, навязать ему нежелательные для него санкции или отказать в возможности самостоятельно принимать решения об использовании силы во внешнеполитических операциях. В отношениях с Россией Конгресс США, в особенности контролируемая демократами Палата представителей, сформировал собственную, отличную от Д. Трампа политику санкционного давления. Примером самостоятельной позиции Верховного суда является его недавнее решение дезавуировать отказ Д. Трампа узаконить проживание в стране нелегальных иммигрантов.

На фоне политического раскола в США нарастают проблемы и экономического, и расового, и этнокультурного характера. Коронавирус обнажил слаботи американской системы здравоохранения, а карантин привел к огромной безработице, охватившей во втором квартале 2020 г. около 40 млн человек. Другим потрясением стали начавшиеся в Миннеаполисе расовые протесты. Периодически повторяющиеся и сопровождающиеся грабежами и насилием расовые протесты укоренены в структурах фактически сохранившейся сегрегации американского общества².

В условиях внутренней слабости очевидно стремление государства и СМИ акцентировать исторические мотивы национального сплочения. Искажения национальной и мировой истории оказываются при этом средствами подчеркивания исключительности и величия Америки. Один из примеров – характерное для США прославление своей роли в победе над нацизмом по случаю празднования окончания Второй мировой войны. Вместо признания заслуг всех стран, внесших вклад в победу – в особенности СССР – Белый дом выступил с заявлением, в котором упомянуты лишь США и Великобритания³.

Кризис идентичности напрямую затрагивает внешнеполитические споры в США, выражаясь в растущем идейном и политическом противостоянии либералов, националистов и реалистов. Противостояние либералов-глобалистов и националистов обнажилось с приходом к власти Д. Трампа. Реалисты менее заметны политически, но оказывают влияние на идейно-политический дискурс

1 Silver et al. 2020.

2 «США не изменятся, пока большинство афроамериканцев не поверит, что это и их страна» // Коммерсантъ. 2 июня 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4365139> (дата обращения: 09.07.2020).

3 Белый дом назвал победителями нацизма только США и Великобританию // Лента.ру. 9 мая 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2020/05/09/dom/>. (дата обращения: 9.07.2020)

и дискуссии либералов и националистов, обращая внимание на глобальную нестабильность и снижение властных позиций США в мире¹.

Философия американских либералов хорошо передается вышеприведенной цитатой из статьи Дж. Байдена². Кандидат от Демократической партии убежден в принципиальном соответствии либерального миропорядка целям США, а также что такой порядок возможен лишь при условии сохранения американского доминирования. Он не раз призывал к созданию нового формата общежития стран-демократий и упрочению связей с союзниками в рамках этого формата. Что касается противников и конкурентов, американский либеральный истеблишмент включает в их число Россию, Китай, Иран и всех тех, кто выстраивает «авторитарный» режим и противится принципам созданного после окончания холодной войны миропорядка. По убеждению либералов, этот миропорядок обеспечил мир и процветание, предотвратив повторение террористических атак против США, подобных атакам 11 сентября 2001 г.³

Рекомендуемая либералами американская стратегия состоит в том, чтобы укреплять позиции США как сверхдержавы и учредителя глобальной экономической открытости для американского и иного бизнеса и продолжать распространение демократии и прав человека, как их понимают в западных либеральных кругах. Растущий конфликт великих держав в мире либералы связывают не с ошибками доминирования США, а с недостатками последовательности и упорства американского руководства⁴. Что касается стран-противников, подобных Китаю и России, то их следует сдерживать в военном отношении и опережать в экономическом и технологическом. В уже цитированной программной статье Дж. Байден прямо высказался за «жесткость» в отношениях с Китаем. По его убеждению, такая жесткость необходима для противостояния «репрессивному» государству и для выдвижения США на позиции лидерства – за счет американской предпринимательской энергии – в торговой, технологической, экологической и иных областях. Дж. Байден повторил известную мысль времен Б. Обамы, согласно которой правила мирового порядка и мировой торговли должны быть написаны США, а не Китаем⁵.

Националисты мало в чем согласны с либералами, обвиняя их в экономических и политических проблемах Америки. Характерна, например, позиция Д. Трампа, обрушивающегося на администрацию Обамы-Байдена с критикой в недостатке патриотизма, слабости и уступках Китаю, Ирану и ряду других стран в эпоху глобализации. Если либеральный глобализм коренится в воззрениях В. Вильсона, правозащитной идеологии Дж. Картера и политике глобализации первого президента после холодной войны У. Клинтона, то корни национализма – совершенно иные. Националистическая идея заключается не в том, чтобы вести за собой мир путем создания экономической и политической открытости

1 См. подробнее о дискуссии: Bremmer 2018; Mearsheimer 2018; Walt 2020; Richard Haass, "The Pandemic Will Accelerate History Rather Than Reshape It," *Foreign Affairs*, April 7, 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it>.

2 Joseph R. Biden, Jr., "Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump."

3 Hal Brands, Peter Feaver, and William Inboden, "In Defense of the Blob," *Foreign Affairs*, April 29, 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-29/defense-blob>.

4 Ibid.

5 Joseph R. Biden, Jr., "Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump."

и навязывания миру «правильных» демократических ценностей, а в том, чтобы становиться сильнее и самостоятельнее за счет остального мира. В частности, в вопросах экономики и торговли националисты стремятся не к согласованию интересов, а навязыванию их с позиции силы, как это пытается делать Д. Трамп.

В гораздо большей степени, чем либералы, националисты склонны видеть в мире источник угроз. По словам американского историка У. Мида, они не стремятся искать конфликты или организовать переустройство мира или отдельных стран, если им не угрожают напрямую¹. Однако они готовы к военной мобилизации и борьбе до полной победы, если чувствуют угрозу своему образу жизни, как это делал, например, демонстрировавший готовность к силовому противостоянию в годы поздней холодной войны Р. Рейган. С Р. Рейганом связано возникновение новой школы американского национализма – неоконсерватизма, особенно активно влиявшего на политику в годы президентства Дж. Буша-младшего. Неоконсерватизм гораздо агрессивнее традиционного национализма в вопросах внешней политики и навязывания смены режимов, приближаясь в своей критике «авторитаризма» к либералам, но используя ее для укрепления могущества США в мире.

На политическом уровне противостояние либералов и националистов выражается в ожесточенных схватках демократов и республиканцев. Уровень поляризации в политическом классе США достиг значительной высоты, и отсутствие консенсуса по вопросам внешней политики – важная часть этой поляризации. Как либералы, так и националисты, не стесняясь, обвиняют сегодня друг друга в отсутствии патриотизма и даже измене родине. Недавно это делалось либеральными СМИ и политиками в отношении якобы вступившего в «сговор» с Россией Д. Трампа. Сегодня уже Д. Трамп обвиняет демократов и Дж. Байдена в готовности сотрудничать с Китаем против американских интересов. Демократы отвечают не менее острой критикой. Например, в одном из выступлений в сегменте *PBS Newshour* бывший заместитель Госсекретаря в администрации Б. Обамы Т. Блинкен согласился с обвинениями в адрес Китая в связи с сокрытием информации о распространении коронавируса, но при этом подчеркнул важность критики и самого Д. Трампа, его авторитарных инстинктов и неготовности своевременно реагировать на распространение вируса в стране.

Наконец, в американском истеблишменте заметны реалисты, отстаивающие согласование интересов с США с другими державами, особенно в вопросах безопасности и контроля над вооружениями. В вопросах стратегии и выборе партнеров реалисты традиционно выступают за диалог великих держав и выстраивание взаимоприемлемого баланса сил как основы глобального мира и стабильности. Позиции реалистов были прочны во время холодной войны, в частности, в годы президентства Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Буша-старшего при значительном влиянии таких советников, как Г. Киссинджер и Б. Скоукрофт. Например, Р. Никсон и Г. Киссинджер смогли воспользоваться китайско-советскими противоречиями для укрепления отношений США с Китаем и сдерживания СССР. Сегодня

1 Walter R. Mead, "The Jacksonian Revolt," *Foreign Affairs*, March-April 2017, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-01-20/jacksonian-revolt>.

реалисты выступают в качестве критиков внешней политики двойного сдерживания России и Китая, утверждая, что эта политика укрепляет союз двух держав и несоразмерна американским возможностям.

Среди отмеченных позиций во внешнеполитическом истеблишменте реалисты представлены слабее других. Они способны влиять на формирование политики и процесс принятия решений, когда их идеи оказываются созвучны руководителям государства. Но в последние десятилетия именно либералы и националисты успешно выдвигали своих представителей в высшие структуры политической власти. После окончания холодной войны реалисты утратили прежнее влияние. Беспрецедентная мощь Америки, очевидная на фоне распада СССР и относительной слабости других держав, укрепила позиции уверовавших в однополярный мир и навязывание американской политики остальной части мира либералов и неоконсерваторов. Даже в условиях ослабления глобальных позиций США продолжает доминировать идея двойного сдерживания России и Китая, именуемая среди реалистов «кошмаром Киссинджера». Время покажет, станут ли их рекомендации основой для формирования внешней политики.

Будущее американской стратегии

Кризис идентичности, столкновение разных нарративов о внешней политике делают крайне сложным осуществление и даже само формулирование американской стратегии. У различных сегментов внешнеполитического истеблишмента слишком мало общего в понимании целей Америки в мире и характере самого этого мира. По недавнему признанию авторов ведущего экспертного журнала *Foreign Affairs*, любая стратегия, понимаемая как способность формулировать и сводить друг с другом цели и средства, предполагает ясное понимание баланса сил, наличие внутреннего консенсуса о национальных целях и идентичности и стабильность институтов¹. По мнению авторов, все перечисленные условия сегодня отсутствуют. Мир дестабилизирован и развивается под влиянием энтропии. Вместо биполярности или какой-то иной конфигурации растут соблазны экспансионистского поведения без оглядки на другие державы. Это – мир ревизионизма, принципиально отличный от холодной войны и двух десятилетий после ее окончания. Новые правила, организации и институты возникают пока гораздо медленнее, нежели разрушаются прежние, создавая условия для роста насилия в мире. Как писал в 1930-е гг. А. Грамши, «старый мир умирает, порождая монстров»². Терроризм, шантаж и безответственная политика являются такого рода монстрами и проявлениями насилия в современном мире.

Отсутствует и внутриамериканский консенсус, а глубокая идейная поляризация оказывает негативное влияние на функционирование её политических институтов. Длительность изоляции Америки от мировых событий, а затем включенность в эти события в качестве центральной державы во время холодной войны оказали дипломатии страны плохую услугу. XX век, кото-

1 Daniel W. Drezner, Ronald R. Krebs, and Randall Schweller, "The End of Grand Strategy," *Foreign Affairs*, May-June 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-04-13/end-grand-strategy>.

2 Цит. по: Slavoj Žižek, "A permanent economic emergency," *New Left Review* (64), July/August 2010, accessed July 7, 2020, <https://newleftreview.org/issues/1164/articles/slavoj-zizek-a-permanent-economic-emergency.pdf>.

рый известный британский историк Э. Хобсбаум назвал «веком крайностей», похоронил связанные с выработкой компромиссов традиции европейской дипломатии, а ненависть к советской системе сделала невозможной достижение компромисса с ее лидерами. Окончание же холодной войны – во многом на западных условиях – лишь укрепило убеждение американских элит в правильности курса на глобальное доминирование, тем самым подготовив основы политики двойного сдерживания Китая и России. Если что-то и объединяет сегодня различные группы американского истеблишмента, то это инерция гордыни и готовности диктовать миру свои условия. Немалая часть политического класса США и Европы продолжают руководствоваться политикой двойного сдерживания, надеясь на ослабление неугодных им стран и развитие противоречий между ними.

Вместе с тем под влиянием изменений внутри страны и за ее пределами американский внешнеполитический дискурс претерпевает эволюцию. Связанные со снижением американского влияния и кризисом национальной идентичности перемены будут способствовать и уже способствуют изменениям в структуре описанных нарративов, ослабляя сторонников глобального доминирования. Эти изменения затрагивают сегодня и либералов, и националистов, и реалистов.

В американском либерализме исторически развивалась не только традиция стремившегося преобразовать мир В. Вильсона, но и изоляционистски настроенного и желавшего укрепления демократии внутри страны Т. Джефферсона¹. В лагере либералов сегодня слышны голоса тех, кто настаивает на приоритетности внутренних реформ, а не противостояния «репрессивным режимам». Во внешней политике они хотели бы усиления многосторонних форматов и институтов, а не американского стремления диктовать и доминировать. Пока эта группа либералов не пользуется существенной политической поддержкой и в очередной раз проиграла представителю традиционно настроенного истеблишмента процесс номинирования своего кандидата на пост президента. Однако Дж. Байдену уже исполнилось 77 лет. Даже если он получит номинацию и станет президентом, многое в американской политике будет определяться личностью и взглядами неизвестного пока вице-президента.

Отношение к Дж. Байдену продолжает разделять американских либералов. Некоторые сравнивают его с Л. Брежневым, имея в виду не только возраст, но и неспособность решать давно назревшие структурные проблемы, связанные с растущим социальным неравенством, нередко недоступными здравоохранением и образованием и ухудшением климатических условий². Другие более оптимистичны, полагая, что Дж. Байден готов к переменам внутри страны³ и во внешней политике. Даже раскалывающие страну социально-расовые протесты

1 Mead 1999.

2 Ben Judah, "Is Joe Biden the American Brezhnev?" *Guardian*, March 6, 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/06/biden-soviet-russia-status-quo-democratic-ussr>.

3 Левые в основном настроены скептически, но обратили внимание на то, что Дж. Байден согласился на сотрудничество с вышедшим из гонки кандидатом левых Б. Сандерсом и создал совместные комиссии по вопросам климата, образования, полиции, здравоохранения, экономики и иммиграции (по пять членов от Байдена и по три от Б. Сандерса). См. подробнее: Jeet Heer, "Would You Buy a Used Progressive Agenda From This Man?" *The Nation*, May 15, 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.thenation.com/article/politics/biden-progressive-agenda-democratic/>.

демократы зачисляют в актив внешней политики как способствующие образу страны, готовой бороться за права угнетенных меньшинств¹.

В самом штабе бывшего вице-президента также переосмысливают прежнее мировоззрение, извлекая уроки из президентства Д. Трампа и укрепления национализма в мире. Здесь больше не настаивают на утверждении либерального миропорядка, а готовятся к длительной и упорной борьбе за сохранение либеральных ценностей там, где еще возможно. Это предполагает консолидацию отношений с союзниками, отказ от культивирования поддержки псевдосоюзников вроде Саудовской Аравии, Египта и Турции, а также продолжение сдерживания России и Китая в Европе и Азии². В экономике такая политика связана с жесткостью в торговой, технологической и инвестиционной областях по отношению к «авторитарным» странам и активной борьбой с коррупцией в офшорных зонах³.

В противоположном лагере укрепился олицетворяемый Д. Трампом традиционный национализм. В результате его прихода к власти ослаб лагерь стремящихся к реваншу либералов. Но не менее важно отметить существенное, возможно, необратимое ослабление торжествовавших в 2000-х гг. неоконсерваторов. Они не могли не обратить внимание на заметное отличие трамповской концепции *America First* от их собственных убеждений. Вскоре после провозглашения Д. Трампом конца глобализации и победы принципов национализма в речи⁴ в ООН в сентябре 2018 г. эту победу признал один из идеологов неоконсерватизма Р. Кэйган, при этом отказав президенту США в поддержке. Р. Кэйган, в частности, заявил, что прежний консенсус об Америке как гаранте глобальной безопасности и свободы торговли сломлен в обеих партиях истеблишмента⁵.

Взгляды Д. Трампа сочетают в себе типичное для националистов намерение любой ценой укрепить власть и могущество с минимизацией международных и союзнических обязательств. Современный американский национализм означает уже знакомое стремление доминировать в ядерной, технологической, торговой, энергетической и иных областях в мире. При этом по ряду позиций взгляды действующего президента близки реалистам, настаивающим на важности соизмерять силы в соперничестве с сильнейшими мира сего. Например, он стремится договориться, пусть и на своих условиях, с Россией, не представляющей, по его мнению, угрозы. В отличие от либералов, его не волнует российское политическое устройство. Как националиста и бизнесмена, Д. Трампа более всего занимает экономически растущий Китай. Его цель заключается в подчинении Китая интересам США, а также в отказе от «излишних» обязательств на Ближнем Востоке, в Европе и других регионах.

1 Chris Murphy, "A New Civil Rights Movement Is a Foreign Policy Win," *Foreign Affairs*, July/August 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-06-12/new-civil-rights-movement-foreign-policy-win>.

2 См. подробнее: Matthew Kroenig, "The United States Should Not Align With Russia against China," *Foreign Policy*, May 13, 2020, accessed July 9, 2020, <https://foreignpolicy.com/2020/05/13/united-states-should-not-align-russia-against-china-geopolitical-rivalry-authoritarian-partnership/>; Thomas Write, "The Quiet Reformation of Biden's Foreign Policy," *Brookings*, March 19, 2020, <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/03/20/the-quiet-reformation-of-bidens-foreign-policy/>; Laurie Macfarlane, "A spectre is haunting the West – the spectre of authoritarian capitalism," *Open Democracy*, April 16, 2020, <https://www.opendemocracy.net/en/oureconomy/a-spectre-is-haunting-the-west-the-spectre-of-authoritarian-capitalism/>.

3 Thomas Write, "The Quiet Reformation of Biden's Foreign Policy."

4 "Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly," *The White House*, accessed July 7, 2020, <https://www.vox.com/2018/9/25/17901082/trump-un-2018-speech-full-text>.

5 Robert Kagan, "The America First Has Won," *The New York Times*, September 26, 2018, accessed July 7, 2020, <https://www.nytimes.com/2018/09/23/opinion/trump-foreign-policy-america-first.html>.

Что касается реалистов, в их лагере продолжается борьба между сторонниками державного доминирования и выстраивания нового многополярного баланса сил. Первые убеждены в приоритетности сохранения за Америкой глобального первенства (*primacy*), а также усилий по ослаблению других держав в мире. Сторонники наступательного реализма считают главным сдерживание Китая в глобальном масштабе. Угрозы со стороны России, Северной Кореи, Ирана и радикальных исламских группировок они оценивают как менее важные, не считая необходимым растрачивать важнейшие ресурсы на активное им противодействие¹. В этом лагере реалистов заметны и те, кто желал бы сохранить и упрочить позиции первенства США в мире, развивая международное взаимодействие и многосторонние институты, отказываясь при этом от дополнительных обязательств, расширения союзов и распространения демократии. Идеи такого реалистско-либерального синтеза не раз отстаивались на страницах *Foreign Affairs* и *International Security*².

Вторые выступают с позиций умеренного или оборонительного реализма, констатируя продолжающийся распад прежнего миропорядка³ и поддерживая постепенное сворачивание глобального военного присутствия США и переход на позиции «офшорного» сдерживания потенциально опасных держав силами других⁴. Сторонники такого мышления убеждены также в необходимости разделения ответственности и сфер влияния среди великих держав во избежание эскалации их противостояния и нахождения нового баланса сил в мире⁵. По мнению этой группы реалистов, наступательный реализм опасно близок к уповающим на глобальное доминирование либералам и националистам-трампистам. При этом некоторые из умеренных реалистов, как, например, Э. Басевич, убеждены, что между либералами и националистами нет непроходимого барьера и без поражения политики либерализма Обамы-Байдена не было бы и победы Д. Трампа⁶.

В тех случаях, когда различные группы внешнеполитического истеблишмента согласны по каким-то вопросам, они не в состоянии договориться о способах их решения. Например, сегодня в американском политическом классе сформировалось единство относительно необходимости проведения более жесткой политики в отношении Китая, обвинения в адрес которого больше не являются прерогативой Д. Трампа и представителей республиканского истеблишмента. Многие из этих обвинений разделяют и демократы, делая упор на авторитарный характер политической системы Китая. Это не означает, что различные группы согласны в том, во имя чего, как и когда в отношении Пекина следует действовать жестко, кого выбирать в партнеры и союзники и какие ресурсы задействовать.

1 Ionut Popescu, "It's Time to Get Real About Great-Power Politics," *The National Interest*, April 15, 2020, accessed July 9, 2020, <https://nationalinterest.org/feature/its-time-get-real-about-great-power-politics-144742>.

2 См. подробнее: Brooks et al. 2012; Jennifer Lind and William C. Wohlforth, "The Future of the Liberal Order Is Conservative. A Strategy to Save the System," *Foreign Affairs*, March/April 2019, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-02-12/future-liberal-order-conservative>.

3 Richard Haass, "The Pandemic Will Accelerate History Rather Than Reshape It."

4 См. подробнее: Barry R. Posen, "Pull Back. The Case for a Less Activist Foreign Policy," *Foreign Affairs*, January/February 2013, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2013-01-01/pull-back>; Walt 2018.

5 Graham Allison, "The New Spheres of Influence," *Foreign Affairs*, March/April 2020, accessed July 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-02-10/new-spheres-influence>.

6 См. подробнее: Porter 2018; Andrew Bacevich, "Joe Biden's Foreign Policy Gave Us Donald Trump," *American Conservative*, April 20, 2020, accessed July 10, 2020, <https://www.theamericanconservative.com/author/andrew-j-bacevich/>.

Таким образом, внутри каждого из нарративов прослеживается конкуренция между сторонниками на самом деле одного: доминирования в международных отношениях в большей или меньшей степени. Этот процесс является отражением глобальных и национальных перемен и займет значительное время, учитывая всю сложность мироперехода и инертность американского политического класса, его реагирование на перемены в мире. Кто бы ни находился в Белом доме, ясная внешнеполитическая стратегия США не будет сформулирована без складывания глобального баланса сил, правил великодержавного поведения и без преодоления внутри страны описанного конфликта нарративов.

Для России и остального мира кризисное положение «единственной сверхдержавы» сулит немало опасностей, но и некоторые возможности. Вызов заключается в том, чтобы в условиях мировой нестабильности подготовить российский выход из внутренней стагнации, избежав при этом участи заложника в нарастающем противостоянии США и Китая или попадания в зависимость одной из сторон¹. Не обладая значительными материальными возможностями для ускоренного формирования многополярного мира, Россия и другие заинтересованные державы могли бы способствовать выстраиванию региональной и институциональной архитектуры нового мира, сохранению международной открытости, пусть и за пределами Запада, а также решению проблем глобальной безопасности, как традиционной, связанной со снижением потенциала вооруженного насилия, так и включающей в себя угрозы изменения климата, голода и отсутствия элементарных условий социальной защиты человека. При наличии политической воли со стороны значительного количества стран постепенное переформатирование мира могло бы оказаться возможным. На этот раз – без лидерства со стороны США.

¹ Цыганков, А.П. Сбережение державы: на что опереться в миропереходе // Россия в глобальной политике, – № 2, – 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/derzhava-miroperehod/> (дата обращения 10.07.2020); Цыганков, А.П. Сосредоточение не по Горчакову // Россия в глобальной политике, – № 2, – 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sosredotochenie-ne-po-gorchakovu-2/> (дата обращения 10.07.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Bremmer, Ian. *Us vs. Them: The Failure of Globalism*. New York: Portfolio, 2018.
- Brooks, Stephen G., John Ikenberry, and William C. Wohlforth. "Don't Come Home, America: The Case against Retrenchment." *International Security* 37, no. 3 (2012): 7–51.
- Brooks, Stephen G., and William C. Wohlforth. *America Abroad: Why the Sole Superpower Should Not Pull Back from the World*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Hoffmann, Stanley. *Gulliver's Troubles, or the Setting of American Foreign Policy*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1968.
- Kissinger, Henry. *World Order*. New York: Penguin Books Ltd., 2014.
- Mead, Walter. R. *Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World*. London: Routledge, 1999.
- Mearsheimer, John. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press, 2018.
- Miskimmon, Alistair, Ben O'Loughlin, and Laura Roselle. *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. London: Routledge, 2013.
- Porter, Patrick. "Why America's Grand Strategy Has Not Changed: Power, Habit, and the U.S. Foreign Policy Establishment." *International Security* 42, no. 04 (May 2018): 9–46. https://doi.org/10.1162/isec_a_00311.
- Silver, Laura, Kat Devlin, and Christine Huang. *U.S. Views of China Increasingly Negative Amid Coronavirus Outbreak*. Pew Research Center, April 21, 2020. <https://www.pewresearch.org/global/2019/08/13/u-s-views-of-china-turn-sharply-negative-amid-trade-tensions/>.
- Tsygankov, Andrei P. "From Global Order to Global Transition. Russia and the Future of International Relations." *Russia in Global Affairs*, no. 1 (2019): 52–70. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-1-52-70>.
- Walt, Stephen M. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.

Сведения об авторе

Цыганков Андрей Павлович,

профессор международных отношений и политических наук

Калифорнийского Университета Сан-Франциско,

Сан-Франциско, США, 94143.

e-mail: andrei@sfsu.edu

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 14 июня 2020. Принята к публикации: 24 августа 2020.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Цыганков, А.П. Гулливер на распутье: американская стратегия и смена миропорядка // *Международная аналитика*. – 2020. – Том 11 (2). – С. 28–44.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>

Gulliver at the Crossroads: America's Strategy During the Global Transition

ABSTRACT

The article discusses the modern stage of international relations as a transition from the US-centric to another, polycentric world order. America has many opportunities to influence the formation of the future world order, which it uses for maintaining a dominant role in the world. However, America also has severe weaknesses for making the global transition; the main one considers the psychological unpreparedness of the country's establishment for a change in the global role of the United States. The country's transitional situation gives rise to an identity crisis, accompanied by the most heated debates in the political class regarding the development of foreign policy and strategy. In the variety of positions and narratives of the American strategy, one can distinguish (1) proponents of the liberal globalization and maintaining America's dominant position, (2) advocates of superpower status and resource dominance by coercion and (3) realists or those who call for building a new global balance of power and coordinating the US interests with other powers. This identity crisis is associated with the globally changing position of the country that has been at the center of the international system for the past 75 years. The American political class was never monolithic before and even during the Cold War, representing a range of different foreign policy ideas and positions. However, foreign policy disagreements previously did not question the national identity and fundamental value of the country. For America, these values were associated with a global role in promoting the ideals of freedom and liberal democracy, previously underpinned by confrontation with the USSR. The disappearance of the Soviet power strengthened the position of liberal globalists and enhanced the strategic narrative of the global promotion of American values. The difference of the contemporary period is that nationalists and realists no longer accept the arguments of liberal globalists, resulting in a deepening of ideological polarization in the political class and society.

The domestic ideational and political crisis splits the elites, delays the transition to a new world order, and makes it impossible to pursue a sound international strategy. Such a strategy will be the result of both an internal political struggle and a response of the country's leadership to the processes of pluralization and polycentrism developing in the world.

KEYWORDS

America's Strategy, Identity Crisis, Strategic Narrative, Global Transition

Author(s)

Andrey P. Tsygankov,

Professor of international relations and political science at the University of California,
San Francisco, San Francisco, USA, 94143.

e-mail: andrei@sfsu.edu

Additional information

Received: June 14, 2020. Accepted: August 24, 2020.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

For citation

Tsygankov, Andrei P. "Gulliver at the Crossroads: America's Strategy During the Global Transition."
Journal of International Analytics 11, no 2 (2020): 28–44.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>

The Shifting Power Structure of Northeast Asia and China's Strategic Choices in the 2020s

Huaigao Qi Kaisheng Li

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-45-67>

ABSTRACT

The Northeast Asian (NEA) power structure demonstrates a weakening unipolarity of the United States (U.S.), which will evolve into a power structure with “multilateral co-opetition of two superpowers (China and the U.S.) and three regional great powers (Russia, Japan, and South Korea)” during the 2020s. In the context of this shifting power structure, the other five NEA states will adjust their diplomatic policies. Japan, Russia, and South Korea, which occupy the second tier of the NEA power structure, will pursue regional great power diplomacy and regional interests. Russia will maintain a careful balance with China and the U.S., and will use investments from the other NEA states pragmatically to develop its Far East region. Japan will seek to maximize its security guarantees from the U.S. while actively obtaining economic benefits from China, and will try to remain flexible in terms of its NEA strategic choice. South Korea will implement the so-called “two superpowers diplomacy” in relation to the U.S. and China in order to enhance its strategic autonomy. With relatively weak national power, North Korea and Mongolia occupy the third tier of the NEA power structure, and they will try to ensure the survival of their respective regimes and promote national security. China's strategic choices for NEA in the next decade are likely to include five aspects: 1) to avoid a “new Cold War” and achieve a strategic balance with the U.S.; 2) to maintain friendly and close strategic ties with Russia; 3) to actively promote economic cooperation with the other NEA countries; 4) to promote the establishment of a regional security mechanism in the future that includes all the NEA states, for example, a “Northeast Asia Peace and Cooperation Organization” (NEAPCO); and 5) to construct a collective NEA identity.

KEYWORDS

Northeast Asia (NEA), power structure, China–U.S. strategic competition, strategic choices

Introduction

Northeast Asia (NEA), which stretches west into the heart of the Eurasian continent and borders the Arctic Ocean to the north and the Pacific Island chain to the east, includes Northeast China, Russia's Far East, and Eastern Siberia, Mongolia, North Korea, South Korea, and Japan. Although the United States (U.S.) is not geographically located in NEA, it has significant influence in this region, so the authors also regard the U.S. as an NEA state.

NEA has always been known for its special political, economic, military, and cultural complexity. Politically, the capitalist systems of the U.S., Japan, and the Republic of Korea (South Korea, ROK) and the socialist systems of China and the Democratic People's Republic of Korea (North Korea, DPRK) coexist here. Economically, the region includes developed economies such as the U.S., Japan, and South Korea, emerging economies such as China and Russia, and North Korea, an undeveloped country. Militarily, China, the U.S., Russia are major nuclear powers, Japan has a strong navy, and North Korea claims to have nuclear power. Culturally, Confucianism, Orthodox Christianity, and Christianity collide and integrate here. The high degree of complexity has led to a number of paradoxical characteristics within the NEA region: for example, there is great room for development in terms of regional integration, but advances in this direction are difficult to achieve; the peoples of the region's countries feel a deep connection with each other, yet there is a lack of mutual trust; and the long-standing regional security issues are exacerbated by the lack of regional security mechanisms.¹

At the end of the Cold War, the power structure in NEA was "one superpower (U.S.) dominates, and three regional great powers (Russia, China, and Japan) coexist." Since the first decade of 21st century, the national power comparison of the NEA states has begun to show characteristics of the weakening unipolarity of the U.S. This unipolarity will continue to weaken in the 2020s and will evolve into a power structure with two superpowers and three regional great powers.

The concept of "power structure" in this article can be defined as the balance of comprehensive national power among the seven NEA states. Comprehensive national power is measured by the following four indicators: population, economy, technology, and military. Population, the first indicator, is assessed based on population data of the seven NEA states, with the data taken from the United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA).² Economy, the second indicator, is estimated using the GDP of the seven NEA states (data sources are the International Monetary Fund (IMF),³ the U.S. Central Intelligence Agency (CIA),⁴ and the *Database of International Futures*).⁵ Technology, the third indicator, is measured

1 *Security Cooperation Mechanism in Northeast Asia* 2006, 4-6.

2 "World Population Prospects 2019," United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division 2019, accessed September 13, 2020, <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>.

3 "World Economic Outlook Database October 2019," IMF, accessed September 13, 2020, <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx>.

4 "World Factbook," Central Intelligence Agency, accessed September 13, 2020, <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/>.

5 "Database of International Futures (IFs Version 7.53)," University of Denver, accessed September 13, 2020, http://www.ifs.du.edu/ifs/frm_MainMenu.aspx.

by the GDP per capita of the seven NEA states, with the data taken from the IMF,¹ the CIA,² and the *Database of International Futures*.³ Military, the fourth indicator, depends on the military expenditure of seven NEA states, with the data taken from the *SIPRI Military Expenditure Database*,⁴ the *World Military Expenditures and Arms Transfers* report,⁵ and the *Database of International Futures*.⁶

In order to quantitatively measure the balance of comprehensive national power among the seven NEA states, the authors draw a “national power index of the NEA states” (see *Table 1*) model. The authors add the standardized values of the four indicators of “population numbers,” “GDP,” “GDP per capita,” and “military expenditure” and calculate the average in order to obtain the national power index of a state in a given year. The formula for comprehensive national power (percentage) is $Power_t = (Pop_t + Eco_t + Tech_t + Milt) \div 4$. The “t” in this formula is a time variable. The national power index of a state ranges from 0 to 1, representing the relative national power of a state among the seven NEA countries.

For example, the national power index of China in 1990 is 0.182 (see *Table 1*), which means China’s national power accounted for 18.2% of the total power of the seven NEA states. We arrived at the number 0.182, which represents national power index of China in 1990, by performing the following calculations. In 1990, China’s population was 1,176,884,000, which accounted for 0.666 of the total population of the seven NEA states (1,766,436,000). Its GDP was 398.62 billion USD (MER), which accounted for 0.039 of the total GDP of the seven NEA states (10332.45 billion USD, MER). China’s GDP per capita in 1990 was 338.7 USD, which amounted to 0.005 of the total GDP per capita of the seven NEA states (62258.3 USD). Its military expenditure was 10085.1 million USD, which equaled 0.017 of the military expenditure of the seven NEA states (580331.2 million USD). Using the formula, $Power_t = (Pop_t + Eco_t + Tech_t + Milt) \div 4$, the authors concluded that the national power index of China in 1990 was $0.182 = (0.666 + 0.039 + 0.005 + 0.017) \div 4$.

The following literature was used to help develop the “national power index of the NEA states” model. Singer, Bremer, and Stuckey put forward the Composite Indicator of National Capability (CINC) in 1972.⁷ Cline attempted to calculate national power by assigning index numbers as follows: “critical mass” (population, land, and position); “economic capability” (e.g., GNP); “military capability” (e.g., military personnel and budget); “strategic purpose” (goals and objectives); and “will” (elite and popular support for purposes) in 1977.⁸ Hu and Men summarized eight national strategic resources in 2002: economic resources, human capital, natural resources, capital resources, knowledge, and technical resources, government resources, military strength, and international resources.⁹ Rogers et al. noted four functional “attributes”

1 “World Economic Outlook Database October 2019.”

2 “World Factbook.”

3 “Database of International Futures (IFs Version 7.53).”

4 “Trends in World Military Expenditure,” Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), accessed September 13, 2020, <https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1949-2019.xlsx>.

5 “World Military Expenditures and Arms Transfers 2019,” U.S. Department of State, December 2019, accessed September 13, 2020, <https://www.state.gov/world-military-expenditures-and-arms-transfers-2019/>.

6 “Database of International Futures (IFs Version 7.53).”

7 Singer et al. 1972, 19–48.

8 Cline 1977.

9 Hu, Men 2002, 26–41.

to audit national geopolitical capability in 2019: “national base” (national wealth, population structure, national spread, and self-sufficiency); “national structure” (economic clout, technological prowess, and cultural prestige); “national instruments” (diplomatic leverage and military might); and “national resolve” (government efficacy, economic resolve, strategic resolve, and altruistic resolve).¹

What are the aspects of the strategic competition between China and the U.S. in the NEA region? What foreign policy adjustments will the NEA states make in light of the intensified strategic competition between China and the U.S. and the evolution of power structure in NEA? What are China’s strategic choices for NEA in the next decade? This article will analyze the above three issues.

NEA Will Evolve into a Power Structure with two Superpowers and three Regional Great Powers in the Next Decade

At the end of the Cold War, the NEA power structure was “one superpower dominates, and three regional great powers coexist.” In 1990, U.S. national power accounted for 40.7% of the total power of the seven NEA states, followed by Japan (20.7%), China (18.2%), Russia (then the Soviet Union, 14.2%), South Korea (4.4%), North Korea (1.2%) and Mongolia (0.6%) (see Table 1).

Table 1.

NATIONAL POWER INDEX OF THE NEA STATES FROM 1990 TO 2030 (SELECTED YEARS)
ИНДЕКС НАЦИОНАЛЬНОЙ МОЩИ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
С 1990 ПО 2030 г. (ПРИВЕДЕНЫ ИЗБРАННЫЕ ГОДА)

Year	State	Population [1] Population numbers	Economy[2] GDP (percentage)	Technology GDP per capita (percentage)	Military [3] Military expenditure (percentage)	Comprehensive National Power (percentage)
1990	U.S.	0.142728	0.577126	0.3799	0.527578	0.406833
	China	0.666247	0.038579	0.00544	0.017378	0.181911
	Japan	0.070484	0.303202	0.404157	0.049628	0.206868
	Russia	0.083519	0.050018	0.056266	0.377567	0.141843
	S. Korea	0.024297	0.027934	0.108019	0.017422	0.044418
	N. Korea	0.011488	0.002837	0.023199	0.010236	0.01194
	Mongolia	0.001237	0.000303	0.023018	0.000191	0.006187
2000	U.S.	0.146809	0.595097	0.39979	0.757899	0.474899
	China	0.672548	0.07052	0.010342	0.057602	0.202753
	Japan	0.066457	0.283696	0.421025	0.114326	0.221376
	Russia	0.076296	0.016166	0.020897	0.023182	0.034135
	S. Korea	0.024691	0.033444	0.133593	0.03467	0.056599
	N. Korea	0.011949	0.001001	0.00826	0.012259	0.008367
	Mongolia	0.001249	0.000077	0.006094	0.000061	0.001871

1 James Rogers, “The Audit of Geopolitical Capability 2019,” Henry Jackson Society, January, 2019, accessed September 14, 2020, <https://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2019/01/HJS-2019-Audit-of-Geopolitical-Capability-Report-web.pdf>.

Year	State	Population [1] Population numbers	Economy[2] GDP (percentage)	Technology GDP per capita (percentage)	Military [3] Military expenditure (percentage)	Comprehensive National Power (percentage)
2005	U.S.	0.149523	0.595977	0.403244	0.778945	0.481922
	China	0.674528	0.105548	0.015831	0.07106	0.216742
	Japan	0.065044	0.217396	0.338134	0.068556	0.172283
	Russia	0.072823	0.037444	0.052019	0.042304	0.051148
	S. Korea	0.024685	0.04274	0.175163	0.034292	0.06922
	N. Korea	0.012116	0.00078	0.006508	0.004797	0.00605
	Mongolia	0.001281	0.000115	0.009101	0.000046	0.002636
2010	U.S.	0.152473	0.50697	0.358047	0.728358	0.436462
	China	0.675403	0.205139	0.032707	0.120713	0.258491
	Japan	0.063426	0.192754	0.327258	0.057018	0.160114
	Russia	0.070796	0.055313	0.084134	0.061258	0.067876
	S. Korea	0.024447	0.038688	0.170412	0.029393	0.065735
	N. Korea	0.012113	0.000892	0.007933	0.003203	0.006035
	Mongolia	0.001342	0.000243	0.019509	0.000057	0.005288
2015	U.S.	0.154291	0.496572	0.399304	0.621366	0.417883
	China	0.676466	0.305881	0.056101	0.223166	0.315403
	Japan	0.06154	0.119601	0.241121	0.043891	0.116538
	Russia	0.069714	0.03697	0.065794	0.069233	0.060428
	S. Korea	0.024438	0.039938	0.202762	0.038121	0.076315
	N. Korea	0.012109	0.000719	0.007367	0.004117	0.006078
	Mongolia	0.001442	0.00032	0.02755	0.000106	0.007355
2020	U.S.	0.155908	0.44203	0.337454	0.54092	0.369078
	China	0.677947	0.319157	0.056032	0.274702	0.33196
	Japan	0.059573	0.151732	0.303153	0.058126	0.143146
	Russia	0.068738	0.050023	0.086617	0.08722	0.073149
	S. Korea	0.024149	0.036012	0.177494	0.034625	0.06807
	N. Korea	0.012142	0.000615	0.006031	0.004249	0.005759
	Mongolia	0.001544	0.000431	0.033219	0.000158	0.008838
2025	U.S.	0.158433	0.41382	0.325368	0.486296	0.345979
	China	0.678556	0.367409	0.067448	0.347707	0.36528
	Japan	0.057702	0.135212	0.291897	0.052748	0.13439
	Russia	0.067549	0.046694	0.08611	0.076359	0.069178
	S. Korea	0.023895	0.035833	0.1868	0.033041	0.069892
	N. Korea	0.012229	0.000549	0.005588	0.00365	0.005504
	Mongolia	0.001636	0.000483	0.036789	0.0002	0.009777
2030	U.S.	0.161901	0.374741	0.307335	0.434477	0.319614
	China	0.678059	0.428347	0.08388	0.415212	0.401374
	Japan	0.055917	0.119091	0.282792	0.047905	0.126426
	Russia	0.066377	0.042057	0.084131	0.066435	0.06475
	S. Korea	0.023686	0.03472	0.194636	0.032412	0.071363
	N. Korea	0.012341	0.000501	0.005395	0.003304	0.005385
	Mongolia	0.001721	0.000542	0.041831	0.000256	0.011088

Sources: [1] The source of population data for the seven NEA states is UN DESA. See: "World Population Prospects 2019." [2] The source of GDP data for the six NEA states minus North Korea is the IMF. See: "World Economic Outlook database October 2019." GDP data for North Korea is taken from the CIA. See: "World Factbook." The 2019–2030 GDP data for the seven

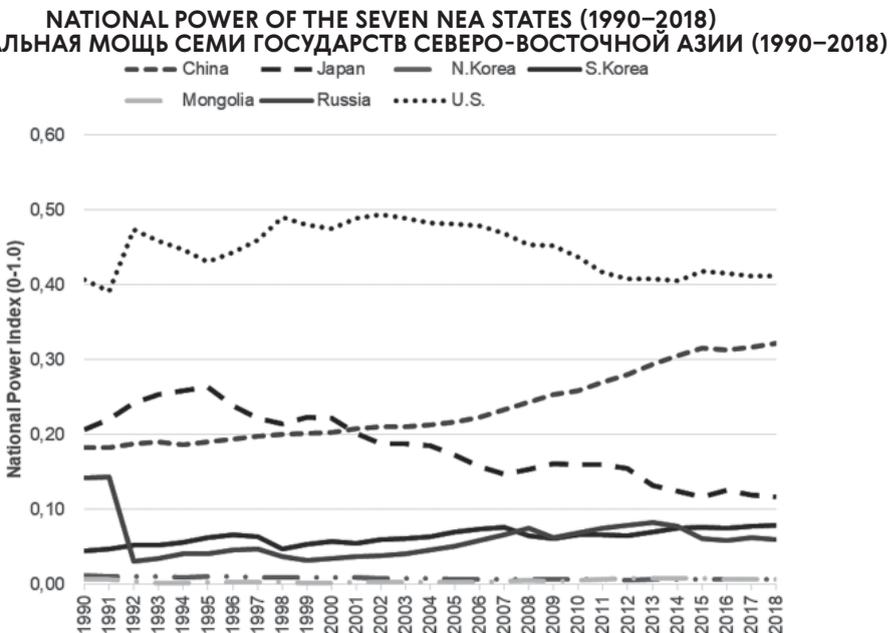
NEA states is taken from the University of Denver. See: "Database of International Futures (I.F.s Version 7.53)." [3] The source of military expenditure data for the seven NEA states is primarily SIPRI. See: "Trends in World Military Expenditure." Parts of the missing data are from U.S. Department of State. See: "Indo-Pacific Strategy Report," U.S. Department of Defense, June 1, 2019, accessed September 13, 2020, <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>. The 2019–2030 military expenditure data for the seven NEA states is taken from the University of Denver. See: "Database of International Futures (I.F.s Version 7.53)."

In the 2000s, the national power comparison of the seven NEA states demonstrated a weakening unipolarity of the U.S. After peaking at 49.4% in 2002, the proportion of U.S. national power in seven NEA states declined to 41.2% in 2018. Meanwhile, the proportion of China's national power in the seven NEA states increased from 20.3% in 2000 to 32.2% in 2018. Before the turn of the century, the gap between China and the U.S. in terms of relative national power was large, with China never reaching half of the relative national power of the U.S. However, China's rapid economic growth and increased military spending since the 2000s has meant that the gap between its relative national power and that of the U.S. has been gradually narrowing.

In 1995, Japan's national power accounted for 26.4% of the total power of the seven NEA states, but this proportion dropped to 11.6% in 2018. Russia's national power in NEA dropped significantly in the initial days following the collapse of the Soviet Union, from 14.2% in 1990 to 3.0% in 1992. After 1992, Russia's national power began to recover slowly. From 2000 to 2018, its national power increased slightly, but has never exceeded 10% of the total national power of the seven NEA states.

The relative national power of South Korea increased steadily from 1990 to 2018, with its share in the seven NEA states increasing from 4.4% in 1990 to 7.8% in 2018. North Korea's national power is relatively weak, and its relative national power decreased from 1.2% in 1990 to 0.6% in 2018. Mongolia's national power is also relatively weak. From 1990 to 2018, its national power accounted for 0.2% to 0.8% of the seven NEA states (see *Table and Figure 1*).

Figure 1.

Sources: Ibid.

The data in *Table 1* and *Figure 1* shows that China is rapidly approaching the U.S. in terms of national power. The original U.S. “one superpower” structure in the NEA region is changing. It was around the year 2000 that China’s national power surpassed that of Japan, after which the national power gap between the two countries gradually widened, with Japan falling into the second tier in the NEA power structure. Although Russia’s relative national power increased slightly from 1992 to 2018, it is still a long way behind China, and the U.S. South Korea’s national power increased significantly from 1990 to 2018, and it has become a second-tier regional middle power. North Korea and Mongolia belong in the third tier of the NEA power structure due to their underdeveloped economies and weak national strength (see *Table 2*).

Table 2.

RANK OF SEVEN NEA STATES’ NATIONAL POWER IN 2018
РЕЙТИНГ СЕМИ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 2018 г.

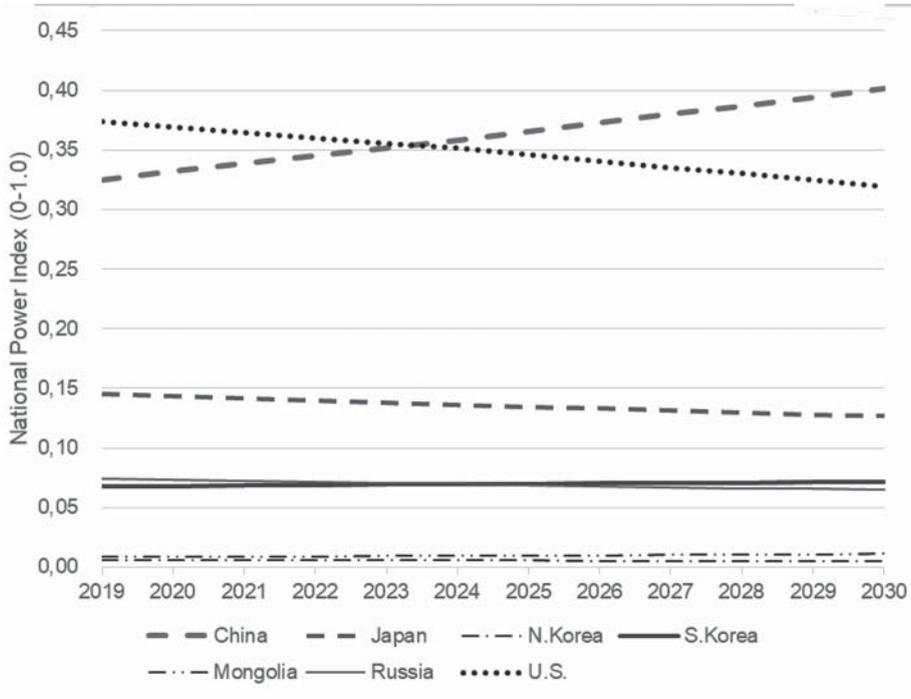
	Tier	State	Proportion
First tier	superpower	U.S.	41.2%
	quasi-superpower	China	32.2%
Second tier	regional great power	Japan	11.6%
	regional great power	Russia	5.9%
	regional middle power	South Korea	7.8%
Third tier	regional small power	North Korea	0.6%
		Mongolia	0.7%

Sources: Ibid.

According to the predictive analysis in *Figure 2*, the national power comparison of the seven NEA states will continue the previous “weakening of U.S. unipolarity” process in the 2020s. From 2020 to 2030, China and the U.S. will continue to occupy the first tier of the NEA power structure. The relative national power of the U.S. is expected to decline from 36.9% in 2020 to 32.0% in 2030, while that of China will grow from 33.2% in 2020 to 40.1% in 2030. According to forecasts, China will reach the same national power level as the U.S. around 2024. From 2020 to 2030, Russia, Japan and South Korea will occupy the second tier, with Russia’s relative share in seven NEA states projected to be between 6% and 7%, Japan’s between 12% and 14%, and South Korea’s around 7%. North Korea and Mongolia will be in the third tier of the NEA power structure, with North Korea’s relative share of national power in the seven NEA states expected to be between 0.5% and 0.6%, while Mongolia’s will be between 0.9% and 1.1% (see *Figure 2* and *Tables 1* and *3*). By 2024, China and the U.S. are expected to have a significantly higher level of national power than the other NEA states (see *Figure 2* and *Tables 1* and *3*). Looking forward to 2024–2030, the NEA power structure will likely be divided into two superpowers (China and the U.S.) and three regional great powers (Japan, Russia, and South Korea).

Figure 2.

NATIONAL POWER OF THE SEVEN NEA STATES (2019–2030)
НАЦИОНАЛЬНАЯ МОЩЬ СЕМИ ГОСУДАРСТВ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (2019–2030)

Sources: Ibid.

Table 3.

NATIONAL POWER OF THE SEVEN NEA STATES IN 2024
НАЦИОНАЛЬНАЯ МОЩЬ СЕМИ ГОСУДАРСТВ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 2024 г.

	Tier	Country	Proportion
First tier	superpower	the U.S.	35.1%
	superpower	China	35.8%
Second tier	regional great power	Japan	13.6%
	regional great power	Russia	7.0%
	regional great power	South Korea	7.0%
Third tier	regional small power	North Korea	0.6%
		Mongolia	1.0%

Source: Ibid.

China–U.S. Strategic Competition in NEA in the Next Decade

In the 2020s, the NEA power structure will evolve into “two superpowers and three regional great powers.” The U.S. will try to maintain its hegemony in the NEA region, but its capabilities and confidence will be weakened. China will strive to maintain the upward momentum of its comprehensive national power and reduce the negative effects imposed

by the strategic competition with the U.S. The narrowing power gap between China and the U.S. and the emerging power shift have led the U.S. to regard China as its primary strategic competitor in NEA and the world. There are essentially three aspects to the China–U.S. strategic competition in the NEA region: military competition, the competition between multilateral systems and bilateral alliances, and the competition between the Belt and Road Initiative (BRI) and the Indo-Pacific Strategy.

China–U.S. Military Competition in Northeast Asia

The military competition between China and the U.S. revolves primarily around the development of next-generation missile technology, and this competition is extremely fierce. In order to gain a strategic advantage in NEA, China and the U.S. have actively developed various medium-range missiles and hypersonic weapon systems in recent years that are aimed at each other (*see Table 4*).¹ The U.S. has been developing its DeepStrike missile with a range of 700 km, as well as its Strategic Strike Cannon Artillery (1600 km), and strategic fire missiles that can reach as far as 2500 km. The Trump administration announced its withdrawal from the INF Treaty in February 2019. Since then, the U.S. has been looking for a country in the NEA region where it can deploy its medium-range missiles.² In March 2017, the U.S. started deployment of its THAAD anti-missile system in South Korea. The THAAD radar system will likely be able to detect a missile launch by China, should that happen.

In recent years, China has diversified its arsenal to promote its Anti-Access/Area Denial strategy (A2/AD). The Chinese army has fielded an DF-21D anti-vessel ballistic missile with a range of 1800–3000 km and DF-26 missiles with a range of 5000 km. China opposes the deployment by the U.S. of medium-range missiles in the Asia-Pacific region and hopes that countries such as South Korea and Japan will not allow medium-range missiles to be deployed in their respective territories.³

Table 4.

**HYPERSONIC WEAPONS FROM CHINA AND THE UNITED STATES
ГИПЕРЗВУКОВОЕ ОРУЖИЕ КНР И США**

	Nation	Type	Range	Speed (Mach)	Launch Platform	Deployment year
Hypersonic Glide Vehicle (HGV)	U.S.	AGM-183A	-	20	B-52, F-35C	2021
	China	DF-ZF	2,000km	9	Dongfeng-17	2020–2030

1 Kang Choi, Beomchul Shin, and Jae-Kwang Kang, "The Shifting Environment in Northeast Asia and Our Responses," The Asian Institute for Policy Studies, September 30, 2019, accessed September 13, 2020, <http://en.asianinst.org/contents/the-shifting-environment-in-northeast-asia-and-our-responses/>.

2 Ibid.

3 "Fu Cong, Director-General of the Department of Arms Control of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, Held a Briefing for Chinese and Foreign Media on INF Treaty and other Arms Control Issues," Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, August 6, 2019, accessed September 13, 2020, https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/t1686559.shtml.

	Nation	Type	Range	Speed (Mach)	Launch Platform	Deployment year
Hypersonic Cruise Vehicle (HCV)	U.S.	HCSW	-	5	fighter, destroyer	2022
	China	Xingkong-2	-	6	ballistic missile	Under testing

Source: Min Seok Kim, "Active Development of Hypersonic Weapons among the U.S., Russia, and China," JoongAng Daily, July 19, 2019, accessed September 13, 2020, <https://news.joins.com/article/23529570>. Updates and translation have been made by the authors.

China–U.S. Competition: Multilateral Systems and Bilateral Alliances

The multilateral cooperation system advocated by China and the bilateral alliance system led by the U.S. exist at the same time within NEA. There are significant differences between the advocating (leading) and participating countries in these systems, as well as in their theoretical underpinnings (see Table 5). Tensions exist between the multilateral cooperation system and the bilateral alliance system, which is manifested as multilateral vs. unilateral, multipolar vs. unipolar, and economic and trade means vs. military means.¹

Table 5.

COMPARISON OF THE MULTILATERAL COOPERATION SYSTEM AND THE BILATERAL ALLIANCE SYSTEM IN NEA СРАВНЕНИЕ МНОГОСТОРОННИХ СИСТЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ДВУСТОРОННИХ СОЮЗОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

	Multilateral cooperation system	Bilateral alliance system
Advocating countries (leading countries)	China	The United States
Participating countries	States in the whole region	States allied with the U.S. (Japan, South Korea)
Open or Closed	Open	Closed and exclusive
Theoretical underpinnings	Multilateralism	Alliance theory
Source of system stability	Common interests and international mechanisms	Advantage of power or balance of power
Relations of the two systems	Constant tension between the two systems	

Source: Qi, Huaigao. "Seventy Years of China's Multilateral Diplomacy toward Neighboring Countries: Developing Processes, Main Characters and Challenges," *World Economics and Politics*, no. 6 (June 2019): 58. The authors have made some updates of the form.

China actively promotes multilateral cooperation in the NEA region. It aims to the negotiations on a China–Japan–South Korea Free Trade Zone, calls for the resumption of the six-party talks on the North Korean nuclear issue, and promotes the replacement of the Korean Armistice Agreement with a peace treaty. China and the other NEA states have reached a series of multilateral institutional arrangements in various fields such as politics, security, economy, environment, disease control, combating transnational crime, and cyberspace (see Table 6).²

¹ Qi 2019, 57.

² *Ibid.*, 48.

Table 6.

**NEA MULTILATERAL INSTITUTIONS IN WHICH CHINA PARTICIPATES
МНОГОСТОРОННИЕ ИНСТИТУТЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
С КИТАЙСКИМ ПРИСУТСТВИЕМ**

Field	Formal Institutional Arrangements	Informal Institutional Arrangements
Politics	China–Japan–Korea Trilateral Cooperation Secretariat (Sep. 2011)	East Asia Summit (Nov. 2004)
Security	Shanghai Cooperation Organisation (June 2001)	Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (Oct. 1992); Six-party talks mechanism (Aug. 2003); International Symposium on China–Japan–ROK Security Cooperation (April 2015)
Economy	Outline of the Construction of the China–Mongolia–Russia Economic Corridor (June 2016)	Greater Tumen Initiative (1991); Northeast Asia Free Trade Zone Initiative (Sep. 2011)
Environment	The U.N. Environment Regional Office for Asia and the Pacific (June 1972)	East Asian Seas Action Plan (April 1981); Partnerships in Environmental Management for the Seas of East Asia (Dec. 1993); Northwest Pacific Action Plan (Sep. 1994); North-East Asian Subregional Programme for Environmental Cooperation (1993)
Disease Control	WHO Western Pacific Regional Office (1951)	China–Korea Cooperation Mechanism on Joint Prevention and Control of Covid-19
Combating Transnational Crime	Shanghai Cooperation Organisation (June 2001)	ASEAN and China–Japan–Korea Cooperation Mechanism on Combating Transnational Crime (Ministerial Level) (Jan. 2004)
Cyberspace	U.N. Group of Governmental Experts on Information Security (2004)	AALCO Working Group on International Law in Cyberspace (Sep. 2014)

Source: Compiled by the authors using information from the website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China: "Countries and regions," Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, accessed September 13, 2020, https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/.

Japan and South Korea are critical of the NEA strategy of the U.S. Both the U.S.–Japan alliance and the U.S.–South Korea alliance are over 60 years old, with extensive economic and security cooperation agendas. Japan and South Korea continue to host the bulk of the forward deployed U.S. forces in the NEA region. The U.S. alliances with Japan and South Korea aim not only to deter the North Korean threat, but also to balance China. Based on this strategy, the U.S. has spent significant efforts in recent years, strengthening trilateral cooperation with Japan and South Korea. However, a number of signs point to the debilitating nature of this cooperation, which is primarily due to the recent developments in each nation's domestic affairs, including the Trump administration's "America First" policy, the historical revisionism in Japan, and the focus on North Korea under the Moon administration.¹ The U.S. is expected to continue to adhere to its bilateral alliance policy in the next decade. And it will keep a cautious eye on the development of regionalism within NEA, suspicious of a multilateral framework that may push it to the sidelines.

1 Kang Choi, Beomchul Shin, and Jae-Kwang Kang, "The Shifting Environment in Northeast Asia and Our Responses."

Competition between the BRI and the Indo-Pacific Strategy

The Silk Road Economic Belt was first proposed by Chinese President Xi Jinping in September 2013. One month later, he put forward the idea of the 21st Century Maritime Silk Road. Together, the two are now referred to as the Belt and Road Initiative (BRI).¹ In May 2015, the Chinese and Russian leaders signed the *Joint Statement of China and Russia on Cooperation in the Construction of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union*. According to the joint statement, the two sides would work to connect the construction of the Silk Road Economic Belt and the development of the Eurasian Economic Union (EAEU) to strengthen regional economic integration.² In June 2016, China, Mongolia, and Russia developed the *Outline of the Construction of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor*. The construction of this economic corridor will promote regional economic integration, as well as the integration of the respective development strategies of the countries involved, and lay a solid foundation for interconnecting their respective infrastructures.³ In June 2017, China's National Development and Reform Commission (NDRC) and the State Oceanic Administration (SOC) released its *Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative*. The Vision proposes the joint construction of a blue economic passage leading to Europe via the Arctic Ocean.⁴ This blue economic passage connects the ports along the NEA states (South Korea, Japan, and Russia) and docks with Russia's Northern Sea Route.

Japan and South Korea (the allies of the U.S. in the NEA region) have also participated in the BRI. In June 2017, Japanese Prime Minister Shinzo Abe stated that Japan would join China in the funding of BRI projects if certain conditions were met.⁵ In May 2018, China and Japan signed a memorandum on third-party market cooperation between the enterprises of the two countries. South Korea's Moon Jae-in government actively participates in the construction of the BRI. In January 2020, the President said that South Korea would continue to accelerate the pace of docking and advance its New Southern and Northern policies with the BRI.⁶

In the U.S., the Trump administration is actively promoting its Indo-Pacific Strategy as a counterbalance to the BRI. In November 2017, President Trump proposed the advancement of a "free and open Indo-Pacific" during an official visit to Southeast Asia.⁷ The U.S. Department of Defense released its *Indo-Pacific Strategy Report* in June 2019, which singled out China, Russia, and North Korea as potential threats, saying that China is

- 1 "Building the Belt and Road: Concept, Practice and China's Contribution," Office of the Leading Group for the Belt and Road Initiative 2017, accessed September 14, 2020, https://www.followingthemoney.org/wp-content/uploads/2017/06/2017_Leading-Group-for-the-BRI_Building-the-Belt-and-Road_E.pdf.
- 2 "中华人民共和国与俄罗斯联邦关于丝绸之路经济带建设和欧亚经济联盟建设对接合作的联合声明 (全文) (Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on Cooperation in the Construction of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union, signed on May 8, 2015)," Xinhua net., accessed September 13, 2020, http://www.xinhuanet.com/world/2015-05/09/c_127780866.htm.
- 3 "中蒙俄经济走廊规划纲要 (Outline of Construction of China-Mongolia-Russia Economic Corridor, signed on June 23, 2016)," NDRC, accessed September 13, 2020, https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/201609/t20160912_962194.html.
- 4 "一带一路"建设海上合作设想 (Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative)," NDRC and SOC, June 19, 2017, accessed September 13, 2020, <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/201711/W020190905503558343819.pdf>.
- 5 "Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia"–Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Banquet of the 23rd International Conference on The Future of Asia," Prime Minister of Japan and His Cabinet, June 5, 2017, accessed September 13, 2020, https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201706/1222768_11579.html.
- 6 "文在寅：将加快韩国发展战略规划同“一带一路”倡议对接 (Moo Jae-in: Moon: to Speed up South Korea's Strategic Development Plan to Dock with the Belt and Road Initiative)," Xinhua net, January 14, 2020, accessed September 13, 2020, http://www.xinhuanet.com/2020-01/14/c_1125461650.htm.
- 7 "Remarks by President Trump on His Trip to Asia," The White House, November 15, 2017, accessed September 13, 2020, <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-trip-asia/>.

a revisionist power that specializes in a “predatory economy”.¹ The Report emphasizes that the U.S.–Japan Alliance is “the cornerstone of peace and prosperity in the Indo-Pacific,” the U.S.–ROK Alliance “the linchpin of peace and prosperity in Northeast Asia,” and the U.S.–Japan–ROK trilateral partnership “critical to peace and security in the Indo-Pacific region.” Meanwhile, Mongolia is regarded as an important Indo-Pacific partner.² In January 2020, an assessment report submitted by the Center for a New American Security to the U.S. Congress pointed out that the U.S. criticizes China for driving a more closed and illiberal future for the Indo-Pacific, which would undermine vital U.S. interests.³

China is skeptical of the potential risks that the Indo-Pacific Strategy may contain. In July 2019, China’s State Councilor and Foreign Minister Wang Yi expressed his views on the Indo-Pacific concept. He believes that regional cooperation initiatives and designs should follow the following three principles: “Firstly, focusing on East Asia and Asia, without affecting the existing cooperation mechanisms and achievements in the region; secondly, focusing on cooperation and consensus, without engaging in geographic confrontation and games; thirdly, focusing on openness and inclusiveness, without forming factions or seeking small cliques.”⁴ Japanese scholar Yamazaki Amane believes that China views the Indo-Pacific Strategy as an example of Washington’s power politics, which are intended to impede Beijing’s relationship with neighboring countries.⁵ If the U.S. uses the Indo-Pacific Strategy as a tool to interfere with BRI and even contain China, China will firmly oppose it.

The Foreign Policy Adjustment of NEA States Facing China–U.S. Strategic Competition

Facing the China–U.S. strategic competition in the next decade, the NEA states at the second and third tiers will make corresponding policy adjustments. Although they are all subject to the “two superpowers and three regional great powers” structure in the next decade, the second-tier states will have more room for strategic choice than the third-tier states. At the second tier of the NEA power structure, Russia, Japan, and South Korea will pursue regional great power diplomacy and to further their regional interests. North Korea and Mongolia, ranking at the third tier of the NEA power structure, will concentrate on ensuring the survival of their regimes and on national security.

Russia’s Foreign Policy Adjustment: Balancing between China and the U.S.

Russia has traditionally focused its diplomatic efforts on Europe. However, in 2010, it announced its “turn to the East” foreign policy. The profile of the NEA region in Russian foreign policy has risen considerably since 2010. In Bobo Lo’s opinion, Russia’s fundamental objectives in NEA include undermining U.S. strategic dominance; an abiding faith in the balance of power; and the reliance on traditional strengths such as military

1 “Indo-Pacific Strategy Report.”

2 *Ibid.*, 21–46.

3 Ely Ratner, Daniel Kliman, Susanna V. Blume, et al., “Rising to the China Challenge: Renewing American Competitiveness in the Indo-Pacific,” Center for a New American Security, January 28, 2020, accessed September 13, 2020, <https://www.cnas.org/publications/reports/rising-to-the-china-challenge>.

4 “Wang Yi talks about the Indo-Pacific Concept,” Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China, July 31, 2019, accessed September 13, 2020, https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1685652.shtml.

5 “The PRC’s Cautious Stance on the U.S. Indo-Pacific Strategy,” News Brake, February 28, 2020, accessed September 13, 2020, <https://www.newsbreak.com/news/1517838243723/the-prcs-cautious-stance-on-the-us-indo-pacific-strategy>.

might, geopolitical reach, and the energy sector.¹ Although becoming less “West-centric” is a very long process, the essential truth is that Russia’s long-term future depends on a much more substantial and effective engagement with the NEA region. In the next decade, Russia’s foreign policy priorities in NEA are expected to include the following:

First, it will likely maintain a maximum balance in the China–U.S. strategic competition. China has become a key economic, financial, and technological partner for Russia. Russia will continue to develop its strategic partnership with China, which is certainly in Moscow’s best interests, while trying to maintain a certain balance in their relations at the same time.² Considering that the U.S. regards China as its main rival, Russia will try to restart relations with the U.S. However, this is easier said than done, since the hostility of the U.S. political elites towards Russia has not disappeared or diminished. In addition, Russia will work hard to develop relations with E.U. countries, as well as with India and Japan in order to ensure a geopolitical balance in Eurasia. The most important principle is that Russia will carefully maintain a balance within the strategic competition between China and the U.S.

Second, Russia will actively promote economic cooperation in NEA and use the investments from other NEA states to develop its Far East region. Russia launched the Eastern Economic Forum (EEF) in 2015, which aims to support the economic development of Russia’s Far East and expand international cooperation in the Asia-Pacific. As of September 2019, Russia had hosted five EEFs. Over 1,780 new investment projects worth over RUB 3.8 trillion and 230 new enterprises have appeared in Russia’s Far East during the last five years.³ Investment from China has accounted for 71 percent of the total direct foreign investments (worth 33 billion USD) that have come to Russia’s Far East in the past four years.⁴ Russia will continue to build good-neighborly relations and promote mutually beneficial cooperation with Japan,⁵ although Japan claims four Southern Kuril Islands, which have been under Russia’s jurisdiction for more than seven decades. Moscow aims to continue discussing political issues for as long as possible, without losing sovereignty over any of its territories. At the same time, it hopes to attract Japanese investment and expanding trade with the country.⁶

Russia views South Korea as a potentially important economic partner in developing the Russian Far East. Russian President Vladimir Putin and South Korean President Moon Jae-in agree that trilateral economic cooperation with North Korea is needed.⁷ It would not be an exaggeration to predict that China, Japan and South Korea will become more important economic partners for Russia in terms of developing its Far East region.

1 Bobo Lo, “The Return: Russia and the Security Landscape of Northeast Asia,” Ifri, March 2020, accessed September 13, 2020, <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russienseireports/return-russia-and-security-landscape-northeast-asia>.

2 Dmitri Trenin, “How Russia Can Maintain Equilibrium in the Post-Pandemic Bipolar World,” Carnegie Moscow Center, May 1, 2020, accessed September 13, 2020, <https://carnegie.ru/commentary/81702>.

3 Yury Trutnev, “Address of the Chair of the Organizing Committee, 2015,” Eastern Economic Forum, accessed September 13, 2020, <https://forumvostok.ru/en/about-the-forum/>.

4 “Interview: Cooperation between Russia, China Flourishes in Far East, Says Minister,” Xinhua net., September 4, 2019, accessed September 13, 2020, http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/04/c_138365008.htm.

5 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptClkB6BZ29/content/id/2542248. (дата обращения 13.09.2020).

6 Liudmila Zakharova, “Russia and Northeast Asia: Pursuing Strategic and Economic Goals,” Global Asia, December 21, 2017, accessed September 13, 2020, https://www.globalasia.org/v12no4/cover/russia-and-northeast-asia-pursuing-strategic-and-economic-goals_liudmila-zakharova.

7 “Moon, Putin Agree on Need for Trilateral Cooperation with N. Korea,” Yonhap, April 29, 2018, accessed September 13, 2020, <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180429000277>.

Third, Russia will not hesitate to look after its national interests in political and security affairs. For example, regarding the Kuril Islands (Northern Territories) dispute with Japan, Russia's position is as follows: signing a peace treaty first and then solving the territorial dispute and jointly developing the four islands even with Japan's economic temptation. The fact of the matter is that Russia is not willing to give up its strategic interests on the four islands. On the North Korean nuclear issue, Russia does not intervene deeply, but uses its status as a permanent member of the U.N. Security Council to force other countries to treat its interests seriously.

Japan's Foreign Policy Adjustment: Remaining Highly Flexible

Japan will try to remain highly flexible on its NEA strategic choice. On the one hand, it seeks to maximize security guarantees from the U.S., while on the other, it actively strives to develop economic cooperation with China.

Due to islands dispute and maritime security competition with China in the East China Sea, Japan hopes to use its alliance with the U.S. to ensure its security and counterbalance China. There are disputes over the territorial sovereignty of the Diaoyu (Senkaku) Islands and maritime delimitation in the East China Sea between China and Japan. The escalation of the Diaoyu (Senkaku) Islands dispute since 2010 has soured relations even more between the two countries. In July 2014, the Shinzo Abe government issued a Cabinet Decision on the interpretation of the measures for Self-Defense permitted under Article 9 of the Constitution of Japan, which stated that the government would commence the task of drafting legislation that enables seamless responses to any situations.¹ In September 2015, Japan's National Diet passed the Legislation for Peace and Security, which consists of the Act for the Development of the Legislation for Peace and Security (effectively a host of partial amendments to existing laws) and the newly enacted International Peace Support Act.² The Legislation for Peace and Security came into effect in March 2016.

The Abe government has been working to improve its tense diplomatic relations with China since 2017 when it adjusted its policy toward the country. It has also changed its opinion of China's BRI and intensified the negotiation of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) with China. Japan has also rebranded its Free and Open Indo-Pacific (FOIP) strategy as a vision, adopting a relatively more cooperative approach, and emphasizing the promotion of free trade. The aim of Japan's FOIP is to link Asia and Africa and connect the Indian and Pacific oceans. Tokyo is attempting to garner more support from partners, including the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), Australia, and India, in order to promote FOIP as a non-divisive strategy.³ The adjusted FOIP features "duality" in that it is both competitive and cooperative towards China.

Japan has maintained good diplomatic relations with China and the U.S. since 2017. The country stands in a unique position and may play the role of boosting cooperation and limiting conflict between China, and the U.S.⁴ Japan is expected

1 "Free and Open Indo-Pacific," Ministry of Foreign Affairs of Japan, November 29, 2019, accessed September 13, 2020, https://www.mofa.go.jp/policy/page25e_000278.html.

2 "Outline of the Legislation for Peace and Security," Ministry of Defense of Japan, accessed September 13, 2020, https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2016/DOJ2016_2-3-2_web.pdf.

3 Ibid.

4 Ian Bremmer, "The End of the American International Order: What Comes Next?" Time, November 18, 2019, accessed September 13, 2020, <https://time.com/5730849/end-american-order-what-next/>.

to continue to maintain its alliance with the U.S. while trying to maintain good relations with China in the 2020s.

South Korea's Foreign Policy Adjustment: Searching for Autonomy

South Korea is perhaps the most sensitive of the three regional great powers to the dynamic NEA power structure. One reason for this is that any major changes in the NEA power structure may pose a major security challenge to the country. South Korea's President Moon Jae-in is thus trying to carve out as much economic and strategic autonomy as possible.¹

First, South Korea will implement the "two superpowers diplomacy" in its relations with the U.S. and China in order to enhance its own strategic autonomy. The Moon Jae-in administration and the future South Korean government will remain committed to its alliance with the U.S., but it will not agree to form a U.S.–Japan–ROK trilateral alliance. At the same time, it will actively seek to improve relations with China, which have been damaged by the deployment of THAAD. It is expected that South Korea will adopt a "wait and see" strategy in terms of any changes in the strategic competition between China and the U.S. For example, it will be cautious about taking any action with regard to the Huawei incident, so as to reduce the negative impact of China–U.S. competition.

Second, South Korea will try to put forward initiatives for the NEA region and even broader regions. For example, in 2005, former President Roh Moo-hyun proposed the "Northeast Asia Balancer Diplomacy"; in 2009, his successor, Lee Myung-bak, put forward the "New Asia Initiative"; in 2013, President Park Geun-hye proposed the "Northeast Asia Peace and Cooperation Initiative"; and now President Moon Jae-in has proposed the "Responsible Northeast Asia Plus Community" policy. South Korea is expected to act as a coordinator in shaping NEA cooperation initiatives and mechanisms in the next decade, thereby shaping the development of regional cooperation.

However, South Korea's search for autonomy will be constrained by the situation on the Korean Peninsula. With the intensification of U.S.–China strategic competition and the tensions on the Korean Peninsula, South Korea will have limited room for maneuver in the region. It would be in China's interests to encourage South Korea's autonomy in NEA affairs.

North Korea's Foreign Policy Adjustment: Pursuing National Security

North Korea is primarily interested in ensuring national security, but its strategy has shifted from "military-first politics" and "simultaneous nuclear and economic development" to "economic construction." During the Kim Jong-il era, North Korea insisted on the development of nuclear weapons and missile programs and adopted a "military-first" policy.

With the arrival of Kim Jong-un in late 2011, North Korea has stepped up its efforts to promote its nuclear weapons and its missile capabilities. During his rule, North Korea has conducted four nuclear tests and multiple ballistic missile tests. At the same time, however, Kim Jong-un is focused on developing North Korea's economy and is striving

1 Daekwon Son, and Andray Abrahamian, "South Korea's Search for Autonomy," *The Interpreter*, December 15, 2017, accessed September 13, 2020, <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/south-korea-search-autonomy>.

to increase comprehensive power to in order to maintain the country's national security effectively. In 2019, the North Korean economy (real GDP) increased by 1.8%, reversing the two consecutive years of negative growth in 2017 (–3.5%) and 2018 (–4.2%).

Since 2018, the situation on the Korean Peninsula has started to ease somewhat. In June of that year, Kim Jong-un and Trump met for the first time in Singapore and issued a joint statement that included the following main points: (1) President Trump committed to provide security guarantees to the DPRK; (2) Chairman Kim Jong-un reaffirmed his firm and unwavering commitment to complete denuclearization of the Korean Peninsula; (3) The United States and the DPRK commit to establish new U.S.–DPRK relations; (4) The United States and the DPRK will join their efforts to build a lasting and stable peace regime on the Korean Peninsula.¹

Kim Jong-un visited China four times between March 2018 and January 2019 (he visited in March, May, and June of 2018 and then in January 2019), which resulted in closer ties between the two nations. Relations improved dramatically after the North Korean and Chinese leaders met three times over the course of 2018. In April 2018, Moon Jae-in and Kim Jong-un met in Panmunjom and signed the *Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity, and Unification of the Korean Peninsula*, announcing that the two parties would work towards the denuclearization of the Korean peninsula and the conversion of the suspension mechanism.²

Despite the significant easing of the situation on the Korean Peninsula, tensions between North Korea and the U.S. and between North and South Korea are unlikely to be resolved soon. The United Nations Security Council (UNSC) adopted 22 resolutions concerning North Korea between July 2006 and March 2020, condemning North Korea's nuclear missile tests and imposing sanctions against the country.³ Moving forward, North Korea will continue to develop ties with China and Russia, establish a new model of relations with the U.S., and lobby the U.S. to lift the sanctions.

Mongolia's Foreign Policy Adjustment: Developing with "Third Neighbors"

Mongolia's NEA strategy is to prioritize relations with Russia and China, and proactively develop its relations with so-called "third neighbors." Strengthening its relationship with its two immediate neighbors, Russia and China, does not mean that it will be aligned with either of them or indeed with any third power. Instead, Mongolia aims to promote, to the extent possible, a balanced relationship with both its neighbors.⁴ Beyond China and Russia, Mongolia is also diversifying its foreign relations through its "third neighbor" policy.

"Third neighbor" countries include not only the states such as the U.S., Germany, and Japan, but also international organizations such as the United Nations (U.N.),

1 "Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit," White House, June 12, 2018, accessed September 13, 2020, <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/>.

2 "Panmunjom Declaration on Peace, Prosperity and Reunification of the Korean Peninsula," Ministry of Foreign Affairs of Republic of Korea, April 27, 2018, accessed September 13, 2020, https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&%3BsrchTo=&%3BsrchWord=&%3BsrchTp=&%3Bmulti_itm_seq=0&%3Bitm_seq_1=0&%3Bitm_seq_2=0&%3Bcompany_cd=&%3Bcompany_nm=&page=1&titleNm=

3 "UN Documents for DPRK (North Korea): Security Council Resolutions," Security Council Report, accessed September 13, 2020, https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/security-council-resolutions/page/1?ctype=DPRK+%28North+Korea%29&cbtype=dprk-north-korea#038;cbtype=dprk-north-korea.

4 Jargalsaikhan Enkhsaikhan, "Mongolian Foreign Policy: A Small State with Big Aspirations," East Asia Forum, April 2, 2014, accessed September 13, 2020, <https://www.eastasiaforum.org/2014/04/02/mongolian-foreign-policy-a-small-state-with-big-aspirations/>.

the European Union (E.U.), and the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE).¹ Through the “third neighbors” policy, Mongolia strives to align its interests with those of developed countries and international organizations. The overarching goal of the policy is to create a political, economic, and legal environment where Mongolia’s economy, national security, and prosperity depend not only on its two immediate neighbors, but also on the strategic interests and interdependence of third neighbors.² As far as Mongolia’s diplomatic practice is concerned, the U.S. is the most important “third neighbor” country. One reason for this is that the U.S. is the only country that has enough power to balance China and Russia. Japan and South Korea also fall under the “third neighbor” banner, and Mongolia is focusing on developing relations with these two countries in the NEA region, and may play a role in the NEA multilateral framework in the future. Mongolia may be a small country, but it has lofty diplomatic ambitions.

China’s Strategic Choices for NEA in the Next Decade

At the 19th National Congress of the Communist Party of China (CPC) in October 2017, the CPC put forward a plan to make China a great modern socialist country by the middle of the 21st century. According to the new plan, China’s development goal is to implement socialist modernization between 2020 and 2035.³ Maintaining long-term stability in NEA is an important external environmental guarantee for China to be a great modern socialist country. China’s strategic choices for NEA in the next decade include the following:

First, China will try to avoid a “new Cold War” and achieve a strategic balance with the U.S. in the NEA region. At present, military competition between China and the U.S. in NEA revolves primarily around the development of next-generation missile technology, and each country has its own advantages in this area. China is closing in on the U.S. in terms of its national power, and the two states are forming a strategic balance. In order to ensure superiority in the strategic competition with China, the U.S. will continue to focus on the development of the U.S.–Japan–Korea trilateral relationship in the next decade. China will develop bilateral relations with the other NEA countries and establish an NEA partnership network. To avoid confrontation and conflict with the U.S., the authors argue that China can apply an institutional balancing strategy toward the U.S. Such a strategy suggests that the deepening economic interdependence creates conditions under which the countries are more likely to adopt a realistic balancing strategy to counter each other and pursue security through international institutions. At the same time, China will also strive to create opportunities for cooperation with the U.S. in the NEA region, which include combating infectious diseases (such as COVID-19, etc.), preventing financial crises, responding to climate change, preventing the spread of nuclear weapons, and achieving lasting peace on the Korean Peninsula.

Second, China will always maintain a friendly and close strategic partnership with Russia. Developing friendly relations with Russia is not a whim for China, but a long-term strategic choice. China and Russia share common interests in resisting American

1 Ibid.

2 Ulambayar 2013, 49.

3 “Full text of Xi Jinping’s Report at 19th CPC National Congress,” Xinhua net., November 3, 2017, accessed September 13, 2020, http://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm.

unipolar hegemony as well as support each other in events involving their respective national interests. China did not condemn Russia for its actions during the Russo-Georgian War of 2008 or the Ukrainian crisis of 2014. Russia, in turn, has never criticized China's assertiveness in the South China Sea and elsewhere.¹ However, China and Russia do have certain problems and differences at the regional level. The two countries are rivals in a number of geopolitical areas, as both have attempted to expand the scope of their respective regional influence: for example, Russia's policies toward Vietnam, the disagreements between the two countries in Central Asia, and their behavior in the Arctic.² In Central Asia, China has been one of Russia's biggest trade partners and investors within the BRI. However, Russia regards Central Asia as a top priority region that is within the area of its geopolitical interests. China will take into account Russia's concerns as much as possible when developing relations with Central Asian countries. For example, China actively promotes the joining of the "Silk Road Economic Belt" and the Eurasian Economic Union, welcomes Russia's "Greater Eurasian Partnership Initiative," and promotes the country's participation in the China-Kyrgyzstan-Ukraine railway extension projects. In short, China will respect Russia's geopolitical interests in Eurasia.

Third, China will actively promote economic cooperation with the other NEA states. China will combine its Revitalizing Northeast Strategy with participation in the development of the Russian Far East, and actively implement the *Sino-Russian Cooperation and Development Plan in Russia's Far East Region* (2018–2024). Beijing will also actively promote the construction of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor, the docking of the "Silk Road Economic Belt," and the joint EAEU-Mongolia "Prairie Road Program." In addition, China will accelerate negotiations on the China-Japan-South Korea Free Trade Zone and promote "China-Japan-South Korea + X" cooperation. North Korea will also be encouraged to integrate into the economic cooperation process in NEA, thereby creating new investment opportunities in the region.

Fourth, China will promote the establishment of a regional security mechanism that includes all the NEA states. It will regard the settlement of the North Korean nuclear issue as a breakthrough and promote the signing of the proposed Peace Treaty on the Korean Peninsula in the near future. When promoting the settlement of the North Korean nuclear issue, China would prefer a package resolution by putting the concerns of all NEA parties in the negotiations on the Korean Peninsula peace mechanism. A durable peace regime in NEA should be a multilateral construction, one that includes China, Japan, North Korea, South Korea, Mongolia, Russia, and the U.S. The authors argue that the NEA states can discuss the possibility of establishing a "Northeast Asia Peace and Cooperation Organization" (NEAPCO)³ in the future.

Fifth, China may promote the construction of a collective NEA identity. China can advocate "harmonious but different" concepts in NEA to reduce strategic suspicion among the countries in the region. The authors believe that, since most NEA states have been profoundly influenced throughout their history by Confucian culture, China can combine

1 Korolev 2016, 389.

2 Ibid., 390–391.

3 The authors refer to Georgy Toloraya's innovative thoughts on the establishment of a "Northeast Asia Peace and Cooperation Organization" (NEAPCO). See: Georgy Toloraya, "Russia and North-East Asian Security & Cooperation," CSCAP-Russia, December 2013, accessed September 13, 2020, <http://www.cscap.org/uploads/docs/Related%20Research/9GCRussiaAndNEASec&Coop-GeorgyToloraya.pdf>.

the essence of Chinese Confucianism, such as “datong shijie” (“a world of grand unity”), “tianren heyi” (“the unity of heaven and humanity”), “rendao zhuyi” (humanitarianism), and “heping zhuyi” (pacifism), with the development of NEA in the 21st century. China needs to learn from its traditional philosophy and propose the new concepts of regional collective identity that can be embraced by many of the NEA states. Maybe the “Community with a Shared Future for Mankind” expounded by Chinese President Xi Jinping at the 19th National Congress of the Communist Party of China in October 2017 can also be viewed as an approach to constructing collective NEA identity.¹

Conclusion

In the 2020s, the NEA will continue the power structure of the “weakening unipolarity of the U.S.” that began in the first decade of 21st century and has evolved into a power structure with “two superpowers and three regional great powers.” According to the “national power index of the NEA states” model constructed by the authors (see *Table 1*), China’s national power will continue to rise and, according to forecasts, it will reach the same national power level as the U.S. around 2024 (see *Figure 2*). In the 2020s, China and the U.S. will occupy the first tier of the NEA power structure. Russia, Japan, and South Korea will be in the second tier, while North Korea and Mongolia will hold the third tier. Looking forward to 2024–2030, the NEA power structure will likely be divided into two superpowers (China and the U.S.) and three regional great powers (Russia, Japan, and South Korea).

In the context of the evolution of this power structure, the main conflict in the 2020s will be the strategic competition between China and the U.S. The U.S. regards NEA as a key region for maintaining its hegemony and regards China as its main strategic competitor. China has further developed partnerships with the other NEA states and has strived to narrow the power gap with the U.S. There are essentially three aspects to the China–U.S. strategic competition in the NEA region: military competition, the competition between multilateral systems and bilateral alliances, and the competition between the Belt and Road Initiative (BRI) and the Indo-Pacific Strategy.

Facing the China–U.S. strategic competition in the next decade, the NEA countries at the second and third tiers will make respective policy adjustments. At the second tier of the NEA power structure, Russia, Japan, and South Korea will pursue regional great power diplomacy and to further their regional interests. Russia will work to maintain a balance between China and the U.S. and use the investments from the other NEA states pragmatically to develop its Far East region. Japan will seek to maximize its security guarantees from the U.S. while actively obtaining economic benefits from China, and will try to remain flexible in terms of its NEA strategic choice. South Korea will stick to the “two superpowers diplomacy” in its relations with the U.S. and China in order to strengthen its own strategic autonomy. With relatively weak national power, North Korea and Mongolia occupy the third tier of the NEA power structure. North Korea will struggle

1 “习近平：决胜全面建成小康社会 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利——在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 (Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era: Xi Jinping Delivers at the 19th National Congress of the Communist Party of China on October 18, 2017),” Xinhua net., October 27, 2017, accessed September 13, 2020, http://www.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/27/c_1121867529.htm.

to ensure its regime security and will establish a new model of relations with the U.S. and continue to develop ties with China and Russia. Mongolia will likely prioritize relations with its two immediate neighbors, China and Russia, and proactively develop its relations with “third neighbors” on the basis of balancing the influence of China and Russia.

Maintaining long-term stability of the NEA is an important external environmental guarantee for China to become a great modern socialist country. China’s strategic choices for NEA in the next decade are likely to include five aspects: 1) to avoid a “new Cold War” and achieve a strategic balance with the U.S.; 2) to maintain friendly and close strategic ties with Russia; 3) to actively promote economic cooperation with the other NEA countries; 4) to promote the future establishment of a regional security mechanism that includes all the NEA states, for example, a “Northeast Asia Peace and Cooperation Organization” (NEAPCO); and 5) to construct a collective NEA identity.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Cline, Ray S. *World Power Assessment 1977: A Calculus of Strategic Drift*. Boulder: Westview Press, 1977.

Hu, Angang, and Honghua Men.

“Comparison of Tangible Strategic Resources among China, the U.S., Japan, Russia, and India.” *Strategy and Management*, no. 2 (2002): 26–41.

Korolev, Alexander. “Systemic Balancing and Regional Hedging: China–Russia Relations.” *The Chinese Journal of International Politics* 9, no. 4 (2016): 375–97.

Qi, Huaigao. “Seventy Years of China’s Multilateral Diplomacy toward Neighboring Countries: Developing

Processes, Main Characters and Challenges,” *World Economics and Politics*, no. 6 (June 2019) (b): 43–64.

Security Cooperation Mechanism in Northeast Asia. Beijing: Current Affairs Press, 2006.

Singer, David, Stuart Bremer, and John Stuckey. “Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820–1965.” In *Peace, War, and Numbers*, edited by Bruce Russett, 19–48. Beverly Hills: Sage, 1972.

Ulambyar, D. “Northeast Asian Security Issues and Mongolia’s ‘Third Neighbor’ Policy,” *ERINA Report*, no. 114 (November 2013): 47–50.

Author(s)

Dr. Huaigao Qi,

Associate Professor and Vice Dean of Institute of International Studies at Fudan University, 200433.

e-mail: huaigaoqi@fudan.edu.cn

Dr. Kaisheng Li,

Research Fellow and Vice Director of Institute of International Studies at Shanghai Academy of Social Sciences, 200020.

e-mail: likaisheng@sass.org.cn

Additional information

Received: July 31, 2020. Accepted: September 13, 2020.

Acknowledgments

The authors thank two anonymous reviewers of *Journal of International Analytics*, Research Fellow Ming Liu and Assistant Research Fellow Qisheng Wu of the Institute of International Studies at Shanghai Academy of Social Sciences, and Associate Professor Yaling Pan at the Institute of Indian Studies of Yunnan University, for their helpful comments. Thanks also to MA Yi Dong and MA Xingyan Song at School of International Relations and Public Affairs at Fudan University for collecting research materials.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

For citation

Qi, Huaigao, and Kaisheng Li. “The Shifting Power Structure of Northeast Asia and China’s Strategic Choices in the 2020s,” *The Journal of International Analytics* 11, no. 2 (October 2020): 45–67.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-45-67>

Меняющаяся властная иерархия Северо-Восточной Азии и стратегические интересы Китая в 2020-е годы

АННОТАЦИЯ

Расклад сил в Северо-Восточной Азии (СВА) демонстрирует ослабление однополярности во главе с Соединенными Штатами (США), что приведет к появлению структуры с «многосторонним взаимодействием двух сверхдержав (Китая и США) и трёх региональных великих держав (Россия, Япония и Южная Корея)» в третьем десятилетии XXI века. В контексте изменения соотношения сил другие пять стран СВА будут менять дипломатическую политику.

Япония, Россия и Южная Корея, занимающие второе место в раскладе сил СВА, будут стремиться преследовать региональные интересы. Россия будет бережно поддерживать равновесие в отношениях с Китаем и США и прагматично использовать инвестиции других стран СВА для развития своего дальневосточного региона. Япония будет стремиться получить от США максимальную гарантию безопасности, в то же время активно получая экономические выгоды от Китая, и постарается сохранить высокую гибкость в стратегическом выборе СВА. Южная Корея будет осуществлять «дипломатию двух сверхдержав» в отношении США и Китая для усиления своей стратегической автономии. Северная Корея и Монголия, занимающие третье место из-за их относительно слабой национальной мощи, будут стремиться к выживанию в режиме и национальной безопасности. Ожидается, что перечень стратегических выборов Китая для СВА в следующем десятилетии, вероятно, будет включать пять аспектов: во-первых, избежание «новой холодной войны» и достижение стратегического баланса с США; во-вторых, постоянное поддержание дружеского и тесного стратегического партнерства с Россией; в-третьих, активное содействие экономическому сотрудничеству с другими странами СВА; в-четвертых, содействие созданию регионального механизма безопасности, включающего все государства СВА, например, создание в будущем «Организации мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии»; в-пятых, построение коллективной идентичности в СВА.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*Северо-Восточная Азия (СВА), властная иерархия,
стратегическая конкуренция КНР и США, стратегические решения*

Сведения об авторах

Ци Хуайгао,

доцент, заместитель декана Института международных исследований
Фуданьского университета, 200433.

e-mail: huaigaoqi@fudan.edu.cn

Ли Кайшэн,

научный сотрудник, заместитель директора Шанхайской академии социальных наук
Института международных исследований, 200020.

e-mail: likaisheng@sass.org.cn

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 июля 2020. Принята к публикации: 13 сентября 2020.

Благодарности

Авторы выражают благодарность двум анонимным рецензентам журнала «Международная аналитика», научному сотруднику Минг Лю и младшему научному сотруднику Цишенг Ву Института международных исследований Шанхайской академии социальных наук, доценту Института исследований Индии Янаньского университета Ялинь Пан за их полезные комментарии.

Также авторы признательны студентам Ю Дон и Синьян Сун Школы международных отношений Фуданьского университета за сбор исследовательских материалов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Ци Хуайгао, Ли Кайшэн. Меняющаяся властная иерархия Северо-Восточной Азии и стратегические интересы Китая в 2020е годы // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (2). – С. 45–67.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-45-67>

Новый македонский вопрос: современный этап развития

Даниил Олегович Головин Сергей Анатольевич Скляр

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-68-90>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу Нового македонского вопроса на современном этапе развития. Данная проблема на протяжении долгого времени находилась в тени исследовательского интереса по сравнению с этнополитическими конфликтами, сопровождавшими распад Югославии и образование на ее месте новых национальных государств.

Авторы представляют свое понимание Нового македонского вопроса и основных его элементов, включающих споры о названии страны, национальной македонской идентичности и языке, а также межэтнических противоречий в современной Македонии.

Статья фокусируется на исследовании двух соглашений, которые, на первый взгляд, урегулировали Новый македонский вопрос: Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве 2017 г., заключенном между Македонией и Болгарией, и Преспанском соглашении 2018 г., подписанном представителями Скопье и Афин. Успешные переговоры, по результатам которых были подписаны эти документы, поставили перед исследователями сложный вопрос о том, на какой стадии развития находится в настоящее время Новый македонский вопрос? Принадлежит ли он истории или по-прежнему является важной проблемой современных международных отношений?

В соответствии с поставленным вопросом главной целью работы стало подробное рассмотрение договоров между Скопье, с одной стороны, Софией и Афинами, с другой. Авторы предпринимают попытку проанализировать эти соглашения как в разрезе балканской региональной повестки, так и в более широком контексте международной безопасности.

Преспанское соглашение и болгаро-македонский Договор о дружбе не получили еще должной оценки в отечественной научной литературе, несмотря на широкое освещение в средствах массовой информации. В статье доказывается тезис о том, что два договора не привели к окончательному урегулированию Нового македонского вопроса, в то же время они способствовали созданию новых проблем, связанных с независимым македонским государством. Серьезные односторонние уступки, на которые пошло македонское руководство ради урегулирования отношений с Грецией, замораживание исторического спора с Болгарией и сохранение недоверия между македонцами и албанцами после Охридского соглашения 2001 г. не дают оснований говорить о возможном решении Нового македонского вопроса в обозримой перспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Новый македонский вопрос, Северная Македония, Греция, Болгария, Албания, спор о названии, Балканы

Новый македонский вопрос: определение феномена

В 1991 г. на карте Европы в процессе распада Югославии появилось новое государство – Республика Македония. Следующие 29 лет сопровождалось неутихающими политическими, историческими, культурными, церковными спорами о прошлом, настоящем и будущем этого образования. Ставились под сомнение его границы и даже само право на существование как самостоятельного суверенного государства.

По аналогии с Македонским вопросом – острым политическим соперничеством вокруг исторической области Македония в период распада Османской империи и формирования на ее обломках новых национальных государств – комплекс противоречий вокруг обретшей независимость бывшей югославской республики в конце XX – начале XXI века может быть определен как Новый македонский вопрос. Эта дефиниция была предложена британским исследователем Дж. Петтифером¹. В настоящей статье в понятие Нового македонского вопроса включены дискуссии о македонской нации, её историческом пути, языковой идентичности и особой македонской государственности. В этом его ключевое отличие от Македонского вопроса рубежа XIX – XX столетий, основным содержанием которого были территориальные споры и сопровождавшие их военные противостояния.

Практически сразу после выхода республики из состава Югославии проблема Македонии превратилась в трудноразрешимый политический пазл, включающий в себя как комплекс внутренних проблем (взаимоотношения между македонской и албанской общинами), так и двусторонних отношений по линии Скопье-София, Скопье-Афины, Скопье-Белград. Албанские движения внутри Македонии после распада Югославии выступили против придания новому государству национального македонского характера. Они настаивали на децентрализации Македонии и признании албанцев наряду с македонцами государствообразующим народом. Сербский патриархат, тесно связанный с государственной властью в Белграде, отрицал возможность автокефалии для Македонской православной церкви. Афины указывали на недопустимость узурпирования античного наследия славянами Балкан. В свою очередь, Болгария вообще ставила под сомнение сам факт существования отдельного македонского народа и самостоятельного македонского языка. Принимая во внимания значение Балкан для европейской и международной безопасности, внутривнутриполитическая ситуация в Македонии и внешнеполитические споры вокруг нее оказались в повестке дня США, Европейского союза и НАТО.

В настоящей статье подробно разбираются четыре аспекта Нового македонского вопроса: урегулирование споров Македонии с Болгарией и Грецией, межэтнические отношения внутри бывшей республики СФРЮ после обретения ею независимости и влияние евро-атлантического контекста. Динамика именно на этих четырех направлениях во многом определила сегодняшний политический ландшафт Балкан. С одной стороны, после подписания Охридских соглашений 2001 г. в Македонии – одном из государств региона – при вовлечении внешних

1 Pettifer 2010.

игроков была сформирована модель консоциальной демократии, рассматриваемая как эффективное средство предотвращения внутренних этнополитических конфликтов¹. С другой – урегулирование отношений между соседними странами открыло путь бывшей югославской республике Македония уже под именем Северная Македония в НАТО. Церковный спор по поводу статуса Македонской православной церкви представляет отдельную самостоятельную тему, в меньшей степени связанную с вопросами региональной и международной безопасности, и остается за рамками этого исследования.

Новый македонский вопрос в научной литературе

До вооруженного конфликта 2001 г. в научной литературе Македонии уделялось сравнительно мало внимания. Исследователи, изучавшие этнополитические процессы на пространстве бывшей Югославии, концентрировались, прежде всего, на рассмотрении предпосылок, хода и последствий конфликтов в Хорватии, Боснии и Герцеговине и в Косове².

В этом плане в западной литературе скорее исключениями были работы Дж. Петтифера³, а также его коллег-соавторов по сборнику «Новый македонский вопрос», среди которых особо следует отметить Э. Баркер. Дж. Петтифер первым концептуализировал Новый македонский вопрос, а также обозначил ключевые его элементы, такие как коллизии в дипломатических отношениях Македонии с Болгарией, Сербией, Грецией и Албанией. Несмотря на то что после первого обращения этого автора к теме прошло 28 лет и Новый македонский вопрос претерпел значительные трансформации, многие положения, выдвинутые им, сохранили актуальность и на сегодняшний день. Если говорить о вкладе Э. Баркер⁴, то она провела подробный сравнительный анализ Македонского вопроса рубежа двух предыдущих столетий и новой актуализации данной проблемы после распада Югославии, убедительно показав важное политико-географическое значение Македонии в период после завершения холодной войны. В российской научной литературе этого времени следует особо отметить сборник статей, подготовленный Институтом славяноведения РАН⁵. Для исследования Нового македонского вопроса наибольшую важность представляют интервью Г. Литаврина⁶ (оно фокусируется на греко-македонском споре) и статья И. Калиганова о коллизиях в отношениях между Скопье и Софией⁷.

После обострения в 2001 г. македонско-албанского противостояния обозначились диспропорции в исследовании уже собственно Нового македонского вопроса. В работах этого периода изучение межэтнических противоречий албанцев и македонцев долгое время ограничивалось описанием боевых действий 2001 г. и перечислением основных положений Охридского соглашения⁸, тогда как для

1 Marolov 2012.

2 Vacevich 2002; Tanner 2010; Романенко 2000.

3 Pettifer 2010.

4 Barker 2001, 3–14.

5 Гришина 1999.

6 Литаврин 1999, 25–31.

7 Калиганов 1999, 32–45.

8 Karajkov 2008.

более ясной картины произошедшего требовалось рассмотреть взаимовлияние Нового македонского и Албанского вопросов, проанализировать деятельность албанских национальных партий в Македонии и их программы, а также исследовать положение албанского меньшинства в Македонии. Как следствие, межэтническая ситуация в Македонии после Охридского соглашения долгое время не получала должного освещения. Значительным вкладом в изучение данной проблемы следует признать работу канадского историка Э. Россоса¹. В ней помимо деятельности македонских партий подробно рассматриваются различные аспекты албано-македонского межэтнического противостояния.

Спор о названии македонского государства вполне закономерно вызывал большой интерес исследователей. Во-первых, благодаря своей уникальности, т.к. в истории человечества трудно найти случаи, когда претензии выдвигались к конституционному названию страны. Во-вторых, благодаря усилиям греческой и македонской дипломатии, которые старались привлечь внимание международного сообщества к данному спору. Однако данный вопрос рассматривался преимущественно как проблема в двусторонних отношениях балканских стран, тогда как в стороне оставались более широкие связи с европейской и международной безопасностью. В этом контексте особую ценность представляет монография Р. Никовского². Ее автор в качестве профессионального дипломата был непосредственным участником ключевых событий в регионе.

Одной из наиболее успешных попыток комплексного анализа Нового македонского вопроса можно считать монографию Е. Колоскова³. В ней рассматриваются споры, конфликты, противоречия Македонии с соседними странами. В монографии нашла отражение динамика греко-македонского спора о названии, албано-македонского межэтнического противостояния, церковного конфликта Македонии и Сербии, исторического и лингвистического болгаро-македонского спора. При этом хронологически исследование этого автора, как и большая часть исследований по Новому македонскому вопросу, ограничивается событиями 2001 г.

В настоящей статье основное внимание уделено современному этапу развития Нового македонского вопроса. Приоритет отдается анализу двух ключевых документов: Преспанскому соглашению 2018 г., по итогам которого был урегулирован многолетний спор о названии, что формально открыло Республике Северная Македония путь к членству в НАТО, и Договору о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве 2017 г., который позволил вывести отношения Скопье и Софии на новый уровень. Данные документы широко освещались в экспертно-аналитических публикациях⁴, однако в академической литературе пока еще не получили должного внимания. В контексте внутримакедонской динамики статья обращена преимущественно не к появлению, а к последствиям Охридских соглашений и перспективам модели консociальной демократии для Македонии в бу-

1 Rossos 2008.

2 Никовский 2017.

3 Колосков 2013.

4 Дунаев, А. Их будет 30: вступлению Северной Македонии в НАТО вряд ли может что-то помешать // РСМД. 20 февраля 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ikh-budet-30-vstupleniyu-severnoy-makedonii-v-nato-vryad-li-mozhet-cto-to-pomeshat/> (дата обращения: 16.06.2020).

дущем. В работе предпринимается попытка оценить, в какой мере европейская и евроатлантическая интеграция могут быть полезными для обеспечения единства и территориальной целостности македонского государства. Помимо этого, также обращается внимание на традиционно менее изученный в научной литературе болгаро-македонский историко-лингвистический спор.

Статья охватывает как традиционные вопросы международных отношений, так и проблемы нациестроительства и межэтнических отношений в современной Македонии. Это определяет теоретико-методологические рамки исследования. Рассмотрение двусторонней греческо-македонской и болгаро-македонской динамики опирается на понятие «дилеммы безопасности», характерное для реалистской парадигмы международных отношений. Одним из первых оно было сформулировано американским теоретиком Дж. Херцем¹, описавшим феномен, когда рост безопасности страны или ее ослабление могут вызывать угрозу со стороны других государств. Согласно представлениям Р. Джервиса, сама эта дилемма возникает тогда, когда государство предпринимает определенные шаги по укреплению собственной безопасности, что, в свою очередь, соседями или другими игроками воспринимается как потенциальная угроза, даже если она, по сути, таковой не является². В последние годы понятие «дилемма безопасности» успешно используется для исследования этнополитических конфликтов³. Его применяют, когда возникают ситуации ослабления или коллапса центральной власти, а лидеры того или иного национального движения воспринимают свое положение как дискриминируемое, стремятся посредством определенных гарантий, в том числе и извне, закрепить свой особый статус и права. В случае с албано-македонским противостоянием, обострившимся в 2001 г. и сохраняющим свою политическую актуальность до сегодняшнего дня, подобная дилемма присутствует в поведении этнического меньшинства – албанцев. При этом этническое большинство – македонцы – опасается дальнейшего ослабления своего статуса как посредством этнодемографических изменений, так и внешнего воздействия. Угрозу они видят со стороны государства Албания, а также США и ЕС, уже создавших международной легитимацией бывшего сербского автономного края Косово прецедент для пересмотра границ на Балканах.

В то же время представляется недостаточным исследование Нового македонского вопроса исключительно в рамках реалистской парадигмы, ориентированной на поиск баланса сил и интересов как самих стран Балканского региона, так и внешних игроков. Значительную роль в спорах между Скопье, Афинами и Софией играют сюжеты из исторического прошлого, лингвистики, национальной идентичности. В этом плане чрезвычайно актуальными представляются выводы Э. Хобсбаума об изобретении традиций, имеющих характер общественно-политической символики⁴. По мнению А. Вендта, «характер международной жизни определяется убеждениями и ожиданиями, которые государства имеют друг о друге, и это устанавливается социальными, а не материальными

1 Herz 1950.

2 Jervis 1976.

3 Posen 1993; Ачкасов 2016.

4 Хобсбаум 2000, 48.

структурами»¹. В исследуемых событиях эти ожидания, порой предполагающие максималистские планки для «других», и минимализм уступок для «себя», были основным двигателем всего комплекса отношений в рамках Нового македонского вопроса.

Современное состояние дипломатических отношений Македонии и Болгарии

Проблемы в двусторонних отношениях Македонии и Болгарии начались с момента официального признания последней нового македонского государства. Дело в том, что признание со стороны Болгарии было неполным и сопровождалось рядом оговорок. На официальном уровне так и не последовало заявления о том, что существует отдельная македонская нация и отдельный македонский язык. Болгария рассматривала македонский язык как один из диалектов болгарского языка наряду с языком банатских болгар. Вскоре между странами начался исторический спор об истоках македонской государственности.

Неоднозначная позиция Болгарии объяснялась сложной внутривосточной ситуацией в стране. Болгарское правительство опасалось, что признание македонского народа открыло бы вопрос о признании нового македонского национального меньшинства в Болгарии. По утверждению болгарского президента Ж. Желева, в стране проживало около двух миллионов македонцев, которые, тем не менее, однозначно связывали свою идентичность с Болгарией². В случае признания македонского народа в самой Болгарии могли возникнуть проблемы, связанные с разделением болгарского и македонского народов.

Позиция македонского руководства также не способствовала скорому решению исторического спора. Дело в том, что македонское руководство стремилось укрепить государственность и убедить большинство населения в особой македонской идентичности, отличной от болгарской. Обсуждение македонского прошлого, споры о культурных, исторических связях во многом зависели от политической повестки в двух странах, от того, каким видели будущее Македонии болгарские политические силы, и от того, насколько македонские лидеры были уверены в прочности своего государства и в однозначной самоидентификации населения как македонского, а не болгарского.

Развитие исторического спора Македонии и Болгарии также сильно зависело от двух других аспектов Нового македонского вопроса – межэтнических отношений македонских славян и албанцев и спора о названии между Грецией и Македонией. В контексте двух данных проблем властям Македонии необходимо было подчеркнуть преемственность нового государства как с античной, так и со средневековой историей. Им следовало доказать, что земли Македонии оставили заметный след в истории Балканского полуострова, чтобы усилить сплоченность общества на фоне угрозы албанского сепаратизма, греческих нападков на античное наследие страны и исторического спора с Болгарией.

1 Wendt 1999.

2 Глигоров 2001, 411.

За несколько лет до подписания договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в 2017 г. дипломатические отношения Македонии и Болгарии находились в кризисе из-за дискуссий об историческом наследии средневекового царства Самуила¹. Рассмотрим подробнее содержание данного спора. Держава Самуила – это период в истории западных территорий Первого болгарского царства с 976 г. по 1018 г., то есть с момента захвата восточных областей царства Византийской империей и до окончательного упадка державы после поражения войск царя Самуила в битве при Беласице в 1014 г.

В македонской историографии считалось, что после захвата восточных земель западное царство Самуила со столицей в Охриде превратилось в самостоятельную державу, отличную от Первого болгарского царства. В некоторых македонских работах даже утверждалось, что в 963 г. в Македонии произошло восстание под предводительством комитопула Николы и его сыновей Давида, Арона, Моисея и Самуила, в результате которого земли Македонии сбросили власть Болгарии². Современная Македония превратила царя Самуила в национального героя, а поражение в битве при Беласице стало трагической страницей македонской истории. В 2011 г. в центре Скопье прошла торжественная церемония открытия памятника царю Самуилу³, что привлекло внимание болгарских историков, журналистов и политических деятелей⁴.

Болгария в ответ на прославление царя Самуила в Македонии организовала торжественное празднование тысячелетней годовщины битвы при Беласице в 2014 г. Разгорелись ожесточенные исторические споры о том, следует ли считать царя Самуила исторической фигурой Болгарии или Македонии. Болгария для укрепления своих позиций в историческом споре организовала ряд публичных мероприятий, призванных показать преимущество современного болгарского государства с царством Самуила. Парк-музей «Самуилова крепость» в Болгарии был обновлен, на мероприятие, посвященное памяти царя Самуила, приехали президент Болгарии, премьер-министр и патриарх Болгарской православной церкви⁵. В 2015 г. в центре Софии был установлен памятник царю Самуилу, на котором было написано: «Самуил, царь Болгарии».

В 2014 – 2015 гг. в Болгарии было опубликовано большое количество исторических исследований о державе царя Самуила. Особо стоит отметить активную позицию Македонского научного института (далее – МНИ), расположенного в Болгарии, в историческом споре с учеными Республики Македония. В 2015 г. МНИ подготовил к публикации монографию П. Петрова «Самуил – царь-воин»⁶ и сборник «Тысяча лет битве при Беласице и смерти царя Самуила (1014 – 2014)». В монографии П. Петрова особое внимание уделялось тому, что войско царя Самуила состояло преимущественно из болгар, а в битвах применялась традиционная болгарская

1 См. Колосков 2018, 11–23.

2 Антолјак 1985, 295–314.

3 "Macedonia Erects Monument of Great Bulgarian Tsar Samuil," novinite.com, June 28, 2011, accessed September 25, 2020, <https://www.novinite.com/articles/129718/Macedonia+Erects+Monument+of+Great+Bulgarian+Tsar+Samuil>.

4 Грудев 2011.

5 Александър Попов, "Президентът, премиерът и патриархът почетоха цар Самуил (The President, Prime Minister, and Patriarch Honored King Samuel)," Dnes.bg, October 9, 2014, accessed September 25, 2020, <https://www.dnes.bg/stranata/2014/10/09/prezidentyt-premieryt-i-patriarhyt-pochetoha-car-samuil.241603>.

6 Петров 2014.

военная тактика. В сборнике была опубликована статья болгарского медиевиста Г.Н. Николова, в которой доказывалась преемственность государственных традиций Первого болгарского царства и царства Самуила и опровергалась концепция македонских историков об антиболгарском восстании 963 г.¹

Данная македонская историческая концепция объясняла разделение культурного и исторического наследия средневекового Болгарского царства зарождением в X – XI вв. македонской государственности. В доказательство этого приводились два восстания, направленные, как считали македонские историки, против Болгарии и против Византии². В Болгарии восстания рассматривались не как выступление отдельного македонского народа против болгарского, а как мятеж местных правителей против центральной власти³. В подтверждение своей позиции болгарские ученые указывали на то, что мятежники и их предводители не считали себя основоположниками македонской государственности, а наоборот, видели себя продолжателями болгарской государственности, несмотря на то, что столица государства была перенесена из Преслава в Охрид.

Царь Самуил – не единственная историческая фигура, за которую велась «война памяти». Скопье также превратила фигуры Гаврила Радомира и Ивана Владислава, правивших после царя Самуила, в героев национальной истории Республики Македония⁴, поставив памятники этим правителям в Скопье. Также македонские историки опубликовали сборник статей «Держава Самуила в исторической, военно-политической, духовной и культурной традиции Македонии» к годовщине битвы при Беласице⁵.

Болгарские ученые в историческом споре с македонскими коллегами попытались точно определить места исторических событий, связанных с царством Самуила. В 2016 г. болгарские историки В.В. Периклиева и И.Д. Маркова выпустили книгу под названием «Царь Самуил и Беласицкая битва в пограничном регионе Петрич (Болгария) – Струмица (Македония): культурная память и культурная политика»⁶, в которой сделана попытка локализации исторических мест. Этой же цели служит и монография М.Ч. Христовой «Сакральные места и культурная память на тройной границе между Болгарией, Сербией и Македонией»⁷.

В ходе исторического спора и Болгария, и Македония для доказательства своей исторической правоты провели масштабные реконструкции объектов, связанных с царем Самуилом. Например, в Республике Македония фактически заново построили крепость царя Самуила в Охриде, а в Болгарии на протяжении 30 лет (1982 – 2012) шла реставрация Самуиловой крепости в селе Ключ, которое находится рядом с местом исторической битвы⁸.

Конечно, исторический спор между Болгарией и Македонией велся в основном на страницах исторических журналов и монографий, и отношения

1 Николов 2015, 35–62.

2 Антолјак 1985, 295–314.

3 Николов 2014а, 7–28.

4 Бошковски 2007.

5 Велев, Ликин 2015.

6 Периклиева, Марков 2016, 27–39.

7 Христова 2015, 79–93.

8 "История на Самуиловата крепост (History of Samuel's Fortress)," Уебсайт на Самуиловата крепост, accessed June 6, 2020, <http://samuilovakrepost.com/history/>.

между Болгарией и Македонией, если их рассматривать как составную часть Нового македонского вопроса, находились на достаточно высоком уровне по сравнению с дипломатическими отношениями Македонии с Албанией и Грецией. Можно сказать, что осложнения, связанные с разными трактовками исторических событий, не оказали серьезного влияния на политические приоритеты двух стран.

В 2017 г. в Македонии произошли значительные изменения в политической сфере. Премьер-министром страны стал лидер левого Социал-демократического союза Македонии З. Заев, правая партия «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство» (далее – ВМРО – ДПМНЕ), которая долгое время не соглашалась идти на компромиссы как в историческом споре с Болгарией, так и в споре о названии с Грецией, потеряла свое политическое влияние. Новый лидер объявил приоритетом своей внешнеполитической деятельности вступление Македонии в НАТО и ЕС, но для этого необходимо было пойти на серьезное улучшение отношений с Болгарией и Грецией, которые, являясь членами как ЕС, так и Североатлантического альянса, могли наложить вето на присоединение Македонии из-за неурегулированных проблем в двусторонних отношениях.

В том же 2017 г. премьер-министр Македонии З. Заев и премьер-министр Болгарии Б. Борисов подписали договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве¹, что стало первым шагом на пути к достижению главной внешнеполитической цели нового македонского руководства. В целом Македонии удалось заручиться поддержкой Болгарии по вопросам вступления Скопье в ЕС и НАТО. В статье 2 договора Болгария пообещала поделиться своим опытом страны – члена ЕС с Македонией, чтобы последняя могла соответствовать критериям вступления в ЕС. Также Болгария пообещала содействие Македонии в деле вступления последней в Североатлантический альянс. Фактически за год до подписания Преспанского соглашения с Грецией², которое не только урегулировало спор о названии, но и стало пропуском Скопье в НАТО, руководство страны дополнительно заручилось поддержкой Болгарии.

В контексте рассмотрения исторического спора Болгарии и Македонии очень важна статья 8 договора. В этой статье говорится об учреждении совместной междисциплинарной комиссии экспертов по вопросам истории и образования. В задачи экспертов входит подготовка ежегодных докладов о работе комиссии, которые затем направляются правительствам двух стран. Также стоит отметить, что в той же статье 8 говорится о совместном праздновании событий, занимающих важное место в истории обеих стран. Несмотря на подписание договора о дружбе, Болгария не отказалась от своей позиции непризнания македонского языка и народа. Оппозиционная правая партия ВМРО – ДПМНЕ негативно отреагировала на подписание соглашения и потребовала публичного обсуждения его

1 "Treaty of Friendship, Good-neighbourliness, and Cooperation Between the Republic of Macedonia and the Republic of Bulgaria," Ministry of Foreign Affairs Republic of North Macedonia, accessed June 6, 2020, <https://mfa.gov.mk/en/document/1712>.

2 "Final Agreement for the Settlement of the Differences as Described in the United Nations Security Council Resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the Termination of the Interim Accord of 1995, and the Establishment of a Strategic Partnership Between the Parties. The Issue of the Name of North Macedonia," Hellenic Republic Ministry of Foreign Affairs, accessed June 16, 2020, <https://www.mfa.gr/images/docs/eidikathemata/agreement.pdf>.

положений, заявив, что скрытой целью Болгарии являлось недопущение дальнейших дебатов о положении македонского меньшинства в Болгарии¹.

Тем не менее нельзя отрицать, что премьер-министру страны З. Заеву удалось заручиться поддержкой Болгарии и подготовить почву для урегулирования противоречий с Грецией, которая в течение долгого времени не позволяла Македонии вступить в НАТО и ЕС из-за неурегулированного спора о названии. Но с другой стороны, именно такое «тактическое» понимание договора македонской стороной как этапа на пути к урегулированию многолетнего спора о названии с Грецией и вступлению в ЕС и НАТО вскоре привело к возобновлению споров между Болгарией и Македонией.

После подписания Преспанского соглашения между Македонией и Грецией в 2018 г., когда, казалось, Скопье наконец удалось твердо встать на путь евроинтеграции, Болгария подняла вопрос о соблюдении Северной Македонией Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. В 2019 г. премьер-министр Болгарии Б. Борисов сделал резкое заявление в адрес македонских властей, намекнув, что Болгария может заблокировать вступление Северной Македонии в ЕС². В сентябре 2020 г. Болгария уже не ограничилась заявлениями, а перешла к конкретным политическим действиям. Парламент Болгарии принял декларацию о переговорах ЕС с Северной Македонией, которая содержит ряд условий, серьезно ограничивающих суверенитет Северной Македонии³.

В первую очередь стоит отметить, что, согласно принятой декларации, Болгария обещает не препятствовать вступлению Северной Македонии в ЕС только в том случае, если власти Скопье исполнят все решения междисциплинарной комиссии экспертов по вопросам истории и образования. Иными словами, ради вступления в ЕС Северная Македония должна переписать свои школьные учебники и очистить национальное медиапространство от любых критических высказываний в адрес болгарских властей. Отныне словосочетание «болгарский фашистский оккупант» на памятниках и мемориальных досках в Северной Македонии, согласно декларации парламента Болгарии, должно исчезнуть, а власти Скопье обязаны начать реабилитацию людей, пострадавших от действий коммунистических властей Югославии из-за их болгарского самоопределения.

Традиционным для болгарских политических деятелей стало требование исключить из переговорного процесса упоминание о македонском языке, который до сих пор не признается Болгарией. Кроме того, Северная Македония ради евроинтеграции должна отреставрировать болгарские военные захоронения на своей территории. По всей видимости, Северная Македония уже во второй раз в своей новейшей истории попала в одну и ту же ловушку. И в Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, и в Преспанском соглашении власти Скопье пошли на серьезные односторонние уступки ради ускорения евроинтеграции

- 1 "Macedonia and Bulgaria Sign Treaty on Friendship, Good-neighbourliness and Cooperation," European Western Balkans, August 1, 2017, accessed June 6, 2020, <https://europeanwesternbalkans.com/2017/08/01/macedonia-bulgaria-sign-treaty-friendship-good-neighbourliness-cooperation/>.
- 2 Топоров, А. Соседи продолжают унижать Македонию // Балканист. 11 октября 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://balkanist.ru/sosedi-prodolzhayut-unizhat-makedoniyu/> (дата обращения: 18.09.2020).
- 3 Лане, К. Болгария потребовала от Северной Македонии отречься от своей истории ради ЕС // Балканист. 17 сентября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://balkanist.ru/bolgariya-potrebovala-ot-severnoj-makedonii-otrechsya-ot-svoej-istorii-radi-es/> (дата обращения: 18.09.2020).

страны, в итоге и Греция, и Болгария воспользовались условиями договоров и своим положением государств – членов ЕС, чтобы усилить свое политическое влияние на Скопье. Впрочем, изначально Договор о дружбе с Болгарией казался более равноправным по сравнению с Преспанским соглашением. В полной мере возможности, которые предоставлял Договор о дружбе для политического манипулирования Северной Македоницией, раскрылись лишь в 2020 г.

Урегулирование спора о названии. Преспанское соглашение

Преспанское соглашение стало пропуском Македонии в Североатлантический альянс и было подписано министрами иностранных дел двух стран 17 июня 2018 г.¹ Македонское руководство пошло на серьезные односторонние уступки, чтобы снять все возможные возражения Греции по поводу вступления Скопье в НАТО. Уже 25 июня 2018 г., через пять дней после ратификации Преспанского соглашения македонским парламентом, Греция проинформировала ЕС и НАТО о том, что она не возражает против принятия уже Северной Македонии в состав двух организаций². Через два дня, 27 июня, Брюссель объявил о начале переговоров о вступлении Северной Македонии в ЕС³, а 11 июля НАТО направило Скопье официальное приглашение начать переговоры о вступлении в Альянс⁴. Главным практическим результатом соглашения стали переименование страны в Северную Македонию и отказ Греции от создания препятствий на пути вступления Скопье в Североатлантический альянс. Стоит отметить, что сам вариант названия «Северная Македония» был предложен ещё в 1994 г. министром иностранных дел Германии К. Кинкелем, который предложил два варианта названия страны для решения спора о названии: Новая Македония и Северная Македония⁵.

Преспанское соглашение состоит из преамбулы и трех глав, посвященных соответственно спору о названии, стратегическому партнерству и процедуре решения спорных вопросов. Вопросы к соглашению возникают уже после прочтения первых страниц. Так, в преамбуле говорится о том, что первая сторона соглашения – Греческая Республика, тогда как вторая сторона остается безымянной, что по меньшей мере странно для равноправного международного договора. Далее приводится длинный список целей и принципов, которыми руководствуются стороны соглашения, а также провозглашается соответствие Преспанского соглашения Уставу ООН и резолюциям Совета Безопасности

1 "Final Agreement for the Settlement of the Differences as Described in the United Nations Security Council Resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the Termination of the Interim Accord of 1995, and the Establishment of a Strategic Partnership Between the Parties. The Issue of the Name of North Macedonia," Hellenic Republic Ministry of Foreign Affairs, accessed June 16, 2020, <https://www.mfa.gr/images/docs/eidikathemata/agreement.pdf>.

2 МИД Греции уведомит ЕС и НАТО о поддержке членства Македонии // REGNUM. 22 июня 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2436279.html> (дата обращения: 16.06.2020).

3 Совет ЕС принял сложное решение по переговорам с Албанией и Македоницией // Интерфакс. 27 июня 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/618645> (дата обращения: 16.06.2020).

4 НАТО пригласило Македонию на переговоры о членстве в альянсе // РБК. 11 июля 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b463cce9a79475b42908f6b> (дата обращения: 16.06.2020).

5 Gordana Siljanovska Davkova, "On the Prespa Agreement and Beyond," The United Macedonian Diaspora, January 28, 2019, accessed June 17, 2020, <http://umdiaspora.org/2019/01/28/on-the-prespa-agreement-and-beyond-by-professor-dr-gordana-siljanovska-davkova/>.

ООН № 817 (1993)¹, № 845² (1993), а также статью пятой Временного соглашения 1995 г.³

Основная проблема здесь заключается в том, что главная часть соглашения, посвященная спору о названии, противоречит Временному соглашению 1995 г. Во Временном соглашении Греция признавала Македонию без упоминания её названия независимым и суверенным государством в статье 1, а в статье 3 обе стороны соглашения обязались уважать суверенитет, территориальную целостность и независимость друг друга⁴. Изначально во Временном соглашении речь шла лишь об изменении названия страны. Как мы увидим далее, Преспанское соглашение выходит далеко за рамки спора о названии и предполагает создание рычагов влияния на внутреннюю политику Македонии путем пересмотра культурного и исторического наследия страны. Такой пересмотр мог бы расцениваться как вмешательство в дела суверенного государства, если бы министр иностранных дел Македонии собственноручно не подписал это соглашение.

В качестве примера отхода от принципов урегулирования спора о названии можно привести параграф 4 статьи 1 Преспанского соглашения, где детально прописаны шаги, которые должна предпринять Республика Македония для внесения изменений в свою конституцию, а также указан срок, в который изменения должны быть завершены. В параграфе 3 (g) статьи 1 Преспанского соглашения прямо сказано, что для закрепления изменений в названии страны должны быть приняты поправки в конституцию Македонии, которые затем нельзя будет отозвать. Таким образом, с помощью двустороннего Преспанского соглашения налагаются внешние ограничения на конституцию страны и на пределы её изменений.

Самым ярким примером вмешательства в дела Македонии являются статьи 7 и 8 Преспанского соглашения, в соответствии с которыми Македония отказывается от своей исторической связи с эллинистическим миром, его историей, культурой и цивилизацией. Статья 7 указывает на то, что македонский язык относится к группе южнославянских языков и также не может претендовать на античное наследие. В статье 8 фактически закреплён механизм контроля со стороны Греции над использованием символов греческой цивилизации в Северной Македонии. Греция получает право выносить предупреждение Северной Македонии в случае использования символов греческой культуры, а Северная Македония обязана принять меры для исправления ситуации. Конечно, справедливо и обратное, но учитывая, что именно Греция неоднократно высказывала недовольство использованием атрибутов греческого мира в Македонии, данное положение соглашения полностью соответствует интересам Афин, а не Скопье.

Более того, та же статья 8 обязывает Северную Македонию в течение шести месяцев после вступления соглашения в силу пересмотреть статус обществен-

1 "Resolution № 817 (1993). The Issue of the Name of North Macedonia," Hellenic Republic Ministry of Foreign Affairs, accessed June 6, 2020, https://www.mfa.gr/images/docs/fyrom/resolution_unsc_817_1993.pdf.

2 "Resolution № 845 (1993). The Issue of the Name of North Macedonia," Hellenic Republic Ministry of Foreign Affairs, accessed June 6, 2020, https://www.mfa.gr/images/docs/fyrom/resolution_unsc_845_1993.pdf.

3 "Interim Accord Between Greece and the Former Yugoslav Republic of Macedonia," United Nations Peacemaker, accessed June 6, 2020, https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/MK_950913_Interim%20Accord%20between%20the%20Hellenic%20Republic%20and%20the%20FYROM.pdf.

4 Там же.

ных зданий и памятников, которые претендуют на греческое историческое наследие. Также Северной Македонии прямо запрещается в параграфе 3 статьи 8 использовать символы прежнего национального флага (Вергинскую звезду). Северная Македония обязана в течение шести месяцев после подписания соглашения полностью исключить использование этих символов в общественных местах. Параграф 5 статьи 8 предполагает внесение изменений в образовательный процесс Северной Македонии. В соответствии с данным параграфом создается объединенный междисциплинарный комитет экспертов по вопросам истории, археологии и образования, задачей которого является объяснение исторических событий. Деятельность данного комитета, в соответствии с положениями соглашения, контролируется министрами иностранных дел двух стран, что превращает комитет из научной организации в политическую. Комитет имеет право по результатам исследований вносить изменения в школьные учебники и вспомогательные материалы, такие как карты, атласы и учебные пособия, иными словами, переписывать национальную историю македонского государства.

В дополнение к вышесказанному сама процедура заключения Преспанского соглашения вызывала вопросы. Согласно македонской конституции, международные договоры должен подписывать президент страны (статья 119, параграф 1)¹, а не министр иностранных дел, как это было в случае Преспанского соглашения. Также споры вызвала и сама процедура изменения названия страны, так как в конституции страны просто не была предусмотрена сама возможность смены названия государства. В нарушение статьи 188 регламента парламента² председатель Законодательного собрания направил соглашение на ратификацию в комитет по европейским делам вместо комитета по иностранным делам, поскольку второй комитет возглавлял представитель оппозиционной партии.

Вступление Северной Македонии в НАТО как главный результат Преспанского соглашения

Как уже было сказано, два договора, заключенные Македонией сначала с Болгарией, а затем и с Грецией, должны были, наконец, открыть путь Скопье в НАТО, а затем и в ЕС. Односторонние уступки, которые были сделаны ради присоединения, видимо, расценивались македонским руководством как вполне приемлемые. Северная Македония официально стала тридцатым членом Североатлантического альянса 27 марта 2020 г., а 30 марта прошла торжественная церемония поднятия национального флага Северной Македонии в Брюсселе³.

Политический курс Скопье на вступление в НАТО и ЕС не был тайной. Ещё в 1995 г. страна присоединилась к программе Альянса «Партнерство ради мира». В 1999 г. страна вышла на новый уровень сотрудничества с НАТО, когда присоединилась к Программе планирования процессов и анализа. Во время косовского

1 "Устав на Република Македонија (Charter Of The Republic Of Macedonia)," Собранието на Република Македонија, accessed June 6, 2020, <https://www.sobranie.mk/WBStorage/Files/UstavnaRmizmeni.pdf>.

2 Gordana Siljanovska Davkova, "On the Prespa Agreement and Beyond," The United Macedonian Diaspora, January 28, 2019, accessed June 17, 2020, <http://umdiaspora.org/2019/01/28/on-the-prespa-agreement-and-beyond-by-professor-dr-gordana-siljanovska-davkova/>.

3 Северная Македония вошла в НАТО // ТАСС. 27 марта 2020. [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8101411> (дата обращения: 16.06.2020).

кризиса страна поддержала Брюссель, открыв свое воздушное пространство для военно-воздушных сил НАТО, а также стала проводить реформы, нацеленные на соответствие национальной армии стандартам НАТО¹. Само вступление Македонии в Альянс было скорее официальным закреплением международного статуса страны как союзника евроатлантического сообщества. Именно поэтому в самой Македонии, как и в соседних странах, активно обсуждался не сам факт вступления в Альянс, а та цена, которую заплатила страна за это вступление.

Президент теперь уже Северной Македонии Г. Иванов одобрил присоединение к НАТО, но заявил, что переименование страны ради вступления было неправильным шагом. Того же мнения придерживался и лидер оппозиционной партии ВМРО – ДПМНЕ Х. Микоцки, а его заместитель А. Николоски считал подписание соглашения капитуляцией². В Греции дискуссия также велась не о политическом курсе Северной Македонии на вступление в НАТО, а о Преспанском соглашении. Оппозиция раскритиковала лидера партии СИРИЗА А. Ципраса за то, что Скопье удалось сохранить в названии слово Македония³. В националистических кругах Болгарии сохранялись опасения того, что после вступления Северной Македонии в Альянс Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве Болгарии и Северной Македонии не будет соблюдаться и Скопье вновь начнет исторический и языковой спор. Как оказалось, статус-кво действительно продержался недолго, уступив место очередным историческим и политическим претензиям Скопье и Софии.

Что касается России, то она не могла помешать вступлению Северной Македонии в Альянс, и тому есть два объяснения. На протяжении 1990-х гг. Москва в своей внешней политике чрезвычайно мало внимания уделяла Македонии. Трудное экономическое положение страны после распада Югославии, претензии стран-соседей вполне естественно подтолкнули Скопье к сотрудничеству с НАТО и ЕС в надежде обеспечить свою национальную безопасность. Во-вторых, Россия не могла предложить альтернативы вступлению в НАТО. Любое усиление сотрудничества Македонии с Россией заморозило бы на неопределенный период спор о названии, что противоречило национальным интересам Македонии. Более того, страна уже была окружена странами-членами НАТО, а потенциал для экономического сотрудничества с Россией был весьма ограничен.

В своей внешней политике на балканском направлении Россия рассматривала отношения Северной Македонии и НАТО через влияние этих отношений на положение Сербии – своего ключевого союзника в регионе. Безусловно, вступление Северной Македонии в НАТО позволило Альянсу существенно увеличить политическое давление на Сербию, теперь почти со всех сторон окруженную странами-членами НАТО с тем, чтобы окончательно урегулировать косовский конфликт в соответствии с интересами западных стран и ограничить или вовсе ликвидировать влияние России на Балканском полуострове.

1 История отношений НАТО и Македонии // ТАСС. 6 февраля 2019. [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/info/6084072> (дата обращения: 16.06.2020).
2 Дунаев, А. Их будет 30: вступлению Северной Македонии в НАТО вряд ли может что-то помешать // РСМД. 20 февраля 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ikh-budet-30-vstupleniyu-severnoy-makedonii-v-nato-vryad-li-mozhet-cto-to-pomeshat/> (дата обращения: 16.06.2020).
3 Там же.

На данный момент Россия стремится сократить политические издержки от вступления Северной Македонии в НАТО. Российский дипломатический корпус препятствует распространению русофобских настроений в Северной Македонии, для укрепления экономических связей двух стран осенью 2019 г. был проведен российско-македонский бизнес-форум в Скопье¹. В то же время вступление Северной Македонии в Альянс не меняет радикально расстановку сил на Балканском полуострове. Для реализации своих энергетических и внешнеполитических проектов Россия успешно сотрудничает с Сербией и Болгарией, а вовлечение Сербии и Боснии и Герцеговины в орбиту влияния Североатлантического альянса на данный момент представляется крайне трудной задачей, что позволяет говорить о сохранении позиций России на балканском направлении.

Европейский союз и Северная Македония: евроинтеграция откладывается

Вступление Северной Македонии в НАТО стало большим внешнеполитическим успехом Скопье, но для полной реализации внешнеполитической программы руководству страны необходима еще и евроинтеграция. Именно вступление в ЕС было и остается главной задачей македонской дипломатии, и пока говорить о больших успехах на данном внешнеполитическом направлении не приходится. Осенью 2019 г. Франция фактически наложила вето на начало переговоров о вступлении в ЕС Северной Македонии и Албании². Дипломатические представители Франции заявили, что ЕС должен сначала справиться с миграционным кризисом и последствиями изменения климата, прежде чем приступить к очередному раунду расширения. Нидерланды и Дания поддержали Францию, что привело к серьезному политическому кризису в Северной Македонии, которой не удалось форсировать переговорный процесс по вступлению в ЕС.

Премьер-министр Северной Македонии З. Заев назвал решение ЕС «исторической ошибкой»³, сделал ряд крайне эмоциональных заявлений и призвал к проведению досрочных парламентских выборов, чтобы получить мандат на продолжение политического курса на евроинтеграцию. После вето Франции в октябре 2019 г. переговорный процесс замедлился. Зимой 2020 г. Северную Македонию и Албанию посетил европейский комиссар по расширению и политике соседства Оливер Вархели, который призвал к ускорению евроинтеграции Северной Македонии и Албании⁴. В марте 2020 г. Европейский совет объявил о начале переговоров о вступлении Северной Македонии и Албании в ЕС⁵, а в

1 Тодоровски, Д. Изменяются ли отношения между Москвой и Скопье после вступления Северной Македонии в НАТО? // Балканист. 20 февраля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://balkanist.ru/izmenyatsya-li-otnosheniya-mezhdu-moskvoj-i-skope-posle-vstupleniya-severnoj-makedonii-v-nato/> (дата обращения: 18.09.2020).

2 Gabriela Baczynska, "France Opposes EU Membership Talks with North Macedonia, Albania: diplomats," Reuters, October 10, 2019, accessed September 18, 2020, <https://www.reuters.com/article/us-eu-balkans-idUSKBN1WP1Z0>.

3 Премьер Македонии призвал к досрочным парламентским выборам в стране // РИА Новости. 19 октября 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191019/1559971932.html> (дата обращения: 18.09.2020).

4 Оливер Вархели призвал Европарламент ускорить включение Албании и Северной Македонии в ЕС // Балканист. 13 февраля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://balkanist.ru/varheli-prizval-evroparlament-uskorit-vklyuchenie-albanii-i-severnoj-makedonii-v-es/> (дата обращения: 18.09.2020).

5 Commission Welcomes the Green Light to Opening of Accession Talks with Albania and North Macedonia," Press Releases of the European Commission, March 25, 2020, accessed September 18, 2020, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_519.

июле 2020 г. появились сообщения о том, что Европейская комиссия представила на рассмотрение Европейскому совету проект общих правил и руководящих принципов, в соответствии с которыми должны пройти эти переговоры¹.

Впрочем, предпринятые политические шаги свидетельствуют скорее о политическом маневрировании ЕС, который пытается совместить нежелание очередного раунда расширения и стремление сохранить свое политическое влияние на Северную Македонию и Албанию. Визит европейского комиссара и определение общих правил переговорного процесса никак не приближают Северную Македонию к вступлению в ЕС и скорее служат символическими жестами, призванными показать добрую волю Брюсселя.

Итак, ради вступления в ЕС Северная Македония пошла на заключение договоров с Болгарией и Грецией. Было ли это правильным политическим решением? Представляется, Северная Македония попала в ловушку. Оказалось, что Греция и Болгария не могут гарантировать Северной Македонии быстрое вступление в ЕС, но зато могут оказывать серьезное политическое давление на Скопье, используя подписанные договоры для исправления национальной македонской истории и усиления своих позиций в Северной Македонии.

Межэтнические отношения в современной Македонии

Противоречия между албанцами и македонцами стали самым сложным аспектом Нового македонского вопроса. Охридское соглашение 2001 г., которое положило конец открытой фазе вооруженного конфликта, не было обычным договором о прекращении военных действий и стабилизации ситуации в стране, оно значительно изменило политическую систему Македонии, а также усилило влияние посредников (НАТО и ЕС) на внутреннюю и внешнюю политику Скопье. По результатам Охридского соглашения на смену унитарному государству, где македонское славянское население признавалось государствообразующим народом, пришла модель децентрализованного государства с четко проведенными разделительными линиями между этническими группами.

Албанские политические силы увеличили свое влияние на местном уровне и получили больше рычагов влияния на македонский парламент. Создание широких коалиционных правительств с участием албанских партий окончательно стало неписанным правилом политической жизни страны. Также национальные меньшинства фактически получили право вето по наиболее важным для себя вопросам в парламенте Македонии благодаря введенной системе «двойного большинства», согласно которой вопросы, затрагивающие ключевые интересы национальных меньшинств, должны приниматься большинством голосов всех парламентариев и одновременно большинством голосов депутатов, представляющих интересы национальных меньшинств.

В соответствии с Охридским соглашением², в котором был провозглашен принцип пропорционального представительства, Македония перед выбора-

1 "Commission Drafts Negotiating Frameworks for Albania and North Macedonia," Press Releases of the European Commission, July 1, 2020, accessed September 18, 2020, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_1021.

2 "Framework Agreement (Ohrid Agreement)," UN Peacemaker Documents, accessed September 18, 2020, https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/MK_010813_Framework%20Agreement%20%28Orhid%20Agreement%29.pdf.

ми 2002 г. перешла на пропорциональную систему выборов, в связи с чем малые партии, представлявшие интересы турецких, сербских и валашских общин, получили шанс получить больше мест в парламенте. Число партий в стране увеличилось до 55. При этом нельзя отрицать прогресс в межэтническом взаимодействии внутри Македонии. Македонские власти решили проблему начального школьного образования на немакедонском языке, в целом улучшилась ситуация с изучением языков национальных меньшинств, появилась система квот для поступления в государственные вузы страны. Македонские албанцы получили достаточно мест в силовых структурах страны, в 2012 г. численность албанцев в Министерстве обороны страны выросла с 3,1% до 18,7%¹, а в Министерстве внутренних дел – до 18,2%².

В то же время можно отметить серьезные проблемы, которые препятствовали развитию политической системы Македонии после подписания Охридского соглашения (среди основных – угрозы сепаратизма и терроризма). После подписания Охридского соглашения различные сепаратистские группировки не прекращали попыток дестабилизации страны. Так, в 2007 г. силами МВД Республики Македония в деревне Бродец на границе с Косово была проведена спецоперация «Буря в горах», по итогам которой были убиты 8 членов сепаратистской группировки, а 12 человек сдались властям³. В 2010 г. около пропускного пункта Блаце снова на границе Косово произошла перестрелка между силами МВД и сепаратистами, последние скрылись в Косове. В ходе обысков, последовавших за столкновением, были обнаружены три бункера с оружием⁴.

В 2012 г. произошли два инцидента, которые вновь усилили межэтническую напряженность в стране. В феврале 2012 г. полицейский, не находящийся при исполнении служебных обязанностей, застрелил двух этнических албанцев в городе Гостивар. А в апреле 2012 г. около озера Смилковци были убиты 5 этнических македонцев, в убийстве были обвинены представители албанской общины. Непрекращающиеся случаи насилия на межэтнической основе спровоцировали волну беспорядков в стране⁵. В мае 2015 г. в окрестностях села Куманово произошли серьезные столкновения подразделений МВД с албанскими сепаратистами. В ходе боев были убиты 14 албанских сепаратистов, еще 30 сдались властям страны. Со стороны Республики Македония потери достигли 8 человек, еще 40 получили ранения. Летом того же года МВД провело операцию «Клетка», в ходе которой были арестованы 9 человек. Стоит отметить, что в ходе событий 2015 г. стало заметно усиление исламистских тенденций в стране на фоне событий в Сирии⁶.

Обострение межэтнических отношений и после подписания Охридского соглашения во многом связано с тем, что само Охридское соглашение было компромиссом, и поэтому этнические македонцы и этнические албанцы интерпретировали положения данного договора исходя из своих интересов и пред-

1 Бела книга на одбраната 2012, 51.

2 *Извештај за следењето на примената на начелото на соодветна и правична застапеност за 2014 година* 2015, 7.

3 Тодоровски, Д. Северная Македония под прицелом исламистов // РСМД, 21 февраля 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/balkanpolicy/severnaya-makedoniya-pod-pritselom-islamistov/?sphrase_id=34045989 (дата обращения: 16.06.2020).

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

ставлений. Для македонских элит Республика Македония по-прежнему оставалась национальным государством этнических македонцев, тогда как албанские политические силы стремились к полной децентрализации страны. Из-за столь разного подхода вопрос о дальнейшем реформировании политической системы страны превратился в игру с нулевой суммой, где победа одного народа будет восприниматься как поражение другого.

Настороженное отношение македонских властей к росту численности албанского населения также не способствовало установлению мирных межнациональных отношений в стране. Государственная перепись населения Македонии проводилась последний раз в 2002 г. Согласно данным переписи, численность албанцев в Республике Македония составляла 509083 человека из 2022547 всего населения страны, или 25,17%¹. Официальные итоги переписи населения вызвали критику как со стороны албанских, так и со стороны македонских националистов. Первые считали, что численность албанского населения в стране намеренно занижена, тогда как македонцы настаивали на том, что реальная доля албанцев в стране не превышает 15%. Стоит отметить, что результатами переписи 2002 г. осталось недовольно и проживающие в стране турецкое и сербское население. Споры вокруг переписи населения были вызваны как раз многонациональным характером македонского государства, потому что очень часто численность той или другой этнической группы использовалась в политических целях для перераспределения ресурсов общества.

Более того, разная трактовка обязательств, которые приняли на себя стороны, подписавшие Охридское соглашение, также не способствует урегулированию межэтнических противоречий. Албанцы делают акцент на защите личных и коллективных прав, считая, что Охридское соглашение является скорее первым шагом на пути к улучшению прав албанцев, а не договором, который положил конец всем спорам. В то же время македонцы считают, что правовая риторика лишь прикрытие для планов по отторжению территорий от Македонии и последующего создания «Великой Албании». Итак, в сфере межэтнических отношений даже спустя 19 лет после подписания Охридского соглашения сохраняются взаимное недоверие и стереотипы. По-прежнему происходят инциденты, которые серьезно подрывают стабильность македонского общества.

Межэтнические отношения в Северной Македонии после вступления страны в НАТО

В 2020 г. можно говорить о принимающем все более угрожающие масштабы разделении македонского общества по этническим линиям. Албанская община активно укрепляет свои позиции в системе государственной власти Северной Македонии. По условиям коалиционного соглашения Социал-демократического союза Македонии (далее – СДСМ) и албанского Демократического союза за интеграцию (далее – ДСИ) за сто дней до следующих парламентских выборов пост

1 "The Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Macedonia 2002," The State Statistical Office, accessed June 6, 2020, <http://www.stat.gov.mk/Publikacii/knigaX.pdf>.

премьер-министра получит представитель албанской общины¹. Также в нынешнем кабинете министров Северной Македонии ДСИ контролирует шесть министерских портфелей, из них три – ключевые должности министров иностранных дел, экономики и финансов. Таким образом, внешнеполитические ведомства в Косово, Северной Македонии и самой Албании возглавляют теперь этнические албанцы.

В политической структуре Северной Македонии большое влияние приобрел представитель партии ДСИ А. Груби, который был назначен на должность первого заместителя главы правительства. Также в Северной Македонии приняты законы, которые позволяют представителям правоохранительных органов носить нашивки на албанском и македонском языках в районах со значительной долей албанского населения (более 20%). В иных обстоятельствах такие политические шаги можно было бы поприветствовать, расценив их как движение в сторону более последовательной защиты прав национальных меньшинств в Северной Македонии. Однако на фоне усиления албанских политических сил в государственных структурах страны не происходит примирения македонской и албанской общин, уровень межэтнической напряженности остается высоким.

В городах, где проживает значительное число албанцев, часто можно увидеть флаги Албании, США, НАТО, ЕС, отсутствует лишь национальный флаг Северной Македонии². По-прежнему полиция Северной Македонии не контролирует отдаленные албанские села в западных, труднодоступных районах страны. Напомним, что отсутствие надлежащего правового контроля со стороны македонской полиции уже приводило к трагическим последствиям в 2001 г. В этой связи курс на евроинтеграцию, который столь упорно проводят власти Скопье, открывает путь к еще одной потенциальной проблеме Нового македонского вопроса. Как будут выстроены отношения с албанской общиной в случае успешного вступления и Северной Македонии, и Албании в ЕС? Ведь при реализации такого сценария границы между Албанией и Северной Македонией станут прозрачными, а значительное число македонских албанцев как раз проживает в западных приграничных районах Северной Македонии, что может привести к усилению сепаратизма и созданию обновленного варианта «Великой Албании» уже в рамках Европейского союза.

Выводы

За последние три года Македония и Греция подписали Преспанское соглашение, которое положило конец затянувшемуся спору о названии; премьер-министры Македонии и Болгарии подписали Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который вывел отношения двух стран на новый уровень и отчасти сгладил противоречия в истории; НАТО согласилась принять Македонию в свои ряды, что обеспечило защиту территориальной целостности страны. Можно ли говорить о том, что страны Балканского полуострова приблизились к

1 Тодоровски, Д. Северная Македония в шаге от федерализации // Балканист. 8 сентября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://balkanist.ru/severnaya-makedoniya-v-shage-ot-federalizatsii/> (дата обращения: 18.09.2020).

2 Там же.

разрешению Нового македонского вопроса, и теперь весь комплекс противоречий вокруг македонского государства – не более чем предмет для исторических исследований?

К сожалению, говорить об успешном урегулировании Нового македонского вопроса преждевременно, так как события последних лет привели к возникновению новых системных проблем. Например, подписание Преспанского соглашения позволило решить проблему названия страны, но в то же время создало проблему вмешательства Греции во внутренние дела теперь уже Северной Македонии: представители иностранного государства получили право переписывать национальную историю Македонии и контролировать использование македонских государственных символов внутри самой Македонии. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве с Болгарией не решил проблему непризнания последней македонского народа и языка. Наоборот, договор лишь заморозил данную проблему, убрав её с повестки дня. Более того, Болгария последовала примеру Греции и в 2020 г. усилила политическое давление на Скопье, добиваясь пересмотра основных положений македонской национальной истории.

Как будут выстраиваться отношения Северной Македонии и Албании, если они в долгосрочной перспективе смогут стать членами ЕС? Не приведут ли открытые границы к еще большему ухудшению межнациональных отношений? Несмотря на Охридское соглашение и проведенные в стране политические реформы, македонцы и албанцы не смогли преодолеть недоверие друг к другу, а постоянные вооруженные столкновения на границе Северной Македонии с Косово не способствуют установлению прочного межнационального мира в стране.

Наконец, главная проблема, которая возникла в свете последних решений македонского руководства, заключается в уменьшении суверенитета страны. Серьезные уступки, сделанные македонским руководством Греции ради вступления в НАТО, само присоединение к Североатлантическому альянсу, ориентация внешней политики Македонии на страны ЕС с целью последующего вступления в это интеграционное объединение – все перечисленное не способствует успешному решению Нового македонского вопроса.

Как было сказано выше, главная причина Нового македонского вопроса – позднее формирование македонской нации и македонской государственности. Переписывание македонской истории и делегирование вопросов безопасности государства Североатлантическому альянсу явно не способствуют устранению основной причины, а значит, и решению Нового македонского вопроса. Северной Македонии еще предстоит утвердиться в качестве независимого государства на Балканском полуострове и определить свою роль в современных международных отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ачкасов, В.А. Концепт «дилемма безопасности» в исследовании динамики этнополитических конфликтов // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения. – 2016. – Вып. 2. – С. 24–30. [Achkasov, V. A. "The Concept of "Security Dilemma" in the Study of the Dynamics of Ethnopolitical Conflicts," [Kontsept «dilemma bezopasnosti» v issledovanii dinamiki etnopoliticheskikh konfliktov] *Bulletin of St. Petersburg University*, Ser. 6, Political science. International Relations, Issue 2 (2016): 24–30.] [In Russian]
- Калиганов, И.И. Размышления о македонском «срезе» палеоболгаристики // Македония: Проблемы истории и культуры. – М.: ИСЛ РАН, 1999. – С. 32–45 [Kaliganov, I.I. "Reflections on the Macedonian "Slice" in the Study of the Medieval History of Bulgaria," [Razmysshleniya o makedonskom «sreze» paleobolgaristik] *Macedonia: Problems of History and Culture*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 1999.] [In Russian]
- Колосков, Е.А. «Македонское царство»: спор о праве на средневековую историю между Македонией и Болгарией // Славянский Альманах. – 2018. – Вып. 1-2. – С. 11–23. [Koloskov, E.A. "Macedonian Kingdom": a Dispute About the Right to the Medieval History Between Macedonia and Bulgaria." [«Makedonskoe tsarstvo»: spor o prave na srednevekovuyu istoriyu mezhdru Makedoniei i Bolgariiei] *Slavic Almanac*, Issue 1-2 (2018): 11–23.] [In Russian]
- Колосков, Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991 – 2000 г.). – М.: ИСЛ РАН, 2013. – 276 с. [Koloskov, E.A. *Country Without Name: Foreign Policy Aspect of the Formation of the Macedonian State (1991-2000)*. [Strana bez nazvaniya: vneshnepoliticheskii aspekt stanovleniya makedonskogo gosudarstva (1991 – 2000 g.)] Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013.] [In Russian]
- Литаврин, Г. Г. Прошлое и настоящее Македонии в свете современных проблем // Македония: Проблемы истории и культуры. – М.: ИСЛ РАН, 1999. – С. 25–31. [Litavrin, G.G. "The Past and the Present of Macedonia in the Light of Modern Problems," [Proshloye i nastoyashcheye Makedonii v svete sovremennykh problem] *Macedonia: Problems of History and Culture*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 1999.] [In Russian]
- Македония: проблемы истории и культуры / Под ред. Р.П. Гришиной. – М.: ИСЛ РАН, – 1999. – 373 с. [Macedonia: Problems of History and Culture. [Makedoniya: problemy istorii i kultury] Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 1999.] [In Russian]
- Никовский, Р. США и независимая Македония (1991 – 2013). – М.: ИСЛ РАН, 2017. – 234 с. [Nikovskiy, R. USA and Independent Macedonia (1991-2013). [Nikovskiy, R. SSHA i nezavisimaya Makedoniya (1991 – 2013).] Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2017.] [In Russian]
- Романенко, С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 500 с. [Romanenko, S.A. [Yugoslaviya: krizis, raspad, voyna. Obrazovanie nezavisimyykh gosudarstv] *Yugoslavia: Crisis, Collapse, War. Education of Independent States*. Moscow: Moscow public scientific Foundation, 2000.] [In Russian]
- Хобсбаум, Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–61. [Hobsbawm, Eric. "Invention of Tradition," [Izobreteniye traditsii] *Bulletin of Eurasia*, no. 1 (2000): 47–61.] [In Russian]
- Bacevich, Andrew J. *War Over Kosovo: Politics and Strategy in a Global Age*. New York: Columbia University Press, 2002. DOI: 10.7312/bace12482.
- Barker, E. "The Origin of the Macedonian Dispute." In *The New Macedonian Question*, edited by James Pettifer. London: Palgrave Macmillan, 2001.
- Herz, John H. "Idealist Internationalism and the Security Dilemma." *World Politics*, no. 2 (1950): 157–180. DOI:10.2307/2009187.
- Jervis, Robert. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton University Press, 1976. DOI: 10.2307/j.ctvc77bx3.
- Karajkov, Risto. "Macedonia's 2001 Ethnic War: Offsetting Conflict. What Could Have Been Done but Was Not?" *Conflict, Security & Development* 8, no. 4 (December 2008): 451–90. https://doi.org/10.1080/14678800802543933.
- Marolov, Dejan. "Understanding the Ohrid Framework Agreement." In *Civic and Uncivic Values in Macedonia. Value Transformation, Education and Media*, edited by S. Ramet, O. Listhaug, and A. Simkus, 134–154. London: Palgrave Macmillan, 2012. DOI: 10.1057/9781137302823.
- Posen, Barry R. "The Security Dilemma and Ethnic conflict." *Survival* 35, no. 1 (1993): 103–124. https://doi.org/10.1080/00396339308442672.
- Rossos, Andrew. *Macedonia and the Macedonians: A History*. Hoover Institutions Press, 2008.
- Tanner, Marcus. *Croatia: A Nation Forged in War*; Third Edition. Yale University Press, 2010.
- The New Macedonian Question*, edited by James Pettifer. London: Palgrave Macmillan, 2001. DOI: 10.1057/9780230535794.
- Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183
- Антолјак, С. *Средновековна Македонија*. Т. 1. Скопје: Мисла, 1985. [Antoljak, Sjevan. *Medieval Macedonia*. Vol. 1. Skopje: Mislа, 1985.] [In Macedonian]
- Бела книга на одбраната*. [Security White Paper] Скопје: Министерство за одбрана на Република Македонија, 2012. [In Macedonian]
- Бошковски, М. *Великаните на македонскиот среден век. Кн. 1 (Кнез Хаџон, кнез Пребонд, кнез Акамир, цар Самоил, цар Гаврил Радомир и цар Јован Владислав)*. Скопје, 2007. [Boshkovski, M. *Greats of the Macedonian middle ages*. Vol. 1 [Prince Chacon, Prince Prebond, Prince Akameros, King Samuel, King Gavriil Radomir and King Jovan Vladislav]. Skopje, 2007.] [In Macedonian]
- Глигоров К. Македонија е се што имаме. Скопје, ТРИ, 2001. 578 с. [Gligorov K. *Macedonia is all we have*. Skopje, TRI, 2001. 578 p.] [In Macedonian]
- Грудев, И. *Истината за Македонија и Македонизма*. Варна, 2011. [Grudev, I. *The Truth About Macedonia and Macedonism*. Varna, 2011.] [In Bulgarian]
- Извештај за следењето на примената на начелото на соодветна и правична застапеност за 2014 година*. [A Report on the Monitoring of the Implementation of the Principle of Adequate and Equitable Representation of Communities of 2014] Скопје: Соодветна и Правична застапеност, 2015.
- Николов, Г.Н. Българският цар Гаврил-Роман Радомир (1014 – 1015) // Македонски преглед: Списание за наука, литература и обществен живот. Год. XXXVIII. – 2015. – № 3. – С. 35–62. [Nikolov, G.N. *Bulgarian Tsar Gavril-Roman Radomir (1014-1015)* // *Macedonian Review: Journal of Science, Literature and Public Life*. XXXVIII, no. 3 (2015): 35–62.] [In Bulgarian]
- Николов, Г.Н. Българският цар Самуил. София, 2014 (b). [Nikolov, G.N. *Bulgarian Tsar Samuel*. Sofia, 2014 (b).] [In Bulgarian]
- Николов, Г.Н. Епохата на великия български цар Самуил // Македонски преглед: Списание за наука, литература и обществен живот. Год. XXXVII. – 2014 (a). – № 3. – С. 7–28. [Nikolov, G.N. *The Age of the Great Bulgarian Tsar Samuel* // *Macedonian Review: Journal of Science, Literature and Public Life*. XXXVII, no. 3 (2014) (a): 7–28.] [In Bulgarian]
- Перикилева, В. В., Марков, И. Д. Цар Самуил и Белашкиката битка в пограничния регион Петрич (България) – Струмица (Македония): културна памет и културни политики // Библиотека: списание за

библиотечна теория и практика. Год. 23. – Бр. 4 (2016). – С. 27–39. [Periclieva, V.V., Markov, I.D. Tsar Samuel and the Battle of Kleidion (or the Battle of Belasitsa) in the Border Region of Petrich (Bulgaria) – Strumica (Macedonia): Cultural Memory and Cultural Policy // *Library: Journal of Library Theory and Practice* 23, no. 4 (2016): 27–39.] [In Bulgarian]

Петров, П. *Самуил – царят воин*. София, 2014. [Petrov, P. *Samuel – Tsar and Warrior*. Sofia, 2014.] [In Bulgarian]

Самуиловата държава во историската, воено-политичката, духовната и културната традиција на

Македонија / Под ред. И. Велев, В. Ѓ. Ликин. Струмица, 2015. [*Samuel's State in Historical, Military, Political, Spiritual, and Cultural Traditions of Macedonia* / editors I. Velev, V.G. Likin. Strumica, 2015.] [In Macedonian]

Христова, М.Ч. Сакрални места и културна памет на тройната граница между Българија, Сърбија и Македонија // Българска етнологија. Год. 41. – Бр. 1 (2015). – С. 79–93. [Hristova, M. Sacred Places and Cultural Memory at the Triple Border Between Bulgaria, Serbia and Macedonia // *Bulgarian Ethnology* 41, no. 1 (2015): 79–93.] [In Bulgarian]

Сведения об авторах

Головин Даниил Олегович,

магистрант факультета гуманитарных наук НИУ Высшая школа экономики,
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

e-mail: daniilgolovin753@mail.ru

Скляров Сергей Анатольевич,

к.ист.н., старший преподаватель кафедры международных отношений и внешней
политики России МГИМО МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского 76.

e-mail: redaktors@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 18 июля 2020. Принята к публикации: 29 сентября 2020.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Головин, Д.О., Скляров, С.А. Новый македонский вопрос: современный этап развития // *Международная аналитика*. – 2020. – Том 11 (2). – С. 68–90.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-68-90>

The New Macedonian Question: the Current Stage of Development

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the current state of the New Macedonian question. Authors examine two treaties that seemed to settle the New Macedonian question: The 2017 Treaty of Friendship, Good-neighborliness and Cooperation between Macedonia and Bulgaria, and the 2018 Prespa agreement signed by the representatives of Macedonia and Greece. The successful negotiations that resulted in the signing of these international agreements have raised a difficult question for researchers, which can be formulated as follows: what is the current stage of development of the New Macedonian Question? Does this problem belong to history or current international relations? The main goal of the work is a detailed analysis of the two above-mentioned treaties in the context of their impact on the New Macedonian question. Authors attempted not only to examine the two treaties separately, but also to place these documents in the broader context of extremely contradictory international relations on the Balkan Peninsula, and to show the mutual influence of various aspects of the New Macedonian question as the complex problem of international relations. The article has a scientific value since the Prespa agreement and the Treaty of friendship have not yet been properly examined in the scientific literature, despite the wide coverage in the media. The article proves the thesis that two treaties did not settle the New Macedonian question and only led to the creation of new problems related to the independent Macedonian state. The serious unilateral concessions made by the Macedonian leadership to resolve the name dispute, the freezing of the historical dispute with Bulgaria, and the continued distrust between the Macedonians and Albanians after the Ohrid agreement do not give grounds to speak of a successful solution of the New Macedonian question.

KEYWORDS

New Macedonian Question, North Macedonia, Greece, Bulgaria, Albania, Name Dispute, Balkans

Author(s)

Daniil O. Golovin,

Masters student of the Faculty of Humanities, HSE University
20 Myasnitskaya ulitsa, Moscow, 101000.

e-mail: daniilgolovin753@mail.ru

Sergey A. Sklyarov,

MA and PhD in History, senior lecturer at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University of Russia,
76 Vernadsky Ave, Moscow, 119454.

e-mail: redaktors@mail.ru

Additional Information

Received: July 18, 2020. Accepted: September 16, 2020.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

For citation

Golovin, Daniil O., and Sergey A. Sklyarov. "The New Macedonian Question: the Current Stage of Development."

Journal of International Analytics 11, no. 2 (2020): 68–90.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-68-90>

Georgia Beyond “Radical Europeanness”: Undiscovered Directions of Foreign Policy

Archil T. Sikharulidze

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-91-108>

ABSTRACT

Georgia's turn to the West significantly affected its geopolitical and foreign policies. The author shares the view expressed by Georgian scholars that the country's continued commitment to the Western vector is a direct consequence of ideas expressed by political elites (constructivist theory) and their self-identification as “European,” coupled with Western-style liberal democracy as a social order preference (liberal theory).

Georgia's political elites are driven by the concept of “Europeanness” and thus focus primarily on the state's aspirations to be integrated into the “Western world,” which is pushing the state towards European and North-Atlantic integration. Georgian elites believe that institutional reunification with “European family” under the NATO defence shield will not only deter Moscow but will finally put an end to Moscow's attempts to bring the post-soviet state under its control. Moreover, due to the tensions between the generalized West and Russian Federation, the Kremlin's aspirations to stop what it perceives as a geopolitical expansion of the West to the east, Georgia's approach has become even more radical.

The paper argues that the concept of “Europeanness” has been transformed into “radical Europeanness,” meaning that the political elites maintain economic cooperation with non-Western countries, but there is no proactive foreign policy beyond that, even with its most important strategic partners, namely Armenia, Azerbaijan and Turkey. In spite Tbilisi enjoys trade relations with these countries, the existing level of political and military cooperation between them conceals significant bilateral challenges.

Additionally, this approach is perfectly reflected in Georgia's relations with China, when the country's political elites pushed for free trade, without attention to the political and geopolitical aspects of economic cooperation. Thus, Georgia – China relations are also the part of research interest in this paper, as the free trade regime between the two countries is subject to serious scrutiny after the Donald Trump administration made it clear that Washington would not welcome Chinese economic and geopolitical expansion in Georgia.

KEYWORDS

Georgia, “radical Europeanness”, identity, foreign policy, elites, social order

Identity, Ideas and Social Order as a Foreign Policy

The vast majority of scholarly papers on the Republic of Georgia focused on the aspiration of the state to join the “Western world” and the attempts of the Kremlin to stop it with emphasize on the East-West rivalry, the clash of interests of the United States¹ and the European Union in their support for Tbilisi’s course towards democracy on the one hand, and the desire of Moscow to keep its southern neighbour within its political, geopolitical and economic orbit on the other. In addition, NATO with its new term “Black Sea region security” and European integration is the core of the most debates.

Generally speaking, both Georgian and international scholars are obsessed with the East-West paradigm, frequently without attention to lesser, but still significant, issues. In particular, the question of whether Georgia has a more or less adequate and clear foreign policy concerning those states that do not fall within the framework mentioned above is extremely important. To be more precise, there are doubts that the state has proactive, well-structured and understandable foreign policy strategy and tactics at the inter-state (bilateral) level. Moreover, the Velvet Revolution in Yerevan (which came as a complete shock for Tbilisi),² as well as the tensions with Baku surrounding the David Gareja monastery complex, the ongoing diplomatic tensions with Kyiv, and the frequent misunderstandings with Ankara, all strengthen the assumption that Georgia needs to finally take care of its political interests in the “near abroad” and beyond. Some Georgian scholars argue that a combination of liberal (social orders) and constructivist theories (ideas and identities) can fill the gap.

In their analysis of Tbilisi’s foreign policy, K. Kakachia and S. Minesashvili challenged the materialist theories of international relations, arguing that they are unable to fully explain Georgia’s stubborn devotion to the integration with the West.³ According to them, despite the Kremlin’s aggression and the West’s unwillingness to balance it on the ground, Georgia continues to be loyal to the political, economic and geopolitical idea of reintegration with its “European family”. In particular, Georgian political elites associate themselves with Europe and see the future prosperity of the country as being inextricably linked with Europe.⁴ Thus, they are carriers of European identity and ideas that directly affect the course of Georgia’s foreign policy. The concept of “Europeanness” has become an inherent part of their political agenda. What is more, these elites justify Tbilisi’s pro-Western stance from the social order standpoint, meaning that Georgians would like to see a Western-style liberal democracy as a political model, as its everyday lifestyle. Following “Europeanness,” Russia, due to its revisionist approach and different political system, is perceived as “other” and “alien.”

In a later paper, K. Kakachia, S. Minesashvili and L. Kakhishvili reiterated general statements when analysing change and continuity in Georgia’s foreign policies in the wake of regime transfer that took place in 2012 – 2013. They argue that despite the softer approach of Georgian Dream, the state remains devoted to its initial goals and the concept

1 Markedonov et al. 2020.

2 Mane Babajanyan, “Nikol Pashinyan’s Recent Visit to Georgia: Prospects for the Development of Bilateral Relations,” *Caucasus Watch*, May 25, 2020, accessed August 17, 2020, <https://caucasuswatch.de/news/2733.html>.

3 Kakachia, Minesashvili 2015.

4 Vasilyeva, Bakhturidze 2015.

of “Europeanness” is more relevant than ever.¹ Sharing the notion of “Europeanness,” I argue that the deepening sense of European identity and the affinity for European ideas, coupled with the desire for a Western-style social order, led to the country becoming alienated not only from Russia but from all those states that do not share the preferences of the country’s elites. Furthermore, the constant inability to “join the West” – ostensibly due to opposition from Moscow – has caused them to become radicalized. “Europeanness” has thus transformed into “radical Europeanness,” meaning that Tbilisi puts all its efforts into a highly proactive foreign policy to further its Western aspirations while ignoring the need to build strong bilateral relations with other countries, especially with “near abroad” states.

On the whole, Georgia has followed an ill-advised strategy in its quest for “Europeanness,” and its foreign policy approach in the framework of “radical Europeanness” concerning those states that do not fit the European identity or do not share its social variables. The Georgian political elites are interested in cooperation with countries only in the context of liberal democracy and in the spirit of European identity. This is typically reflected in economic cooperation, while political and military partnerships became mostly declarative. As a result, the state suffers from pragmatic, bilateral political vision beyond the civilizational choice, leaving gaps in foreign policy and letting challenges on the ground grow. And this trend continues regardless of who is in power because the Georgian elites are steadfast in their desire to be European and develop a European social order in their country.

“Radical Europeanness” as a Foreign Policy

On January 27, 1999, prominent Georgian politician Z. Zhvania said at a meeting of the Council of Europe, “I am Georgian, and therefore I am European.” On April 10, 2019, Prime Minister of Georgia M. Bakhtadze repeated these words, saying “I would like to reiterate Z. Zhvania’s words spoken here in the Council of Europe – I am Georgian, and therefore I am European.”² The statement perfectly encapsulates the “European” nature of the state’s foreign policy, a doctrine that has dominated for at least the last two decades. It also determines the political thinking of the Georgian elites, who consider comprehensive reintegration with the “European family” under the NATO defence as a key goal, a grand mission that must be achieved by all means. Z. Zhvania, who was famous for his strategic thinking, did not mean “radical Europeanness.” However, his statement turned into a firm and unshakable foreign policy doctrine due to internal (political elites), as well as some external, factors, including the rivalry between Moscow and Tbilisi,³ and the global confrontation between East and West.⁴

After the Colour Revolution of November 2003, a triumvirate of Georgian politicians consisting of Z. Zhvania, N. Burjanadze and M. Saakashvili announced

1 Kakachia et al. 2018.

2 “PM: I Would like to Reiterate Zurab Zhvania’s Words – I Am Georgian, and Therefore I Am European,” InterPressNews, April 10, 2019, accessed August 20, 2020, <https://www.interpressnews.ge/en/article/101560-pm-i-would-like-to-reiterate-zurab-zhvanias-words-i-am-georgian-and-therefore-i-am-european/>.

3 “Saakashvili Slams Russia in ‘Harvest Speech,’” Civil Georgia, September 8, 2006, accessed August 20, 2020, <https://old.civil.ge/eng/article.php?id=13502>.

4 Pavel K. Baev, “Tenth Anniversary of Putin’s Munich Speech: a Commitment to Failure,” Eurasia Daily Monitor, The Jamestown Foundation, February 13, 2017, accessed August 20, 2020, <https://jamestown.org/program/tenth-anniversary-putins-munich-speech-commitment-failure/>.

that the country would undergo a comprehensive nation- and state-building process, promising to make Georgia a democratic country. Furthermore, the post-revolutionary government ensured the country's strategic partners in the West that it would re-join its European family.¹ Upon his election as president in January 2014, M. Saakashvili launched comprehensive reforms in an attempt to transform Georgia into Western-style state with a Western-minded society. M. Saakashvili argued that the European flag was Georgia's flag too, "as far as it embodies our civilization, our culture, the essence of our history and perspective, and our vision for the future of Georgia [...] Georgia is not just a European country, but one of the most ancient European countries [...] our steady course is towards European integration."²

Analysing the revolutionary movements in the post-Soviet space, professor A. Ohanyan³ argues that Colour Revolutions differ from the Velvet Revolution as they not only change regimes but, more importantly, push the state to comprehensively reorient its political and geopolitical vectors. Thus, comparing the revolutions in Armenia and other post-Soviet states, A. Ohanyan assumes that Tbilisi experienced a Colour Revolution that pushed it to break away from the post-Soviet region and associate itself with Europe or, to use a term that is actively being introduced by the liberal elites, the "Black Sea region."⁴

The desire to distance itself from Russia and its "spheres of influence" was further strengthened after Saakashvili's failure to "restart" bilateral relations with the Kremlin in the early years of his presidency.⁵ Aware that Moscow had a different standpoint about NATO – EU expansion, Tbilisi became even more radical in its policy, trying to decrease dependency on the post-Soviet region to a minimum⁶. Georgia negotiated the closure of Russian military bases on its territory⁷ and, more importantly, left the Commonwealth of Independent States (CIS),⁸ which scholars in the country and beyond tended to see as the successor of Soviet Union. This move meant that Tbilisi was leaving a geopolitical arena ostensibly dominated by Moscow and allowed it to develop relations with former Soviet republics on a bilateral basis. The belief that European integration and membership in NATO would draw a line under the state's centuries-long fight for independence, freedom and sovereignty was paradoxically only strengthened by the Russo–Georgian War of August 2008.

The war made it clear that neither the United States nor the European Union was ready to balance Moscow on the ground, nor are they now. Thus, according to the balance of power theory, Tbilisi should have become less inclined towards the West.⁹ However, the ideas expressed by the Georgian political elites, coupled with social order preferences, meant that those in power not only remained pro-Western

1 Mitchell 2009, 5.

2 "President Saakashvili's Inauguration Speech," Civil Georgia, January 25, 2004, accessed August 20, 2020, <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=26694>.

3 Anna Ohanyan, "Armenia's Democratic Dreams," Foreign Policy, November 6, 2018, accessed August 20, 2020, <https://foreignpolicy.com/2018/11/07/armenias-democratic-dreams/>.

4 Lasha Darsalia, "The Legacies of the 2008 Russia-Georgia War for Security in the Black Sea Region," RUSI, August 6, 2020, accessed September 2, 2020, <https://rusi.org/event/legacies-2008-russia-georgia-war-security-black-sea-region>.

5 Сихарулидзе 2019.

6 Trenin 2009.

7 Kakachia 2008.

8 "Georgia Finalizes Withdrawal from CIS," Radio Free Europe, August 18, 2009, accessed August 20, 2020, https://www.rferl.org/a/Georgia_Finalizes_Withdrawal_From_CIS/1802284.html.

9 Kakachia, Minesashvili 2015.

but pursued an even more radical policy. Former Ambassador of Georgia to the United States and Deputy Secretary of Georgia's National Security Council B. Kutelia summed up the rationale perfectly when he argued that Western integration, in this case, NATO membership, would mark the end of Georgia's transition to democracy and make Georgian statehood fully formed.¹

Table 1.

**REGIONAL REPRESENTATION OF THE REPUBLIC OF GEORGIA'S EMBASSIES
РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОСОЛЬСТВ РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ**

EU countries (23 out of 27):	Post-Soviet space (excluding the Baltic states):	Others:
Austria (1996)	Armenia (1995)	China (2005)
Belgium (1994)	Azerbaijan (1994)	Turkey (1994)
Bulgaria (2004)	Belarus (2008)	US (1993)
Cyprus (2005)	Kazakhstan (1993)	
Czech Republic (2006)	Moldova	
Denmark (2006)	Russian Federation (1993)	
Estonia (2009)	no diplomatic relations	
Finland (2011)	Turkmenistan (2002)	
France (1993)	Ukraine (1994)	
Germany (1993)	Uzbekistan (1997)	
Greece (1995)		
Hungary (2009)		
Ireland (2010)		
Italy (1994)		
Latvia (2006)		
Lithuania (2004)		
Netherlands (2007)		
Poland (2004)		
Portugal (2012)		
Romania (2004)		
Slovakia (2006)		
Slovenia (2014)		
Spain (2006)		
Sweden (2006)		

Source: "Embassies and Representations," Ministry of Foreign Affairs of Georgia 2020, accessed June 5, 2020, <https://mfa.gov.ge/MainNav/EmbassiesRepresentations/GeorgianMissionsAbroad.aspx>; "Bilateral Relations," Ministry of Foreign Affairs of Georgia, accessed June 5, 2020, https://web.archive.org/web/20110828104207/http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=61.

Note: The table compares a network of Georgian embassies and consulates in the European Union and the Commonwealth of Independent States (CIS). Also, there are dates on which the first ambassadors were appointed in the respective countries, including Turkey, the United States and China. The list shows that, compared to the CIS states (with the exception of Belarus and Turkmenistan), Georgian ambassadors were generally assigned to Europe after the Rose Revolution.

This is a clear reflection of the dramatic shift from the East to the West and the fact that the Georgian political elites invested, politically and economically, in the European Union and established and maintained a proactive foreign policy there. Interestingly, Georgia appears to be equally active on the Chinese vector. The arguments of oppositional forces within the country that the Georgian Dream party represents pro-Russian power and is led by the Kremlin² aside, there is little doubt that the country is generally focused on fulfilling its civilization choice and

1 Vasil Sikharulidze and Batu Kutelia, "NATO Must Set a Clear Roadmap for Georgia," Atlantic Council, July 7, 2016, accessed August 20, 2020, <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/nato-must-set-a-clear-roadmap-for-georgia/>.

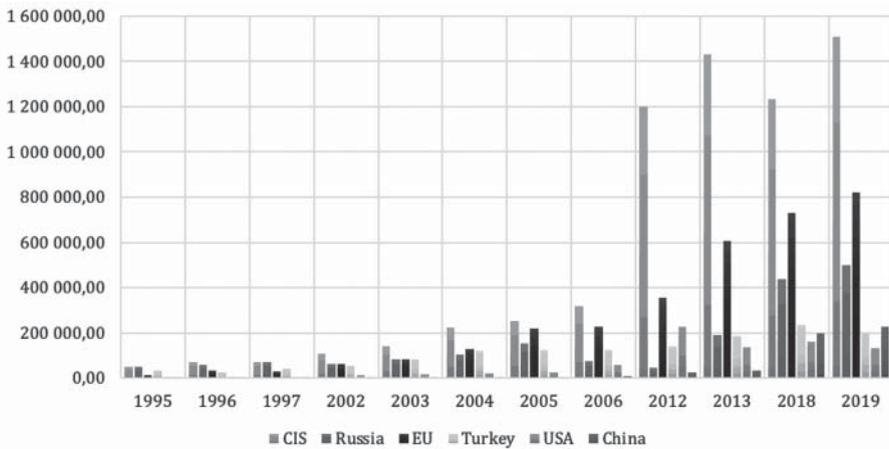
2 Archil Sikharulidze, "Who Do I Call if I Want to Speak to 'pro-Russian Forces' in Georgia?" OpenDemocracy, August 31, 2016, accessed September 2, 2020, <https://www.opendemocracy.net/en/odr/who-do-i-call-if-i-want-to-speak-to-pro-russian-forces-in-georgia/>.

becoming a member of NATO and the European Union. It is generally reflected in trade relations.

The comparative analysis of bilateral trade (export-import) between the Republic of Georgia and its biggest economic partners for more than two decades shows the greatly increased trade with the European Union, Turkey, the United States and China. But despite this tendency, the former post-Soviet region is still important for Georgia's economic development. This is the result of at least 70 years of Soviet cohabitation and, consequently, the prominence of Georgia as a brand, including as a producer of wines and mineral waters.

Table 2.

TRADING PARTNERS BY EXPORTS IN THOUSAND USD (1995 – 2019)
ТОРГОВЫЕ ПАРТНЕРЫ ПО ЭКСПОРТУ В ТЫС. ДОЛЛ. США (1995 – 2019)

Source: "External Trade Tendencies of Georgia 2013 – 2019," National Statistics Office of Georgia, July 15, 2019, accessed August 23, 2020, <https://www.geostat.ge/en/single-categories/99/external-trade-tendencies-of-georgia>.

At the same time, we see that the European Union takes on an increasingly important role, which is the result of a wide marketing strategy took by the Georgian side to break away from the Russian influence, meaning not only direct trade with Moscow but also with those states that are close to the Kremlin.¹ Generally speaking, liberal elites perceive even a slight increase in trade with Moscow and, sometimes, the former Soviet republics, as a very bad precedent that can give Georgia's northern neighbour additional political triggers to stop Tbilisi on its way towards comprehensive Western integration.² Members of the opposition at home and associated actors see the growing trade between Georgia and Russia as a sign that the Georgia Dream party has a pro-Russian disposition, and that Chairman of the party B. Ivanishvili would prefer to develop relations with Moscow. This although the country's strategic partners, especially in the European Union, support and even take part in this healthy economic partnership (for example, in the Karasin–Abashidze format).³

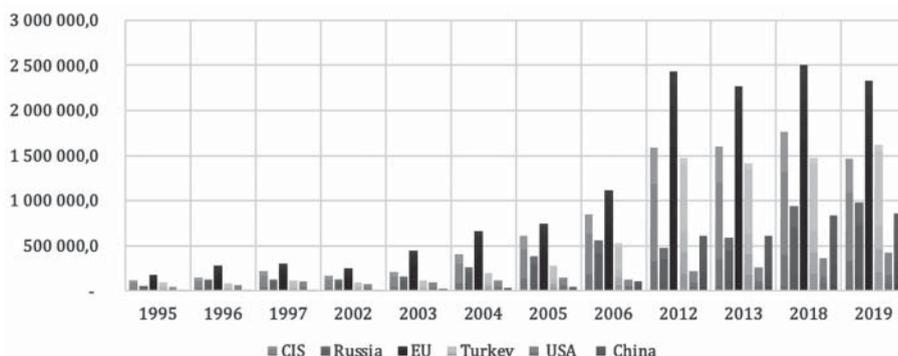
1 Livny et al. 2009.

2 "Georgia's Economic Dependence on Russia: Trends and Threats," Transparency International Georgia, May 4, 2020, accessed August 23, 2020, <https://transparency.ge/en/blog/georgias-economic-dependence-russia-trends-and-threats>.

3 Revaz Koiava, "Georgian – Russian Relations: Past, Present & Future," Emerging Europe, March 1, 2018, accessed August 23, 2020, <https://emerging-europe.com/georgia-2017/georgian-russian-relations-past-present-future/>.

Table 3.

TRADING PARTNERS BY IMPORTS IN THOUSAND USD (1995 – 2019)
ТОРГОВЫЕ ПАРТНЕРЫ ПО ИМПОРТУ В ТЫС. ДОЛЛ. США (1995 – 2019)

Source: "External Trade Tendencies of Georgia 2013 – 2019," National Statistics Office of Georgia, July 15, 2019, accessed August 23, 2020, <https://www.geostat.ge/en/single-categories/99/external-trade-tendencies-of-georgia>.

It is clear that, while Russia's positions are weakened, we can observe increased trade with Turkey, the movement towards China, the growing role of the European Union and, much to the disliking of the Georgian political elites, a reliance on the CIS member states. Logically, it is hard to build bilateral relations with the Russian Federation due to the absence of diplomatic ties. However, disbanding the department for relations with Russia in the Ministry of Foreign Affairs of Georgia emphasizes the shift in priorities. What is more, while many departments focus on the European Union and NATO, no agencies are working with the CIS, the Eurasian Economic Union, the South Caucasus, China or even Turkey, which is one of Georgia's most important strategic partners.

Table 4.

CHANGES IN THE STRUCTURE OF THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF GEORGIA
ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГРУЗИИ

2000	2004–2006	2020
	<i>Departments:</i>	
US, Canada and Latin America	American	American
Asia, Africa, Australia and Oceania	Eastern Affairs (abolished in 2006)	Middle East and Africa Asia and the Pacific
European EU Affairs	European Affairs and EU Integration (later split into separate departments)	European Affairs General Directorate of European Integration Coordination of European Support and Sectoral Integration
Russian	Russian (abolished in 2006, restored in 2008)	
Agency for Commonwealth of Independent States (restored in 2009).	Neighbouring Countries (abolished in between)	Neighbouring Countries
	Defence Politics and Euro-Atlantic Integration	NATO Integration NATO and EU Information Centre (LEPL);

2000	2004–2006	2020
International Organizations	International Organizations	International Organizations (no CIS and EAEU divisions)

Source: "საქართველოს საგარეო საქმეთა სამინისტროს დებულების დამტკიცების შესახებ (On Approval of the Regulation of the Ministry of Foreign Affairs of Georgia)," Government of Georgia, Pub. L. No. 206 (2005), accessed August 23, 2020, <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/10678?publication=0>; "საქართველოს საგარეო საქმეთა სამინისტრო, სტრუქტურა (Minister of Foreign Affairs, Structure)," Ministry of Foreign Affairs of Georgia, accessed August 23, 2020, <https://mfa.gov.ge/MainNav/DiplomatService/Structure.aspx>; "საქართველოს საგარეო საქმეთა სამინისტროს დებულების შესახებ (On the Regulation of the Ministry of Foreign Affairs of Georgia)," President of Georgia, Pub. L. No. 337 (2000), accessed August 23, 2020, <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/1252685?publication=0>; "საქართველოს საგარეო საქმეთა სამინისტროს დებულების დამტკიცების შესახებ (On the Regulation of the Ministry of Foreign Affairs of Georgia)," President of Georgia, Pub. L. No. 53 (2004), accessed August 23, 2020, <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/1297013?publication=0>.

Note: Institutionally, the Parliament of Georgia and the Ministry of Foreign Affairs are responsible for the state's foreign policy – Parliament determines foreign policy while the Ministry implements it. The table shows structural development of the Ministry of Foreign Affairs, reflecting geopolitical reorientation of the state.

The very idea of the CIS has been erased, while EAEU is not recognized as a significant actor at all. The current structural changes in the Ministry are a clear reflection of a lack of interest in having a proactive foreign policy beyond "radical Europeanness." The same can be seen in the Parliament of Georgia, which was long neglected because of the presidential system that existed in the state but is now the centre of political life.¹ The 2011 constitutional amendments transformed Georgia into a parliamentary republic.² So far, the legislative body is a determinant of the country's foreign policy.

Table 5.

PARLIAMENTARY COMMITTEES OF REPUBLIC OF GEORGIA (1997 – 2018)
ПАРЛАМЕНТСКИЕ КОМИТЕТЫ РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ (1997 – 2018)

	Committees:			
	1997	2004	2012	2018
Agrarian Issues		V	V	V
Human Rights and Civil Integration		V	V	V
Education, Science and Culture		V	V	V
Environmental Protection and Natural Resources		V	V	V
Sector Economy and Economic Policy		V	V	V
Diaspora and Caucasus Issues		V	V	V (to be abolished)
European Integration		V	V	V
Defence and Security		V	V	V
Legal Issues		V	V	V
Regional Policy and Self-Government		V	V	V
Foreign Relations		V	V	V
Procedural Issues and Rules		V	V	V
Budget and Finance		V	V	V
Sports and Youth Issues		V	V	V
Healthcare and Social Issues		V	V	V

Source: "საქართველოს პარლამენტის რეგლამენტი (On the Regulation of the Parliament of Georgia (1997 – 2018)," The Parliament of Georgia, accessed August 23, 2020, <https://matsne.gov.ge/document/view/4401423?publication=9>; "Parliament of Georgia, Committees," Parliament of Georgia, accessed August 23, 2020, <http://parliament.ge/en/saparlamento-saqmianoba/komitetebi>.

Note: The table is a comparative analysis of the structural changes that the institution has gone through over the last two decades.

- Ghia Nodia, "Georgia Gets a More Democratic Constitution, though the Process is not Perfect," Radio Free Europe, October 19, 2010, accessed August 23, 2020, https://www.rferl.org/a/Georgia_More_Democratic_Constitution_Process_Not_Perfect/2195251.html.
- "Georgia's Weekend Presidential Election Marks Transition to Parliamentary Republic," BNE IntelliNews, October 26, 2018, accessed August 23, 2020, <https://www.intellinews.com/georgia-s-weekend-presidential-election-marks-transition-to-parliamentary-republic-150858/>.

Since its establishment, the Parliament has focused on Europe and the Caucasus as crucial regions for the state's national interests. Although we may debate whether the Parliament's activities were ever effective or efficient in the past, still these two vectors were clearly outlined. The current structure will soon change, as the Committee for Diaspora and Caucasus Issues is set to be abolished. T. Baramidze, a member of the committee's Scientific Advisory Board, expressed her astonishment, arguing that only enemies of the state could have dreamt about such a thing happening. According to T. Baramidze, dismantling the only entity that focuses on this extremely crucial region will hurt the state's national interests, even in the framework on European integration.¹

Undiscovered "Others"

Analysing Georgia's foreign policy in the "near abroad," Georgian scholar D. Jishkariani,^{2,3} a researcher at the Soviet Past Research Laboratory, argues that there is no one in the country who could replace Special Representative of the Prime Minister of Georgia for Relations with Russia Z. Abashidze if he decides to resign and leave the diplomatic arena. D. Jishkariani further argues that the state forgot completely about the importance of having professional diplomats and analysts dealing not only with Russia but also with the former Soviet republics that do not fall in the framework of "Europeanness". According to D. Jishkariani, the central government is simply reacting to challenges that pop-up in neighbouring states and does not have a proactive and systemic approach. M. Manchkhavili,⁴ a Turkologist who heads the Institute for Georgia's Neighborhood Studies at Tbilisi State University, shares Jishkariani's views here, adding that the idea for establishing the institute came after she realized that neither the state nor the academic community is paying attention to those states that are not associated with the European future, including Turkey. Furthermore, M. Manchkhavili argues that Georgian politicians are frequently unaware of the processes that are taking place in Turkey and their dealings with the country do not extend beyond the scope of NATO cooperation and enlargement. On the whole, there is a lack of in-depth knowledge in Georgian political and academic circles of the political processes taking place in the "near abroad." What is more, this is a logical and intentional outcome of "radical Europeanness" – a lack of interest on the part of the Georgian political elites in focusing on and investing in these directions of foreign policy.

The Republic of Armenia

Perhaps the best example of Georgia's "negligent" policy towards its closest neighbours is the case of Armenia. To be sure, Georgians and Armenians have long-

1 "თსუ-ის კავკასიოლოგიის ინსტიტუტის დირექტორი დიასპორისა და კავკასიის საკითხთა კომიტეტის შესაძლო გაუქმებას დაუშვებლად მიიჩნევს (Abolishment of Committee for Diaspora and Caucasian Issues is Unacceptable Says director of Tbilisi State University's Institute of Caucasiology)," InterPressNews, May 27, 2020, accessed August 23, 2020, <https://www.interpressnews.ge/ka/article/601774-tsu-is-kavkasiologiis-institutis-direktori-diasporisa-da-kavkasiis-sakitxta-komitetis-shesazlo-gaukmebas-daushveblad-miichnevs>.

2 ბიძინა რამიშვილი, „დღევანდელი პოლიტიკური ელიტა ვერ გრძნობს, რა ხდება კონფლიქტურ ზონებში“ (Bidzina Ramishvili, "Current Political Elites do not feel processes on the ground in the conflict zones"), Radio Free Europe, September 24, 2018, accessed August 23, 2020, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/დღევანდელი-პოლიტიკური-ელიტა-ვერ-გრძნობს-რა-ხდება-კონფლიქტურ-ზონებში/29506910.html>.

3 Zviadadze, Jishkariani 2018.

4 Manchkhavili 2020.

standing history of cohabitation and cooperation, as well as of direct military confrontation. Georgian politicians always emphasize that Yerevan is a strategic partner, but these are decorative statements that are not supported or strengthened by real work on the ground.¹ Georgian scholar G. Nodia summed it up perfectly when he noted that Georgian politicians and political analysts were taken aback by the peaceful Velvet Revolution in Armenia under the slogan *#RejectSerzh*, as they had failed to predict it.²

According to G. Nodia, Georgians “do not know” what is taking place in these countries because no research is being carried out into the South Caucasian region at all. Not only has the state’s geopolitical reorientation significantly affected political preferences, but academia is also suffering. This explains why Armenia, a country that falls within Russia’s “sphere of influence,” holds no interest for the Georgian political establishment. It is worth mentioning that the liberal political elites in Georgia who had barely given Armenia any attention in the past were suddenly inspired to contribute to the revolutionary spirit in that country.

Moreover, leading Georgian revolutionary M. Saakashvili immediately expressed his readiness to visit Yerevan and help the new political forces reshape the country, while his ideological allies saw it as a continuation of the wave of Colour Revolutions that have swept the region.³ But these attitudes disappeared as soon as it became clear that there would be no geopolitical shift in Armenia. As a result, Armenia remained beyond the framework of European identity and social order preferences.⁴

The issue of integrating ethnic minorities into the larger Georgian society is highly sensitive.⁵ We may argue that the way the central government deals with its predominantly “non-Georgian” regions perfectly matches its reactive approach to neighbouring states. This much was clear from the completely unexpected crisis in Georgia – Azerbaijan relations that erupted as a result of a monument to Mikhail Avagyan being installed in the Georgian village of Bugashen in the municipality of Akhalkalaki. The residents, mainly ethnically Armenians, have close ties with their historic homeland and thus decided to commemorate Armenian hero Mikhail Avagyan, who fought in the Nagorno – Karabakh War. While the name means almost nothing to most ethnic Georgians, Georgian Azerbaijanis, who represent the largest ethnic minority in the country, were angered because Azerbaijan sees Avagyan as a terrorist and separatist.

The Georgian Dream government had no idea that a monument to Avagyan was going to be erected and found itself in a highly unpleasant situation because, on the one hand, it should have respected the will of the residents of Bugashen,

1 Mane Babajanyan, “Nikol Pashinyan’s Recent Visit to Georgia: Prospects for the Development of Bilateral Relations,” *Caucasus Watch*, May 25, 2020, accessed August 17, 2020, <https://caucasuswatch.de/news/2733.html>.

2 “ნოდია, გ., სომხეთის რევოლუცია და ქართული პარალელები (Ghia Nodia, Armenian Revolution and Georgian Parallels),” *Tabula*, April 29, 2018, accessed September 2, 2020, <http://www.tabula.ge/ge/story/132125-somxetis-revolucia-da-qartuli-paralelebi>.

3 “რომან გოცირიძე - ის, რაც სომხეთში მოხდა, არის „ვარდების რევოლუციის“ გამოძახილი თანეთმეტი წლის შემდეგ (Roman Gotsiridze: “What Happened in Armenia is an Echo of the Rose Revolution 15 Years Later),” *InterPressNews*, May 8, 2018, accessed August 23, 2020, <https://www.interpressnews.ge/ka/article/491975-roman-gocirize-is-rac-somxetshi-moxda-aris-vardebis-revoluciis-gamozaxili-txutmeti-clis-shemdeg>.

4 Shota Gelovani, “3 Reasons why the Armenian Revolution Means Nothing for the Foreign Policy of the Country and 3 Reasons why we Thought it Would,” *Georgian Institute of Politics*, May 25, 2018, accessed August 23, 2020, <http://gip.ge/3-reasons-why-the-armenian-revolution-means-nothing-for-the-foreign-policy-of-the-country-and-three-reasons-why-we-thought-it-would/>.

5 Anastasia Mgaloblishvili, “The Future of Georgia’s Ethnic Minorities,” *New Eastern Europe*, December 18, 2018, accessed August 23, 2020, <https://neweasterneurope.eu/2018/12/18/future-of-georgias-ethnic-minorities/>.

while on the other, it wanted to avoid ethnic tensions and a confrontation with Yerevan and Baku. As a result, the incident provoked protest from ethnic Azerbaijanis, including the member of the Georgian parliament Azer Suleimanov, who argued that it was “a blow to our friendship, which the Georgian party is constantly emphasizing.” Meanwhile, the Ambassador of Azerbaijan to Georgia condemned the act, and the Georgian ambassador was summoned to the Ministry of Foreign Affairs of Azerbaijan for a meeting.¹ What is most disturbing about these events is that not only did the Georgian political elites overlook processes that were vital to both national and regional security, but they also attempted to hush them up completely.

The Republic of Azerbaijan

Georgian politicians talk about Azerbaijan as a “brotherly nation” with the same kind of zeal that they talk about Armenia. But Azerbaijan is, also, an extremely important strategic partner that helps ensure stability in the South Caucasus, as well as Georgia’s energy independence from the Kremlin.² Tbilisi maintains strong economic ties with its neighbour.³ At the same time, the Afgan Mukhtarli case⁴ and Davit Gareja monastery complex dispute⁵ provoked major scandals. Georgian political analysts are already arguing that dormant disagreements between Tbilisi and Baku finally reared their heads, putting the strategic partnership in jeopardy.⁶

Increasing tensions between Georgia and Russia meant that M. Saakashvili’s government required an alternative supplier of energy resources, one that would help the country achieve energy sector independence.⁷ The desire to no longer be reliant on the Kremlin was further strengthened by the massive explosion in North Ossetia in January 2006 that damaged the Mozdok – Tbilisi gas pipeline and left two-thirds of Georgian population without gas.⁸ This accident, which the M. Saakashvili regime claimed was intentional sabotage by the Russian side,⁹ accelerated the diversification process in the country and pushed Tbilisi to look to Baku for help. Azerbaijani was able to satisfy Georgia’s gas needs almost entirely, replacing the Kremlin’s monopoly with almost complete dependence on the State Oil Company of the Azerbaijan Republic (SOCAR).¹⁰

1 “Azerbaijanis in Georgia Demand to Demolish Monument to Mikhail Avagyan,” *Caucasian Knot*, February 9, 2019, accessed August 23, 2020, <https://www.eng.kavkaz-uzel.eu/articles/46112/>.

2 Shiriyev, Kakachia 2015.

3 “External Trade Tendencies of Georgia 2013 – 2019,” National Statistics Office of Georgia, July 15, 2019, accessed August 23, 2020, <https://www.geostat.ge/en/single-categories/99/external-trade-tendencies-of-georgia>.

4 Archil Sikharulidze, “The Problem with Georgia’s Political Brand,” *New Eastern Europe*, July 25, 2017, accessed August 27, 2020, <https://neweasterneurope.eu/2017/07/25/the-problem-with-georgia-s-political-brand/>.

5 В Грузии отмечают «Гареджоба» – в Баку предупредили о провокации // Информационное Агентство Эхо Кавказа. 4 июня 2020. [Электронный ресурс]. <https://www.ekhokavkaza.com/a/30651996.html>. (дата обращения: 27.08.2020).

6 Давид Гареджи: трещина в стратегическом партнерстве // Информационное Агентство SOVA. 4 июня 2020. [Электронный ресурс]. <https://sova.news/2020/06/04/david-garedzhi-treshhina-v-strategicheskom-partnerstve/>. (дата обращения: 27.08.2020).

7 Newnham 2011.

8 “Mozdok – Tbilisi Gas Pipeline Restored,” *Pipelines International*, February 7, 2006, accessed August 27, 2020, <https://www.pipelinesinternational.com/2006/02/07/mozdok-tbilisi-gas-pipeline-restored/>.

9 «Газпром» призывает не искать подтекст в прекращении поставок газа в Грузию и Армению // *Lenta.ru*. 22 января 2006. [Электронный ресурс]. <https://lenta.ru/news/2006/01/22/repair/>. (дата обращения: 27.08.2020).

10 Vasilii Rukhadze, “Azerbaijan Becomes Monopoly Supplier of Natural Gas to Georgia,” *The Jamestown Foundation*, February 12, 2018, accessed August 27, 2020, <https://jamestown.org/program/azerbaijan-becomes-monopoly-supplier-natural-gas-georgia/>; “Georgia to Receive 92.7 % of Gas from Azerbaijan, 6.6 % from Russia in 2020,” *Neftgaz*, December 30, 2019, accessed August 27, 2020, <https://neftgaz.ru/en/news/Transportation-and-storage/516078-georgia-to-receive-92-7-of-gas-from-azerbaijan-6-6-from-russia-in-2020/>; Kamila Aliyeva, “Georgia to Completely Switch to Gas Supply from Azerbaijan,” *AZERNEWS*, April 12, 2017, accessed August 27, 2020, https://www.azernews.az/oil_and_gas/111345.html.

Georgia, which is pronounced *Sakartvelo* in the local language, was labelled *SOCARTvelo* in 2017 by cartoonist when Azerbaijani journalist Afgan Mukhtarli suddenly disappeared in Tbilisi and popped-up in an Azerbaijanian jail in Baku, having been sentenced to six years imprisonment. The investigation led by local and international organizations argues that the Georgian Dream government was pressured into taking part in the unlawful kidnapping and transfer of Mukhtarli by the Azerbaijani side.¹ What is more, there is strong evidence to suggest that Tbilisi went along with the plan because of its total dependency on Azerbaijani energy resources and the fact that SOCAR enjoys a great deal of political and economic clout.² SOCAR is generally seen as one of the most influential Azerbaijani lobbyists in Georgia and is involved in other highly appreciated, as well as highly questionable, activities.³ Afgan Mukhtarli himself, who was later pardoned, has said that he wants to sue Georgia for its part in the kidnapping and violation of his human rights.⁴

However, the best example of Georgia's poor foreign policy in the "near abroad" is the Davit Gareja monastery complex dispute.⁵ The complex, considered by Georgians and Azerbaijanis as a monument of national cultural heritage, has been the subject of controversy since the collapse of Soviet Union. In 1996, a special committee was established to finalize the borders process, including the issue of the Davit Gareja monastery complex. More than two decades later and still nothing has been done. There was a shaky "stability," with visitors from both sides being allowed to observe the cultural heritage site. But tensions flared up as soon as President S. Zourabichvili called on Tbilisi and Baku to make progress on the issue.⁶ Obviously, territorial integrity is an extremely sensitive and challenging issue for both Georgia and Azerbaijan due to the separatist movements they face at home. There are thus no easy solutions, although it is understandable that Tbilisi demonstrated absolutely no political will or interest to initiate a step-by-step process to resolve the dispute. The outwardly perfect relations between Georgia and Azerbaijan are particularly strained right now, with visitors not being allowed to observe some parts of the complex. Meanwhile, the Prosecutor's Office of Georgia has initiated a criminal case in connection with stirring up ethnical strife. At the same time, the political opposition in Georgia argues that the Georgian Dream government is giving up historically Georgian lands and cultural heritage to Azerbaijan behind the scenes.⁷

- 1 Leyla Mustafayeva, "Afgan Mukhtarli: After the Abduction," OpenDemocracy, October 13, 2017, accessed August 27, 2020, <https://www.opendemocracy.net/en/odr/afgan-mukhtarli-after-abduction/>.
- 2 Manana Kochladze, "Geopolitics of South Caucasus: Georgia and Oil Prices," Heinrich Boll Stiftung Tbilisi, April 1, 2016, accessed August 27, 2020, <https://ge.boell.org/en/2016/04/01/geopolitics-south-caucasus-georgia-and-oil-prices>.
- 3 Ulkar Natiqzizi, "Georgians Allege Azerbaijan Interfering in Their Local Elections," EurasiaNet, May 15, 2019, accessed August 27, 2020, <https://eurasianet.org/georgians-allege-azerbaijan-interfering-in-their-local-elections>; Нодиа, Г. Нариман Нариманов, грузинские азербайджанцы и православная церковь // Информационное Агентство Эхо Кавказа. 3 июня 2020. [Электронный ресурс]. <https://www.ekhokavkaza.com/a/30651194.html>. (дата обращения: 27.08.2020); Erik Davtyan, "Trying to Find a Balance: Georgian Dream's Gas Diplomacy," Georgian Institute of Politics, December 12, 2016, accessed August 27, 2020, <http://gip.ge/trying-to-find-a-balance-georgian-dreams-gas-diplomacy/>.
- 4 Dilshad Aliyarli, and Asgar Asgarov, "Kidnapped, Blindfolded, Tossed in Jail: An Azerbaijani Reporter's Exclusive Tale," Voice of America, March 20, 2020, accessed August 27, 2020, <https://www.voanews.com/press-freedom/kidnapped-blindfolded-tossed-jail-azerbaijani-reporters-exclusive-tale>.
- 5 "Azerbaijan Warns of "Possible Provocations" at Disputed David Gareji Monastery Complex as "Garejoba" Holiday Marked," Agenda.ge, June 4, 2020, accessed August 27, 2020, <https://agenda.ge/en/news/2020/1754>.
- 6 Giorgi Lomsadze, "Georgia, Azerbaijan Feud over Border Monastery," EurasiaNet, May 2, 2019, accessed August 27, 2020, <https://eurasianet.org/georgia-azerbaijan-feud-over-border-monastery>.
- 7 Rahim Rahimov, "Georgian - Azerbaijani Monastery Dispute and the Intersection of Local, National and International Drivers of Conflict," The Jamestown Foundation, July 30, 2019, accessed August 27, 2020, <https://jamestown.org/program/georgian-azerbaijani-monastery-dispute-and-the-intersection-of-local-national-and-international-drivers-of-conflict>.

The Republic of Turkey

Turkey is obviously one of Georgia's most important strategic partners as a result of both economic and political factors. The latest data shows that Tbilisi is highly dependent on Ankara for its imports.¹ Additionally, many Turkish businesses have representative offices in Georgia's leading tourist destination (Adjara). And, of course, Turkey is the only NATO member state that borders Georgia, which makes the country militarily and geopolitically important. At the same time, due to its North-Atlantic affiliation, Turkey is mainly considered by the Georgian political elites in the framework of "Europeanness" and the generalized East-West and NATO – Russia confrontation. And, as usual, important issues lie beyond economic cooperation that are being overshadowed or even ignored.

Paradoxically, the massive financial investments that the Turkish side pumps into the Georgian economy are troublesome for Georgian's given President R. Erdogan seemingly longing for the greatness and heritage of the Ottoman past.² The Autonomous Republic of Adjara, which the Russian Empire tore from the hands of the Ottoman Empire in 1878, has a strong historical memory with regard to the Turkish presence and its implications, including Islamization. Thus, since M. Saakashvili opened the region to the Turkish business and money (because Turkey is a NATO member state), an increasing number of residents of Adjara is concerned about the growing economic and political influence of Ankara. There are no precise numbers on how much Turkey has actually invested in Adjara, but, unofficially, it is believed to represent at least 80 per cent of the total foreign investment in the autonomous republic.

The situation is worsened by Ankara's active involvement in religious affairs in the region, in particular, lobbying for the building of a new mosque in Batumi. This move has been heavily criticized by the city's Christian residents, who regard it as an attempt to strengthen the positions of Islam once again.³ Local Orthodox Christian priests have been particularly vocal in their opposition, as they are busy pursuing proselytist approach in the mountainous part of Adjara, which is home to the largest Muslim community in the region. Specifically, they try to persuade young residents to convert to Orthodox Christianity and abandon Islam, which, as the narrative goes, was forced upon them by the Ottoman Empire's Islamization policy. On the whole, Georgia's central government is concerned about Ankara's involvement in the everyday lives of the country's Muslim community and is even trying to counter it.⁴

At the same time, Turkey is clearly intervening more and more in Georgia's domestic affairs, which is certainly cause for concern. In particular, following the failed coup attempt in Turkey in January 2016, a number of educational institutions in Georgia that had ties with prominent Turkish politician and Muslim cleric F. Gülen, who is based

1 "External Trade Tendencies of Georgia 2013 – 2019," National Statistics Office of Georgia, July 15, 2019, accessed August 23, 2020, <https://www.geostat.ge/en/single-categories/99/external-trade-tendencies-of-georgia>; "Foreign Direct Investment," National Statistics Office of Georgia, accessed May 25, 2020. <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/191/foreign-direct-investments>.

2 Constantinos Papalucas, "Turkey's Erdogan: The Neo-Ottoman," The Washington Post, July 2, 2019, accessed August 23, 2020, <https://www.washingtonpost.com/news/2019/jul/2/turkeys-erdogan-the-neo-ottoman/>.

3 Joshua Kucera, "Georgians Wary of Turkey's Rising Influence in Batumi," EurasiaNet, March 9, 2017, accessed August 23, 2020, <https://eurasianet.org/georgians-wary-of-turkeys-rising-influence-in-batumi>.

4 Sikhharulidze et al. 2016.

in the United States, were closed down.¹ In 2017, a call from Ankara was enough to get the Head of the private Demirel College (PDC) Mustafa Emre Çabuk while the school was shut down.² This led to a massive outcry from human rights organizations and European politicians alike, who called for the ruling party to put a halt to its politically motivated persecution.³ Moreover, it was pointed out to Georgia that it pursues a pro-Western foreign policy and it should thus comply with European standards. Another “Chaghlar” educational institution was shut down as recently as May 2020.⁴

As with Armenia and Azerbaijan, the Georgian political elites don't pay attention to these challenges, emphasizing the importance of Georgia – Turkey relations in the context of the latter's NATO membership and with due account of regional security. Hence, all the significant issues that Tbilisi has with regard to the “honeymoon” that Turkey and Russia are currently enjoying, as well as Ankara's economic expansion in Adjara and its intervention in Georgia's domestic affairs, remain unresolved.⁵

The People's Republic of China

The most out-of-character behaviour has probably been witnessed in Georgia's relations with China. Although Chinese civilization is markedly different from that of Georgia and is built upon a Communist social order, which the Georgian political elites were keen to avoid, the two countries nevertheless were able to sign a free-trade agreement (FTA).⁶ It would seem that the Georgian government hoped to attract more Chinese investments into the country and wanted to be a key partner in Beijing's grand economic and geopolitical project, the Belt and Road Initiative (BRI).⁷ According to trade statistics, imports and exports have increased significantly since 2014, peaking in 2019. And, as is always the case, the South Caucasian state has a tremendous disbalance, making it increasingly dependent on imports.⁸ What is more, former Chief Specialist of Trade Negotiations at the Ministry of Economy and Sustainable Development of Georgia Revaz Topuria argues that economic relations between Georgia and China are experiencing a sudden slowdown.⁹ The FTA did not live up to the lofty expectations of the Georgian side, while China is in no hurry to increase

- 1 Suzan Fraser, “Biden Calls on Turkey to be Patient in Gulen Case,” U.S. News, August 24, 2016, accessed August 28, 2020, <https://www.usnews.com/news/world/articles/2016-08-24/turkey-to-repeat-gulen-extradition-demand-during-us-vp-visit>.
- 2 “Turkey's Post-Coup Crackdown Hits ‘Gulen Schools’ Worldwide,” BBC, September 23, 2016, accessed August 28, 2020, <https://www.bbc.com/news/world-europe-37422822>.
- 3 “Georgia Should Not Transfer Mustafa Emre Cabuk to Turkey,” Georgian Young Lawyers' Association, May 28, 2017, accessed August 28, 2020, <https://www.gyla.ge/index.php/en/post/saqartvelom-mustafa-emre-chabuqi-turqets-ar-unda-gadascas>; “We Call upon the President of Georgia to Grant Mustafa Emre Çabuk Georgian Citizenship,” Transparency International Georgia, January 26, 2018, accessed August 28, 2020, <https://www.transparency.ge/en/post/we-call-upon-president-georgia-grant-mustafa-emre-cabuk-georgian-citizenship>.
- 4 “გვაძაბია, მ., საქართველოში “ჩაღლარის” ქსელის კიდევ ერთი სკოლა დახურეს (Gvazdabia, M. Yet Another ‘Chaghlar’ Educational Network School Has Been Closed),” NetGazeti, June 4, 2020, accessed August 28, 2020, <https://netgazeti.ge/news/457687/>.
- 5 Peter Suci, “More S-400s? Is Turkey Moving Closer to Russia Again?” The National Interest, June 3, 2020, accessed August 28, 2020, <https://nationalinterest.org/blog/buzz/more-s-400s-turkey-moving-closer-russia-again-160176>.
- 6 Irina Lopatina, “Georgia: Georgia Signs Free Trade Agreement with China,” ITR, January 30, 2018, accessed August 28, 2020, <https://www.internationaltaxreview.com/article/b1f7n3d4sy1h2f/georgia-georgia-signs-free-trade-agreement-with-china>; Kenneth Rapoza, “Why Does Everyone Suddenly Want a Free Trade Deal With Georgia?” Forbes, March 5, 2020, accessed August 28, 2020, <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2020/03/05/why-does-everyone-suddenly-want-a-free-trade-deal-with-georgia/#326cff0150e6>.
- 7 Lily Kuo, and Niko Kommenda, “What is China's Belt and Road Initiative?” The Guardian, July 30, 2018, accessed August 28, 2020, <https://www.theguardian.com/cities/ng-interactive/2018/jul/30/what-china-belt-road-initiative-silk-road-explainer>.
- 8 “External Trade Tendencies of Georgia 2013 – 2019,” National Statistics Office of Georgia, July 15, 2019, accessed August 28, 2020, <https://www.geostat.ge/en/single-categories/99/external-trade-tendencies-of-georgia>.
- 9 Revaz Topuria, “Georgia Can Still Be a Hub for China, But Only if the Belt and Road Survives,” The Diplomat, August 27, 2019, accessed August 28, 2020, <https://thediplomat.com/2019/08/georgia-can-still-be-a-hub-for-china-but-only-if-the-belt-and-road-survives/>.

its direct foreign investments, financing big infrastructural projects and thus, creating jobs. As a result, there is growing scepticism about whether cooperation between Tbilisi and Beijing will continue to benefit both sides, and, whether Georgia can play an important role in the BRI.

Meanwhile, the biggest blow to economic relations between Georgia and China was dealt with by Washington, Tbilisi's number one strategic partner. During an official visit of the Prime Minister of Georgia M. Bakhtadze to Washington, US Secretary of State M. Pompeo made a public statement with regard to the Anaklia Deep Sea Port project, arguing that it will "enhance Georgia's relationship with free economies and prevent Georgia from falling prey to Russian or Chinese economic influence. Those pretend friends do not have Georgia's best interests at heart".¹ The project, which is seen as crucial for Georgia's economic prosperity, has attracted investments from Chinese companies, and Tbilisi had hoped to build the port as part of Georgia – China economic cooperation.² Obviously, the "Russian hand" was not even considered, but Pompeo's speech has reminded Tbilisi that geopolitics lurks behind every grand economic project. And, as E. Avdaliani has noted, Washington made the issue of the port geopolitical, meaning that the United States will not welcome an increased role for Moscow and Beijing on Georgian soil.³ This, in turn, has postponed the successful completion of Anaklia Port, as Western companies are unwilling to invest heavily in an unstable region, especially in a country with separatist movements and phantom menace in the form of Russia.

Conclusion

Georgia's foreign policy is mainly focused on Western integration in its civilization choice to become a member of the European family. There is a firm belief among the Georgian political elites that only comprehensive integration will finalize the state's long-standing aspirations to be sovereign and independent from Russia's imperial intentions. This strife significantly affects foreign policy, as well as strategy and planning, making Georgia fully focused on the West, without attention to the "near abroad" and those states that are not in the framework of the "Europeanness". In particular, the term of "Europeanness" is introduced by Georgian scholars with the argument that the Georgian political elites are carriers of European identity and ideas, and the European future is an inherent part of elites' self-identity.

Additionally, Tbilisi's aspirations to pursue a pro-Western policy is legitimized by social order preferences, meaning that Georgian society would like to live in a Western-style liberal democracy. The European identity in combination with liberal democracy forces political elites to perceive Russia as the "other" and something "alien." With the concept of "Europeanness," this paper argues that the Georgian political

1 Emil Avdaliani, "The US Wants Chinese, Russians Kept Out of Anaklia," Georgia Today, June 13, 2019, accessed August 28, 2020, <http://georgiatoday.ge/news/16008/The-US-Wants-Chinese%2C-Russians-Kept-Out-of-Anaklia>.

2 "Large Chinese Company Interested in Anaklia Port Project," Agenda.ge., February 8, 2018, accessed August 28, 2020, <https://agenda.ge/en/news/2018/294>.

3 Emil Avdaliani, "Geopolitics Doomed Georgia's Anaklia Project, But Can Also Resurrect it," The Central Asia-Caucasus Analyst, March 9, 2020, accessed August 28, 2020, <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13609-geopolitics-doomed-georgias-anaklia-project-but-can-also-resurrect-it.html>.

elites have been radicalized due to both internal and external challenges, including the economic, geopolitical and military campaign against Tbilisi's North-Atlantic aspirations – Moscow's unwillingness to accept further NATO – EU enlargement. In the wake of what we may call "radical Europeanness," the state's foreign policy became even less proactive, structured and planned with regard to those states that are considered beyond the European framework.

Georgia's bilateral relations with its neighbouring states suffer the most. In particular, the Georgian political elites do not invest in foreign policy activities with Armenia, Azerbaijan and Turkey. This is reflected in the fact that Georgia trades actively with these countries, yet does not develop meaningful political and military cooperation. The concept of "radical Europeanness" can be summarized by the formula "we trade, but we do not talk about politics." As a result, we see an increasing financial flow with close to zero political debates and work on the ground. Hence, hidden bilateral challenges are slowly growing, popping-up out of the blue and pushing the Georgian political elites to undertake drastic measures in the short term, with no systemic approach being developed.

Recent events, such as the Velvet Revolution in Armenia, the Davit Gareja monastery complex dispute with Baku and increased concerns with regard to Ankara's geopolitical future, prove that Tbilisi needs to finally take care of the "near abroad," develop a proactive and well-thought-out foreign policy and build bilateral relations beyond trade and the European dream of its political elites. The attempt to use the "just trade no politics" formula failed in Georgia's relations with China in the context of strategic relationships with the US.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Васильева, Н.А., Бахтуридзе, З.З. Особенности вхождения постсоветских республик в систему международных отношений (на примере Грузии) // *Управленческое консультирование*. – 2015. – № 4. – С. 26–34. [Vasilyeva, Natalya, and Zeinab Bakhturidze. "Characteristics of Entering Former Soviet Republics into the System of International Relations Referencing Georgia as an Example." [Osobennosti vkhozheniya postsovetskikh respublik v sistemu mezhdunarodnykh otноshenii (na primere Gruzii)] *Administrative Consulting*, no. 4 (2015): 26–34.] [In Russian]
- Сихарулидзе, А. Россия как фактор внутренней политики Грузии // *Центральная Евразия*. –2019. – № 1. – С. 135–153. [Sikharulidze, Archil. "Russia as a Factor in Georgia's Domestic Policy." [Rossiya kak faktor vnutrennei politiki Gruzii] *Central Asia*, no. 1 (2019): 135–153.] [In Russian]
- Kakachia, Kornely, and Salome Minesashvili. "Identity Politics: Exploring Georgian Foreign Policy Behavior." *Journal of Eurasian Studies* 6, no. 2 (July 11, 2015): 171–180. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.04.002>.
- Kakachia, Kornely, Salome Minesashvili, and Levan Kakhishvili. "Change and Continuity in the Foreign Policies of Small States: Elite Perceptions and Georgia's Foreign Policy Towards Russia." *Europe-Asia Studies* 70, no. 5 (May 28, 2018): 814–831. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1480751>.
- Kakachia, Kornely. "End of Russian Military Bases in Georgia: Social, Political and Security Implications of Withdrawal." *Central Asia and the Caucasus* 2, no. 50 (2008): 52–62.
- Livny, Eric, Mack Ott, and Karine Torosyan. "Impact of Russian Sanctions on the Georgian Economy." In *Georgia in Transition: Experiences and Perspectives*, edited by Lorenz King, 175–193. Frankfurt am Main: Lang, 2009.
- Manchkhashvili, Maia. "Georgian Turkologists." *Turkologiya*, no. 2 (2020): 115–119. <http://turkologiya.org/saylar/2020-2/8-Turkolji-merkezler.pdf>.
- Markedonov, Sergey M., and Maxim A. Suchkov. "Russia and the United States in the Caucasus: Cooperation and Competition." *Caucasus Survey* 8, no. 2 (May 3, 2020): 179–95. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1732101>.
- Minesashvili, Salome. "Narrating Identity: Belongingness and Alterity in Georgia's Foreign Policy." In *Values and Identity as Sources of Foreign Policy in Armenia and Georgia*, edited by Kornely Kakachia, Alexander Markarov, 11–34. Tbilisi: Publishing House "Universal," 2016.
- Mitchell, Lincoln. *Uncertain Democracy: U.S. Foreign Policy and Georgia's Rose Revolution*. Philadelphia, USA: University of Pennsylvania Press, 2009.
- Newnam, Randall. "Oil, Carrots, and Sticks: Russia's Energy Resources as a Foreign Policy Tool." *Journal of Eurasian Studies* 2, no. 2 (July 9, 2011): 134–143. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.03.004>.
- Shiriyev, Zaur, and Kornely Kakachia. *Azerbaijan – Georgian Relations. The Foundations and Challenges of the Strategic Alliance*. Baku, Azerbaijan: Center for Strategic Studies, 2015.
- Sikharulidze, Archil, Maia Urushadze, Gela Khmaladze, and Rauf Chichinadze. *Islam in Georgia: Policy and Integration. Research Report*. Tbilisi, Georgia: The Centre for Cultural Relations – Caucasian House, 2016. <http://caucasianhouse.ge/wp-content/uploads/2017/04/Islam-in-Georgia-ENG.pdf>.
- Trenin, Dmitri. "Russia in the Caucasus: Reversing the Tide." *The Brown Journal of World Affairs*, no. 2 (Spring/Summer 2009): 143–155. <https://doi.org/10.2307/24590848>.
- Zviadadze, Sophie, and Davit Jishkariani. *Identity Issues among Azerbaijani Population of Kvemo Kartli and Its Political and Social Dimensions. Research Report*. Tbilisi, Georgia: The Human Rights Education and Monitoring Center (EMC), December 19, 2018. https://emc.org.ge/uploads/products/pdf/Qvemo-Qartli_merged-eng_1547217506.pdf.

Author(s)

Archil T. Sikharulidze,

PhD candidate in Social Sciences (GIPA),

Lecturer at Ivane Javakishvili Tbilisi State University,

8, I. Chavchavadze Ave., TSU Building IV, P.O. 0179, Tbilisi, Georgia.

e-mail: archil.sikharulidze@tsu.ge

Additional Information

Received: June 7, 2020. Accepted: September 2, 2020.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

For citation

Sikharulidze, Archil T. "Georgia Beyond "Radical Europeanness":

Undiscovered Directions of Foreign Policy."

Journal of International Analytics 11, no. 2 (2020): 91–108.<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-91-108>

Грузия за пределами «радикальной европеизации»: нераскрытые направления внешней политики

АННОТАЦИЯ

Поворот Грузии на Запад существенно повлиял на ее внешнюю политику. Автор разделяет мнение грузинских исследователей в том, что сохраняющаяся приверженность страны западному вектору является прямым следствием взглядов политических элит (конструктивистская теория), их европейской самоидентификации в сочетании со стремлением к либеральной демократии западного образца в качестве социального порядка (либеральная теория).

Политические элиты Грузии движимы концепцией «европеизации» и, таким образом, ориентированы в первую очередь на интеграцию государства в «Западный мир», способствуя европейской и североатлантической интеграции. Грузинские элиты считают, что институциональное воссоединение с «европейской семьей» под оборонным щитом НАТО не только поможет сдерживать Москву, но и окончательно положит конец попыткам Москвы поставить это постсоветское государство под свой контроль. Более того, из-за напряженности между Западом и Российской Федерацией, стремление Кремля остановить то, что он воспринимает как геополитическую экспансию Запада на восток, сделали подход Грузии еще более радикальным.

В статье утверждается, что концепция «европеизации» трансформировалась в «радикальную европеизацию», в рамках которой политические элиты поддерживают экономическое сотрудничество с незападными странами без активной внешней политики даже в отношении таких стратегических партнеров, как Армения, Азербайджан и Турция. Несмотря на то что Тбилиси поддерживает торговые отношения с этими странами, существующий уровень политического и военного сотрудничества между ними скрывает значительные двусторонние проблемы.

Кроме того, этот подход отражен в отношениях Грузии с Китаем, когда политические элиты страны настаивали на свободной торговле, не обращая внимания на политические и геополитические аспекты экономического сотрудничества. Таким образом, грузино – китайские отношения также являются частью исследовательского интереса в данной статье, поскольку режим свободной торговли между двумя странами подвергается серьезному изучению после того, как администрация Дональда Трампа ясно дала понять, что Вашингтон не будет приветствовать китайскую экономическую и геополитическую экспансию в Грузии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Грузия, «радикальная европеизация», идентичность, внешняя политика, элиты, социальный порядок

Сведения об авторе

Арчил Т. Сихарулидзе,

кандидат социологических наук, преподаватель Тбилисского государственного университета имени Ивана Джавахишвили, пр-т И. Чавчавадзе 8, Корпус IV, Р. О. 0179, Тбилиси, Грузия.

e-mail: archil.sikharulidze@tsu.ge

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 7 июня 2020. Принята к публикации: 2 сентября 2020.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Сихарулидзе, А.Т. Грузия за пределами «радикальной европеизации»: нераскрытые направления внешней политики // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (2). – С. 91–108.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-91-108>

Коронавирус и политика: запросы и ценности в эпоху пандемии

Даниил Алексеевич Пареньков

Кирилл Евгеньевич Петров

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-109-121>

АННОТАЦИЯ

В статье в рамках теории управления страхом смерти рассматриваются политические эффекты пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. В условиях приоритизации угрозы пандемии в глазах населения и растущих страхов за собственную жизнь и здоровье растет ситуативное осознание смертности. Политико-психологические эффекты в условиях экзистенциальных страхов проявляются в усилении консервативных ориентаций и поддержке статус-кво вне зависимости от изначальных установок.

Осознание смертности способствует поддержке существующих властных структур, действующих политических лидеров, усилению патриотических установок и неприятию внешних групп. В условиях пандемии наблюдаются эффект сплочения вокруг флага и рост рейтингов действующего политического руководства. Рост поддержки действующих лидеров служит подтверждением ориентации на поддержание статус-кво и консервативные установки.

В условиях пандемии на первый план выходят патриотическое чувство, спрос на порядок, рост недоверия к согражданам и отказ от свобод в пользу безопасности.

В условиях актуализированного осознания смертности усиливаются ориентации на поддержку определенных типов политического лидерства. Представляется, что в ближайшее время электорально успешными типажми лидеров станут: во-первых, политики, склонные к харизматическому управлению доверием своих сторонников с опорой на уверенную и бескомпромиссную ориентацию на собственное эго, чаще всего на основе ранее полученной широкой известности, а во-вторых, те политики, которые способны к выражению простой человеческой близости к обычным людям и ориентированы на создание и поддержание социальных отношений.

В критических условиях пандемии и невозможности в достаточной степени опереться на рациональную и непротиворечивую экспертизу отчетливо проявляются два востребованных способа лидерского поведения. Первый - харизматический, принятие решений на свой страх и риск, второй - лидерство избегания, во многом предлагающее просто переложить окончательное решение на других членов общества, вступая с ними в горизонтальный диалог, а не в вертикальные отношения власти и подчинения. Как правило, к такому стилю руководства склонны лидеры, ориентированные на создание максимального числа личных связей. В современной ситуации роль персональных качеств лидеров будет только возрастать, и как объектов установок и чаяний со стороны масс, и как субъектов политического процесса, принимающих судьбоносные для общества политические решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Теория управления страхом смерти, харизматическое лидерство, консервативный сдвиг

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 спровоцировала один из наиболее острых политических кризисов последнего времени. Опасения относительно возможности глобального распространения инфекционных заболеваний оказались подтверждены неутешительной статистикой. Коронавирус, по данным на 12 июня 2020 г. заразивший более семи с половиной миллионов человек и унесший более четырехсот тысяч жизней¹, стал не только крупнейшим вызовом для мирового здравоохранения со времен Испанского гриппа, но и значимым фактором развития общественно-политических настроений. Социальные, экономические и политические последствия пандемии еще только предстоит оценить. Однако уже сейчас происходит переформатирование иерархии угроз и рост страхов, ассоциируемых с распространением инфекции и ее краткосрочными и долгосрочными социально-экономическими последствиями.

Политические аспекты страха давно находятся в фокусе академических исследований. Значительная часть работ акцентирует внимание на политтехнологической стороне вопроса – влиянии страха на формирование политической повестки дня и манипулировании общественным мнением². Отдельные авторы также указывают на использование страха в качестве важного источника роста поддержки популистских партий и движений³. При таком взгляде страх воспринимается как ресурс для реализации политической власти и влияния, инструмент поддержания легитимности или электоральная технология.

Более того, можно с известной степенью уверенности утверждать, что игра на страхах и культивировании образа врага постоянно и целенаправленно используется во время предвыборных кампаний в западных демократиях всеми политическими силами, будь то центристы или популистские проекты. В настоящее время классические образы врагов – мигрант, отнимающий рабочие места, и богач, получающий непропорциональную своему вкладу в общественное развитие выгоду. В меньшей степени сфокусированный образ врага используют верящие в лучшие качества человека и в моральную солидарность классические либералы, однако им и тяжелее одерживать убедительные победы на всеобщих выборах.

Подобная внешняя по отношению к человеку сторона страха, безусловно, важна. Вместе с тем не меньшее значение имеют и политико-психологические аспекты страха, генерирующие со стороны индивида специфические общественно-политические запросы и трансформирующие иерархию ценностей. Политико-психологическое измерение приобретает особое значение при рассмотрении экзистенциальных страхов, связанных с витальными угрозами, провоцирующими опасения за собственную жизнь. Именно такого рода страхи продуцирует распространение коронавирусной инфекции COVID-19. По мере роста числа заболевших по всему миру растет восприятие пандемии как существенной угрозы.

Согласно исследованию Института Гэллапа в 28 странах в марте 67% респондентов испытывали страх заразиться новой коронавирусной инфекцией⁴. Среди

1 "COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE)," Johns Hopkins University, accessed September 14, 2020, <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>.

2 Furedi 2008.

3 Wodak 2015.

4 "Snap poll on Cov19 in 28 Countries," Gallup International Association, March 2020, accessed September 14, 2020, https://www.gallup-international.com/wp-content/uploads/2020/03/GIA_SnapPoll_2020_COVID_Tables_final.pdf.

стран, наиболее пострадавших от COVID-19, страхи ожидаемо еще выше. В Италии боятся заразиться 90% респондентов, в Великобритании – 78%, во Франции – 76%¹. В США в марте этот показатель составлял 52%², но на фоне ухудшения ситуации уже к апрелю достиг 77%³. Более того, по данным *Pew Research Center*, в апреле граждане США называли распространение инфекционных заболеваний главной международной угрозой⁴. Третья волна опросов Института Гэллопа о COVID-19 показала, что высокий уровень опасений сохранялся и в июне. В США, Великобритании и Италии, на которые пришлось 40% всех смертей, страх заразиться коронавирусом оставался на отметке в 71%, 70% и 79% соответственно⁵. Тренд на пиритизацию угрозы инфекционных заболеваний подтверждается и исследованием *Ipsos Group*, согласно которому в среднем по миру 61% респондентов называют коронавирус главной глобальной угрозой⁶. И в России число граждан, которые принимают эпидемию всерьез, оказалось весомым. Так, интернет-опрос НИУ ВШЭ, произведенный методом поточной выборки в пять этапов с 18 марта по 26 мая с общей выборкой более 30 тыс. человек, показал, что среди группы респондентов, верящей в эпидемию (чуть больше 67% от всех ответов), уровень опасности лично и для семьи составил весомые 6,39 баллов из 10 возможных⁷. Наверное, впервые со времени пандемии Испанского гриппа угроза собственному здоровью становится источником страхов для такого значительного числа людей по всему миру. По мере роста числа заболевших и умерших, опасения за жизнь только возрастают, что неизбежно отражается и на политических взглядах.

Можно предположить, что в условиях текущей пандемии произойдет пересмотр индивидуального восприятия угрозы инфекционных заболеваний в сторону секьюритизации и согласия с использованием со стороны государства более жестких ограничений и силовых механизмов ради достижения общего блага. Массовое отношение к эпидемиям будет сближаться с логикой политического руководства. Политические элиты начиная с конца 1990-х гг. рассматривают эпидемии в контексте угроз безопасности, что предполагает возможность исключительных и экстраординарных мер и «ответов»⁸.

С политико-психологической точки зрения, эффект страха усиливается двойственностью положения каждого конкретного человека, одновременно подвещающегося и объективации, и субъективации. С одной стороны, индивид и

1 “Snap poll on Cov19 in 28 Countries,” Gallup International Association, March 2020, accessed September 14, 2020, https://www.gallup-international.com/wp-content/uploads/2020/03/GIA_SnapPoll_2020_COVID_Tables_final.pdf.

2 Там же.

3 “Second Wave of Global Polling. Around the Globe: Worries about the Disease and Poverty,” Gallup International Association, 2020, accessed September 14, 2020, <https://www.gallup-international.bg/en/43197/second-wave-of-global-polling-around-the-globe-worries-about-the-disease-and-poverty-support-for-the-authorities-same-in-bulgaria-with-some-important-specifics/>.

4 Jacob Poushter, and Moira Fagan, “Americans See Spread of Disease as Top International Threat, Along With Terrorism, Nuclear Weapons, Cyberattacks,” Pew Research Center, April 13, 2020, accessed September 14, 2020, <https://www.pewresearch.org/global/2020/04/13/americans-see-spread-of-disease-as-top-international-threat-along-with-terrorism-nuclear-weapons-cyberattacks/>.

5 “The Opinion across the Globe is Equally Divided on Whether Life Will Return to Normal in 2021 or Not,” Gallup International Association, 2020, accessed September 14, 2020, https://www.gallup-international.com/wp-content/uploads/2020/08/Summary_Covid19wave3.pdf.

6 “Coronavirus dominates global worries,” Ipsos, April 29, 2020, accessed September 14, 2020, <https://www.ipsos.com/en/coronavirus-dominates-global-worries>.

7 Артамонов, Р.Е., Лаврентьев, Н.В. Опрос общественного мнения населения РФ. Изменения, вызванные эпидемией коронавируса и режимом самоизоляции. Пятая волна // ВШЭ. 26 мая 2020. [Электронный ресурс]. https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf. (дата обращения: 14.09.2020).

8 Kamradt-Scott, McInnes 2012.

общество в целом выступают субъектами, в чьих интересах реализуется комплекс мер по противодействию вирусной инфекции. С другой стороны, они в то же время источник угрозы и объект регулирования. Граждане призываются к ограничениям и действиям ради достижения индивидуальной и общественной выгоды и одновременно рассматриваются как потенциальные переносчики заразы¹.

Теория управления страхом смерти

В рамках социальной психологии один из наиболее заметных подходов к интерпретации эффектов (в том числе и политических) столкновения с экзистенциальными угрозами и актуализации осознания собственной смертности представлен Теорией управления страхом смерти (англ. *Terror Management Theory* – *TMT*). Это направление сформировалось на стыке социальной антропологии Э. Беккера и экспериментальной социальной психологии. Предложенная Беккером в рамках развития идей З. Фрейда, О. Ранка, С. Кьеркегора и других видных исследователей концепция предполагала наличие базового парадокса человеческой природы: неотвратимость смерти при бесконечной тяге к жизни. Присущие человеку когнитивные способности и ориентированное на будущее мышление одновременно обеспечивают явные адаптивные преимущества и в то же время определяют осознание конечности индивидуального существования и неизбежности смерти. Э. Беккер утверждал, что для продуктивного функционирования человеку нужны эффективные инструменты подавления вечного страха смерти. Беккер предположил, что одним из центральных способов решения проблемы смерти становится культура. Согласно Э. Беккеру, именно культурная картина мира дает человеку основания для веры в то, что его существование имеет смысл, значимость и бесконечность².

В конце 80-х гг. идеи Э. Беккера нашли продолжение в работах Ш. Соломона, Т. Пищински и Дж. Гринберга, заложивших основы Теории управления страхом смерти. Согласно *TMT* культурные картины мира формируют разделяемые большими социальными группами рамки восприятия жизни и реальности, которые формируют поле экзистенциальной защиты. Культурная картина мира обладает защитным потенциалом, так как воспринимается как постоянная и воспроизводящаяся с течением времени; придает жизни значение и смысл; устанавливает ценностные стандарты; предоставляет некоторую надежду на бессмертие³. В рамках рассматриваемой теории бессмертие подразделяется на буквальное (в форме религиозных интерпретаций) и символическое. Символическое бессмертие достигается за счет принадлежности к чему-либо более значимому и продолжительному, чем отдельно взятый человек. Достигая значимых результатов в границах разделяемой культурной картины мира и внося свой вклад в нечто большее, человек получает значимую надежду пережить собственную биологическую смерть, сохраняясь в памяти последующих поколений⁴.

1 Davis et al. 2016.

2 Becker 1997.

3 Harvell, Nisbett 2016, 3.

4 Routledge, Vass 2019, 2–3.

В каком-то смысле в символическом бессмертии можно также проследить религиозный подтекст. С той лишь разницей, что в формуле «я существую, пока меня мыслит бог» высшая сущность замещается коллективным воспоминанием своего биологического вида. В эмпирической плоскости за последние тридцать лет *TMT* накопила внушительный материал, опирающийся на результаты более пятисот экспериментов. Исследования в рамках Теории управления страхом смерти подтверждают гипотезу о защитных механизмах психологических структур культурной картины мира и их активации при обдумывании смертности.

Применительно к политической реальности наработки *TMT* проливают свет на трансформацию ценностей и запросов в условиях экзистенциальных страхов и сопутствующие эффекты в политической коммуникации. При этом дискуссия об изменениях в политических взглядах, как правило, разворачивается вокруг идеологических ориентиров электората. Для исследований в рамках Теории управления страхом смерти характерна группировка позиций вокруг консервативного и либерального полюсов идеологического спектра. Стоит отметить, что консервативные и либеральные ориентации предстают в психологических ориентациях (закрытость-открытость, терпимость-нетерпимость и т.п.). Вдобавок к этому они несут на себе явный отпечаток американской специфики (что обусловлено значительным объемом эмпирических данных именно из США), проявляющейся в двойственности культурных и экономических аспектов консерватизма¹, помноженной на стремление вписать идеологические различия в республиканско-демократический ландшафт.

Применительно к объяснению вектора ценностных трансформаций внутри *TMT* сосуществуют два подхода. В основе первого лежит гипотеза защиты политической картины мира (*the political worldview hypothesis*). Второй подход опирается на гипотезу консервативного сдвига (*the conservative shift hypothesis*)². Сторонники гипотезы защиты политической картины мира, продолжая классическую линию Ш. Соломона, Т. Пищински и Дж. Гринберга, постулируют усиление при осознании смертности опорных для культурной картины мира конкретного индивида установок, включая и политические ориентиры. Так, консерваторы будут проявлять большую нетерпимость к представителям других групп, а либералы, напротив, проявлять большее принятие альтернативных точек зрения³. Практические политические эффекты актуализации экзистенциальных угроз в таком случае проявляются в усилении идеологической поляризации и косвенном усилении консервативных сил вследствие их консолидации.

В рамках консервативного сдвига, как следует из названия, политико-психологические эффекты в условиях экзистенциальных страхов проявляются в усилении консервативных ориентаций и поддержке статус-кво вне зависимости от изначальных установок. Эмпирические исследования на этом направлении подтверждают, что осознание смертности способствует поддержке существующих властных структур, действующих политических лидеров, усилению патриотических установок и неприятию внешних групп. Стремление найти опору в существующей

1 Crowson 2009.

2 Harvell, Nisbett 2016, 28.

3 Anson et al. 2009.

картине мире проявляет в индивиде консервативные установки на порядок, иерархию и стабильность. Как результат, в условиях угрозы люди более склонны к поддержке политических сил из правого идеологического спектра¹.

Отдельный пласт исследований в рамках *TMT* затрагивает влияние экзистенциальных страхов на политическую коммуникацию. В первую очередь речь идет о специфических для ситуации осознания смертности ориентациях на поддержку конкретных типов политического лидерства. Теория управления страхом смерти во многом наследует беккеровский акцент на герою как архетипе потенциально-го человеческого величия. Для Э. Беккера герой выступает как олицетворение победы над страхом смерти. Герой – это символические идеал, квинтэссенция культурных ценностей, сконцентрированных в конкретной фигуре. Конструируемые в обществе представления о лидере – герою служат средством выражения общих ценностей, взглядов и традиций. Такая трактовка близка и постъюнгианским разработкам важности архетипов для функционирования общества.

В рамках подхода, изложенного в классической работе Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой»² и более современных, модернистских работах К. Пирсон³, отдельный человек зачастую стремится следовать уже созданным в мифах образцам, а легенды и нарративы – форма отражения реальности коллективным сознанием. Эти символические ориентиры, в т.ч. содержащиеся в неосознаваемых установках, определяют стандарты, даже частичное достижение которых позволяет индивидам достигать эмоциональной защищенности за счет самоуважения. Ситуации, провоцирующие осознание смертности, усиливают привязанность людей к их национальной общности и лидерам, олицетворяющим сильные стороны политической общности и вселяющим надежду перед лицом испытаний.

TMT утверждает, что в период экзистенциальных вызовов харизматические политические лидеры выступают опорой для психологической безопасности граждан. Классическим примером служит укрепление рейтингов Дж. У. Буша после террористических атак 11 сентября 2001 г. Тот же самый принцип продемонстрировал заметный рост рейтингов В.В. Путина и его блока «Единство» в 1999 – 2000 гг. после жесткой реакции на серию террористических актов в Москве⁴.

Характерно, что проведенные в рамках *TMT* эмпирические исследования показали, что поддержке Буша способствовало смещение электората в сторону более консервативных взглядов, причем этот процесс затронул и сторонников Демократической партии⁵. Этот эффект подтверждается и экспериментальным путем. В 2004 г. Ф. Коэн, Ш. Соломон, М. Максфилд, Т. Пищински и Дж. Гринберг провели исследование, показавшее, что при осознании угрозы смертности резко возрастает поддержка харизматических лидеров по сравнению с ориентированными на решение задач и выстраивание отношений типами. При этом использовалась типология политического лидерства Эрхарта и Кляйна, в рамках которой под ха-

1 Harvell, Nisbett 2016, 29–32.

2 Campbell 2008.

3 Pearson 1989; Pearson, Mark 2001.

4 Hale 2017.

5 Cohen et al. 2005.

ризматическим подразумевается лидер с высокими запросами к последователям и уверенный в их способностях; склонный к рискованному, но продуманному поведению; подчеркивающий значимость групповой идентичности¹.

Далее мы будем использовать именно это понимание харизмы, добавив к нему только один важный компонент, который хорошо, как нам представляется, описан в постъюнгианских образах лидеров. Если сформулировать кратко, то основа мироощущения или картины мира харизматика – это его собственное Эго. Харизматический лидер более других типов лидеров заинтересован в том, чтобы оставить свой след в истории. Он стремится к тому, чтобы занять особое место в мире, используя доступные возможности и инструменты. Заметим, что описанный выше взгляд на харизматика хорошо согласуется с изначальным веберинским идеальным типом харизматической легитимности.

Политические эффекты пандемии

Наиболее очевидный эффект пандемии – это сплочение вокруг флага и рост рейтингов действующих политических лидеров. Что особенно важно, улучшение позиций достиглось в первую очередь из-за изменения позиций электората из лагеря оппонентов. По данным Института Гэллапа рост одобрения Д. Трампа в марте достигался за счет изменения отношения демократов и независимых избирателей. К концу марта одобрение деятельности президента США среди сторонников демократической партии выросло на 6 пунктов – с 7 до 13%. Среди независимых избирателей рост еще заметнее – с 35 до 43%². На фоне непростой эпидемиологической обстановки и карантина в марте росла поддержка национальных лидеров и в Европе. В Великобритании Б. Джонсон достиг самых высоких показателей одобрения за всё время своего премьерства во многом за счет улучшения отношения со стороны противников Консервативной партии. Одобрение деятельности премьера среди лейбористов выросло с 11 до 24%, а среди сторонников партии Либеральных демократов с 18 до 38%³. Аналогичную динамику можно наблюдать и во Франции, где одобрение деятельности Э. Макрона взлетело на 13 пунктов до 51%. Причем наибольший прирост – на 20% – среди электората Социалистической партии⁴. Рекордная поддержка в марте оказалась и у итальянского правительства Д. Конте – 71%⁵.

Сам по себе эффект сплочения вокруг флага может носить краткосрочный характер. Так, не всем лидерам удалось сохранить такие же высокие уровни поддержки к началу осени. Д. Трамп и Б. Джонсон практически полностью растеряли набранные очки. Рейтинг действующего президента США, долгое время удерживавшийся на уровне 71%, к началу октября снизился до 51%.

1 Cohen et al. 2004.

2 Jeffrey M. Jones, "President Trump's Job Approval Rating Up to 49%," Gallup News, March 24, 2020, accessed September 15, 2020, <https://news.gallup.com/poll/298313/president-trump-job-approval-rating.aspx>.

3 Adam McDonnell, "Coronavirus reaction pushes PM's popularity into positive territory," YouGov, March 24, 2020, accessed September 15, 2020, <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2020/03/24/coronavirus-reaction-pushes-pms-popularity-positiv>.

4 "Baromètre de confiance politique LCI – Epoka – Mars 2020 (Political confidence barometer LCI – Epoka – March 2020)," Harris Interactive, March 20, 2020, accessed September 15, 2020, https://harris-interactive.fr/opinion_polls/barometre-de-confiance-politique-harris-interactive-epoka-pour-lci-analyse-de-jean-daniel-levy/.

5 Gianluca De Feo, "Sondaggio Demos: gradimento per Conte alle stelle (Demos survey: Conte approval ratings skyrocketed)," YouTrend, March 20, 2020, accessed September 15, 2020, <https://www.youtrend.it/2020/03/20/sondaggio-demos-gradimento-per-conte-alle-stelle/>.

живавшийся с некоторыми колебаниями на рекордной отметке в 49%, к концу августа вернулся к средним за все время президентства значениям в 40–42%¹. Среди сторонников Демократической партии одобрение Трампа и вовсе упало до 4%². Схожую динамику демонстрировали рейтинги и премьер-министра Великобритании. К сентябрю его показатели поддержки опустились до 39%³. Среди лейбористов положительные оценки его деятельности вернулись к прежним значениям в 9%⁴. Впрочем, среди сторонников партии Либеральных демократов Б. Джонсону удалось сохранить завоеванные позиции – в этой части электората одобрение премьера зафиксировалось на отметке в 23%⁵.

В то же время эффект сплочения может иметь долгосрочное положительное воздействие на восприятие действующей власти. Так, после террористической атаки 11 сентября 2001 г. одобрение деятельности Дж. Буша достигло исторического максимума в 90% и, несмотря на ожидаемый откат, сохранялось на высоком уровне до конца 2003 г.⁶ Пока в этот тренд вписываются, например, Э. Макрон и Д. Конте. К началу августа рейтинг президента Франции оставался на отметке в 50%, причем среди сторонников социалистической партии поддержка продолжала расти и достигла значения в 56%⁷. Рейтинг премьер-министра Италии, несмотря на корректировку, также остался на рекордных для него значениях в 56%⁸.

Рост поддержки действующих лидеров в разгар пандемии служит подтверждением ориентации на поддержание статус-кво и рассматриваемый в рамках *ТМТ* трактуется как элемент консервативного сдвига. В пользу усиления консервативных ориентаций говорят и другие данные. В условиях пандемии на первый план выходят не только патриотическое чувство и чувство единства со своим народом, но и спрос на порядок, рост недоверия к согражданам, и отказ от свобод в пользу безопасности. По мере разрастания кризиса и осознания значимости угрозы у граждан заметно меняются приоритеты в сторону ассоциируемых с консервативным взглядом на политику. По данным Института Гэллапа, в марте 2020 г. 75% респондентов были готовы пожертвовать частью своих прав ради защиты от пандемии, а в Италии на это были готовы и вовсе 93% граждан⁹. Эти показатели оставались высокими и в апреле. Причем если в Италии это число снизилось до 85%, то в США и России число респондентов, ставивших безопасность выше свобод, возросло с 45% до 68% и с 60% до 69% соответственно¹⁰. Характер-

1 "Presidential Approval Ratings – Donald Trump," Gallup News, accessed September 15, 2020, <https://news.gallup.com/poll/203198/presidential-approval-ratings-donald-trump.aspx>.

2 "Presidential Job Approval Center," Gallup News, accessed September 15, 2020, <https://news.gallup.com/interactives/185273/r.aspx>.

3 "Boris Johnson Approval Rating," Yougov, 2020, accessed September 15, 2020, <https://yougov.co.uk/topics/politics/trackers/boris-johnson-approval-rating>.

4 Там же.

5 Там же.

6 "Presidential Approval Ratings – George W. Bush," Gallup News, accessed September 15, 2020, <https://news.gallup.com/poll/116500/presidential-approval-ratings-george-bush.aspx>. <https://news.gallup.com/poll/116500/presidential-approval-ratings-george-bush.aspx>

7 "Baromètre de confiance politique LCI – Epoca – Août 2020 (Political confidence barometer LCI – Epoca – August 2020)," Harris Interactive, September 3, 2020, accessed September 15, 2020, https://harris-interactive.fr/opinion_polls/barometre-de-confiance-politique-lci-epoca-aout-2020/.

8 Simona Varrella, "Trust in Prime Minister Conte in Italy 2019-2020," Statista, August 2020, accessed September 15, 2020, <https://www.statista.com/statistics/977223/support-for-prime-minister-conte-in-italy/>.

9 "Snap poll on Cov19 in 28 Countries," Gallup International Association, March 2020, accessed September 15, 2020, https://www.gallup-international.com/wp-content/uploads/2020/03/GIA_SnapPoll_2020_COVID_Tables_final.pdf.

10 "Second Wave of Global Polling. Around the Globe: Worries about the Disease and Poverty. Support for the Authorities. Same in Bulgaria with some Important Specifics," Gallup International. Center for Public and Political Studies, April 21, 2020, accessed

ный для кризисных ситуаций запрос на порядок усиливается информационным обменом и усиливающими страхи гиперболизированными интерпретациями в СМИ и социальных медиа. Эффект усиливается недоверием к согражданам, среди которых далеко не все готовы исполнять жесткие карантинные предписания. Например, 87% британцев полагали, что их сограждане недостаточно серьезно относятся к пандемии, и при этом 60% сами нарушали режим самоизоляции¹.

На этом фоне наиболее уверенно чувствуют себя лидеры, вписывающиеся в логику актуальных кризисной ситуации запросов и политических ориентаций. Показателен кейс Д. Трампа, который в своей риторике с самого начала делал акцент на патриотической повестке. Достаточно вспомнить некоторые формулировки из его инаугурационной речи: «каждая нация имеет право ставить собственные интересы на первое место; в тех, кто открыл сердца патриотизму, нет места предрассудкам; мы больше не приемлем политиков, которые все время жалуются, но ничего не предпринимают»².

Представляется, что в ближайшее время электорально успешными типажми лидеров станут: во-первых, политики, склонные к харизматическому управлению доверием своих сторонников с опорой на уверенную и бескомпромиссную ориентацию на собственное эго, чаще всего на основе ранее полученной широкой известности («медийность»), а во-вторых, те политики, которые способны к выражению простой человеческой близости к обычным людям и ориентированы на создание и поддержание социальных отношений. И те и другие типы лидеров явно склонны к эмоциональности и демонстрации близости к чаяниям обычных людей, которая может быть описана структурно как популистская игра или же как проявление выученной или настоящей искренности. Наглядный пример соединения этих установок – подбор формулировок в выступлении премьер-министра Бельгии 5 апреля 2020 г.: «Наша сила воли подвергается испытаниям каждый день, так же, как и наша способность справляться с трудностями. Мы должны оставаться сильными. Я верю в нашу способность держаться вместе, демонстрировать солидарность в период испытаний. И мы можем проявлять эту способность каждый день, каждый на своем уровне»³.

В критических условиях пандемии и невозможности в достаточной степени опереться на рациональную и непротиворечивую экспертизу отчетливо проявляются два востребованных способа лидерского поведения. Первый – харизматический, принятие решений на свой страх и риск, второй – лидерство избегания, во многом предлагающее просто переложить окончательное решение на других членов общества, вступая с ними в горизонтальный диалог, а не в вертикальные отношения власти и подчинения. Как правило, к такому стилю руководства склонны лидеры, ориентированные на создание максимального

September 15, 2020, <https://www.gallup-international.bg/en/43197/second-wave-of-global-polling-around-the-globe-worries-about-the-disease-and-poverty-support-for-the-authorities-same-in-bulgaria-with-some-important-specifics/>.

1 Matthew Smith, "How is COVID-19 affecting British opinions, jobs and wellbeing?" YouGov, March 24, 2020, accessed September 15, 2020, <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2020/03/24/how-covid-19-affecting-british-opinions-jobs-and-w>.

2 "Remarks of President Donald J. Trump – as Prepared for Delivery. Inaugural Address," White House, January 20, 2017, accessed September 15, 2020, <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/>.

3 "Speech of the Prime Minister," Chancellery of the Prime Minister, April 5, 2020, accessed September 15, 2020, <https://www.premier.be/en/speech-prime-minister>.

числа личных связей. До определенной степени ставшая уже устойчивым образом «шведская модель» реакции на распространение коронавирусной инфекции опиралась именно на такой принцип и позволяла людям делать, «то, что они хотят». Данный тип лидерства обозначен как базовый внутри *FRLM*-концепции – *Full Range of Leadership Model*, в ней он описывается как наименее активный вид лидерства, позволяющий условным подчиненным делать то, что они сами считают нужным. Показательно, что основные линии критики шведской модели борьбы с коронавирусом развивались как раз вокруг постоянно возрастающего запроса общества на безопасность и альтернативных ответов со стороны харизматических лидеров.

Тенденция к росту востребованности лидеров харизматического типа наблюдалась и до пандемии, поэтому можно утверждать, что во время пандемии одновременно усиливались две тенденции. Тенденция первая – желание элит идти в фарватере требований общества и предлагать к покупке на политическом рынке образы харизматиков, желающих говорить напрямую с людьми без опосредования экспертными средами. Тенденция вторая – эффект катализации из-за пандемии и глобального распространения новостей о ней, порождавший описанные в рамках теории управления страхом особые эффекты¹. Обе эти тенденции дополнительно усилили друг друга и привели к достаточно серьезным, временным, но чрезвычайным ограничениям личных свобод граждан в обмен на условные гарантии безопасности со стороны объявивших вирусу войну харизматиков².

С однозначной трактовкой эффекта усиления ориентаций электората на традиционные ценности в сравнении с простым эффектом консолидации вокруг флага есть определенные сложности. Современный мир предлагает каждому человеку крайне много идентичностей и способов действий³, и даже сверкавшие ранее, как путеводные звезды, архетипы меркнут на фоне разнообразия идентичностей⁴. Аккуратное и даже критическое отношение к терминологии традиционности в современном мире является необходимостью. Обилие риторики политических лидеров, зовущих своих сторонников к традиционным ценностям и Золотому веку общества, не должно обманывать.

Чаще всего под традицией понимается просто некий прежний период, в котором идентичностей было гораздо меньше, а социальный и политический миры определялись пост-сословными, массовидными делениями общества, иерархизированными способами делегирования представителей масс во власть и т.д. Такая традиционная апелляция тесно переплетается с установками самого политического лидера, являясь чаще всего не институциональной программой, но дерационализированной мечтой, заветом. Ставший нарицательным предвыборный лозунг Д. Трампа образца 2016 г. «Вернем Америке былое величие» неслучайно обращен скорее в прошлое и парадоксальным образом указывает

1 См. первую часть настоящей статьи.

2 Наиболее ярко тема войны с вирусом проявилась в риторике французского президента Э. Макрона, и одновременно французские меры борьбы с пандемией в крупных городах оказались одними из наиболее жестких по отношению к правам граждан.

3 Lyotard 1984; Giddens 1990.

4 Campbell 2008.

на невозможность реверса традиции. Сама социальная ткань общества изменилась и прежние институты, хорошо сохранившиеся в памяти харизматических лидеров, просто не смогут в ней работать.

Повторимся, это не означает, что лозунг не работает, просто сама традиция, на которую следует опираться, становится настолько легко конструируемой, что неизбежно включает в себя те или иные субъективные установки лидера. В свете рассмотренных выше особенностей политического момента представляется, что в современной ситуации роль персональных качеств лидеров будет только возрастать, и как объектов (attitude) установок и чаяний со стороны масс, и как субъектов политического процесса, принимающих судьбоносные для общества решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Anson, Jacqueline M., Tom Pyszczynski, Sheldon Solomon, Jeff Greenberg. "Political Ideology in the 21st Century: A Terror Management Perspective on Maintenance and Change of the Status Quo". In *Series in Political Psychology. Social and Psychological Bases of Ideology and System Justification*, edited by John T. Jost, Aaron C. Kay, and Hulda Thorisdottir, 210–240. Oxford University Press, 2009. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195320916.003.009>.
- Becker, Ernest. *The Denial of Death*. New York: Simon and Schuster, 1997.
- Campbell, Joseph J. *The Hero with a Thousand Faces*. Third Edition. New World Library, 2008.
- Cohen, Florette, Daniel M. Ogiilvie, Sheldon Solomon, Jeff Greenberg, and Tom Pyszczynski. (2005), "American Roulette: The Effect of Reminders of Death on Support for George W. Bush in the 2004 Presidential Election." *Analyses of Social Issues and Public Policy* 5, no. 1 (November 2005): 177–187. <https://doi.org/10.1111/j.1530-2415.2005.00063.x>.
- Cohen, Florette, Sheldon Solomon, Molly Maxfield, Tom Pyszczynski, and Jeff Greenberg. "Fatal Attraction: The Effects of Mortality Salience on Evaluations of Charismatic, Task-Oriented, and Relationship-Oriented Leaders." *Psychological Science* 15, no. 12 (December 2004): 846–51. <https://doi.org/10.1111/j.0956-7976.2004.00765.x>.
- Crowson, H. Michael. "Are All Conservatives Alike? A Study of the Psychological Correlates of Cultural and Economic Conservatism." *The Journal of Psychology* 143, no. 5 (2009): 449–463. <https://doi.org/10.3200/JRL.143.5.449-463>.
- Davis, Mark, Paul Flowers, Davina Lohm, Emily Waller, Niamh Stephenson. "Immunity, Biopolitics and Pandemics: Public and Individual Responses to the Threat to Life." *Body & Society* 22, no. 4 (December 2016): 130–154. <https://doi.org/10.1177/1357034X14556155>.
- Furedi, Frank. "Fear and Security: A Vulnerability-Led Policy Response." *Social Policy & Administration* 42, no. 6 (October 2008): 645–661. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2008.00629.x>.
- Giddens, Anthony. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Hale, Henry E. "Russian Patronal Politics Beyond Putin." *Daedalus* 146, no. 2 (Spring 2017): 30–40. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00432.
- Harvell, Lindsey A., and Gwendelyn S. Nisbett, eds. *Denying Death. An Interdisciplinary Approach to Terror Management Theory*. New York: Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315641393>.
- Kamradt-Scott, Adam, and Colin McInnes. "The Securitisation of Pandemic Influenza: Framing, Security and Public Policy." *Global Public Health* 7, no. sup2 (October 2012): 95–110. <https://doi.org/10.1080/17441692.2012.725752>.
- Lyotard, Jean-François. *The Postmodern Condition: a Report on Knowledge*. Minnesota: University of Minnesota Press, 1984.
- Pearson, Carol S. *The Hero Within: Six Archetypes We Live By (expanded edition)*. New York: Harper, 1989.
- Pearson, C. and M. Mark. *The Hero and the Outlaw: Building Extraordinary Brands Through the Power of Archetypes*. New York: McGraw-Hill, 2001.
- Routledge, Clay, and Matthew Vess, eds. *Handbook of Terror Management Theory*. Academic Press, 2019. <https://doi.org/10.1016/C2016-0-02231-3>.
- Wodak, Ruth. *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*. London: SAGE, 2015. <http://dx.doi.org/10.4135/9781446270073>.

Сведения об авторах

Даниил Алексеевич Пареньков,
преподаватель кафедры политической теории,
научный сотрудник Центра исследований политических элит
ИМИ МГИМО МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского 76.
e-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru

Кирилл Евгеньевич Петров,
к.п.н., старший научный сотрудник Центра исследований политических элит
ИМИ МГИМО МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского 76.
e-mail: originalkir@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 10 июля 2020. Принята к публикации: 16 сентября 2020.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Пареньков, Д.А., Петров, К.Е. Коронавирус и политика: запросы и ценности в эпоху пандемии // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (2). – С. 109–121.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-109-121>

Coronavirus and Politics: Demands and Values in the Age of the Pandemic

ABSTRACT

The article discusses the political effects of the COVID-19 coronavirus pandemic in the framework of Terror Management Theory. Growing fears caused by the pandemic provoke mortality salience across the globe. Political and psychological effects of mortality salience are manifested in the strengthening of conservative orientations and support for status quo. Awareness of mortality provides support to power structures, incumbent political leaders, strengthening patriotic attitudes and rejection of external groups. The pandemic strengthens the effect of rallying around the flag and results in an increase in the ratings of ruling political leaders. The growing support for political leaders confirms the orientation towards maintaining the status quo and conservative attitudes. In a pandemic, patriotic feeling, the demand for order, the growth of distrust of fellow citizens, and the rejection of freedoms in favor of security come to the fore.

In the context of mortality salience orientation to support specific types of political leadership is intensifying. It seems that in the near future, electorally successful types of leaders will include two major types. Firstly, politicians inclined to charismatic control of the trust of their supporters based on a confident and uncompromising orientation to their own ego, most often on the basis of previously gained fame. Secondly, those politicians who are capable of expressing simple human closeness to ordinary people and are focused on creating and maintaining social ties with a constituency. Charismatic leadership is oriented towards personal decision-making at leader's own peril and risk. The second type is associated with horizontal dialogue with citizens, and creating the maximum number of personal connections. In the current situation, the role of personal qualities of leaders will only grow, both as objects of attitudes and aspirations on the part of the masses, and as subjects of the political process, making political decisions that are crucial for society.

KEYWORDS

Terror Management Theory, Charismatic Leadership, Conservative Shift

Author(s)

Daniil A. Parenkov,

Lecturer at the Department of Political Theory, Research Associate at the Center for Research of Political Elites IMI MGIMO MFA of Russia, 76 Vernadsky Ave, Moscow, 119454.

e-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru

Kirill E. Petrov,

Ph. D., Senior Researcher at the Center for Research on Political Elites, MGIMO University, MFA of Russia, 76 Vernadsky Ave, Moscow, 119454.

e-mail: originalkir@gmail.com

Additional Information

Received: July 10, 2020. Accepted: September 16, 2020.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

For citation

Parenkov, Daniil A., and Kirill E. Petrov. "Coronavirus and Politics: Demands and Values in the Age of the Pandemic."

Journal of International Analytics 11, no. 2 (2020): 109–121.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-109-121>

India's Rise from a Regional to a Global Power

Sanjaya Baru

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-122-134>

ABSTRACT

Most economic forecasts made after the trans-Atlantic financial crisis of 2008 – 2009 have suggested that by 2030 China and India will overtake the United States to become the world's largest and second-largest economies, respectively. This is why India is viewed as a global power, graduating from its regional role. The COVID-19 pandemic and the ongoing "Cold War" between the United States and China could present new challenges and open up new opportunities for India. While dealing with short-term economic and geopolitical challenges, India will continue to carve out its path in its relations with the world that is defined by its civilizational inheritance, its core national interests and its economic performance and capabilities.

This article discusses why, given India's focus on its economic development and growth, the country seeks a regional and global economic and security environment that would be conducive to attaining these objectives. The author suggests first, that as a rising power, India has remained committed to multilateralism in both the economic and security fields. It has adhered to the discipline of existing multilateral regimes, including in trade, finance and nuclear non-proliferation. India has also actively supported a global solution to the challenge of global warming and climate change. Second, that even as India pursues a policy of multi-alignment in a world marked by a multipolar balance of power, the viability of its policy will hinge upon how China responds to India's rise and its core national security concerns.

Finally, that as Big Power rivalries return and a new Cold War may be in the offing, India will have to reassess its options given its developmental aspirations. An assertive China seeking hegemonic dominance in Asia could reduce India's options and encourage it to build new alliances that are aimed at enhancing national security and ensuring a more balanced distribution of power.

KEYWORDS

India, Asia, civilizational state, Indian Ocean, geo-economics, non-alignment, multi-alignment, middle powers

Most forecasts made in the years preceding the global disruption caused by the COVID-19 pandemic have suggested that by 2030 India will emerge as the world's second largest economy behind China in terms of purchasing power parity. Such forecasts are based on assumptions about demographic trends, labour and capital productivity and human capital formation. In US dollar terms, India is expected to rank fifth behind China, the United States, the European Union and Japan, and second in PPP, ahead of the United States and behind China.¹ According to the London-based multinational bank Standard Chartered, India's nominal GDP using purchasing power parity exchange rates is projected to be \$46.3 trillion in 2030, compared to \$64.2 trillion for China and \$31 trillion for the United States (*Table 1*). By 2050, various forecasts suggest that India will be the second largest economy in US dollar terms as well.

Of course, all these forecasts pre-date the COVID-19 pandemic. No one knows for sure how individual countries and their economies will emerge from this crisis, nor can we accurately predict the level of economic disruption that will eventually be caused by the post-outbreak lockdown of economic activity. What we do know is that, while countries will be hit differently by the pandemic, national and global economic growth will certainly be affected, but India will remain a major global economy. How the Indian economy performs over the next decade, especially with respect to China, will shape its regional and global geopolitical and geo-economic role and power. While India's economic performance will necessarily define its regional and global role, the question arises as to what a more prosperous and capable India would mean for international relations and the global community. What kind of regional and global power would be a "New India", as defined by Prime Minister N. Modi?²

Table 1.

COUNTRY RANKING ON NOMINAL GDP TO 2030
РЕЙТИНГ СТРАН ПО НОМИНАЛЬНОМУ РАЗМЕРУ ВВП к 2030 г.

Country	\$ trillion PPP
China	64.2
India	46.3
United States	31
Indonesia	10.1
Turkey	9.1
Brazil	8.6
Egypt	8.2
Russia	7.9
Japan	7.2
Germany	6.9

Source: "Opportunity2030: The Standard Chartered SDG Investment Map," Standard Chartered, accessed January 16, 2020, <https://av.sc.com/corp-en/content/docs/Standard-Chartered-Opportunity-2030.pdf>.

Indian scholars have for decades viewed the country's imprint on world affairs not merely in terms of economic power and geopolitical reach, but equally in terms of its

1 Gros, Alcidi 2013.

2 The term "New India" has been used by Prime Minister Narendra Modi to distinguish his imprint on the country from that of his predecessors. While Modi has not clearly outlined what exactly he means by "New India," a large body of literature has been generated seeking to define the concept. See for example: Debroy et al. 2019.

civilizational and cultural influence and its role as a “Third World” democracy. India’s regional role is also defined by geography and history. Contemporary literature on India’s rise and its role in international affairs is influenced by each of these factors. This literature can be divided into two schools of thought: idealist and realist. The idealist view places an emphasis on India’s civilizational inheritance, its global cultural imprint and its experience as a plural, secular and liberal democracy. This view stresses India’s “soft power.” There is, however, a new strand to this variant that combines the focus on soft power with an emphasis on hard power. This is the Hindu nationalist view articulated by the Bharatiya Janata Party, which also emphasises India’s civilizational inheritance and cultural soft power but believes that the country should combine this with investment in “hard power” capabilities. The realist approach is divided into two strands – one that prioritises geopolitics, military power and balance of power politics; and another that regards economic capabilities and power as the foundations of national power. In this essay, we shall consider each of these approaches to the study of India’s national personality and global role.

A Civilizational State

Four of the world’s eight great religions originated in the Indian subcontinent – Hinduism, Buddhism, Jainism and Sikhism. Each of these religions has acquired a global footprint. Hinduism spread East into Asia both through trade and the expansion of southern Indian kingdoms of the Satavahanas and the Cholas. It has left a permanent mark in several Southeast Asian countries and reached as far as Vietnam and Japan. Buddhism has had a far greater global impact, engulfing all of Asia to the north, east and southeast of India. The spread of Sikhism and Jainism is more recent and associated with the overseas settlement of people of Indian origin in such far off places as the Caribbean islands, Canada, southern Europe, Australia and Southeast and Central Asia. Jainism has moved around the world mainly through the foreign settlement of people from Western India (Rajasthan and Gujarat).

The leadership of the Indian national movement was acutely aware of the cultural influence of India on the world. In his two influential books, *Glimpses of World History* (1934) and *The Discovery of India* (1946), Jawaharlal Nehru brought home to the people of India a nationalist account of the great cultural imprint that the country had left on the world. The Constitution of India opens with the line: “India, that is Bharat.” The idea of a distinct cultural, if not strictly civilizational, identity to the post-colonial Indian Republic is embedded in this formulation. The name Bharat has its roots in the Hindu religion. The Hindu nationalists draw attention to the fact that Vedic texts dating back 3000 – 4000 years describe the Indian subcontinent as “Jambudweepa Bharata Khande,” meaning the land that stretches from the Indus River to the West, the Himalayas to the North, and the Indian Ocean and the other seas surrounding it to the South, Southeast and Southwest, the home of the Vedic civilisation. Viewed as such, India has always thought of itself as a nation with an independent worldview and a global footprint.

Reassuring China of India’s independent worldview based on its civilizational inheritance, Prime Minister M. Singh told the Chinese Academy of Social Sciences in January 2008, “I look forward with optimism to the future and the role which India and China are destined to play in the transformation of Asia and the world [...]

History shows that our two civilisations flourished for centuries side by side, interacting and influencing each other.”¹ In calling on the past, Singh did not define India’s message to the world in religious or cultural terms. Rather, he believed that the inherent pluralism of Hindu society, Gandhi’s message of non-violence, and the ancient belief in *Vasudhaiva Kutumbakam* (“the world is one family”) were important civilizational values that contemporary Indian foreign policy should bring to the global table.

In September 2005, M. Singh told the United Nations general Assembly, “The ideals of the UN run parallel to our own civilizational ethos. This is the ancient Indian concept of *Vasudhaiva Kutumbakam*, that is, ‘the whole world is one family.’”² This view of India’s global role should not be dismissed as being purely idealistic, since it is grounded in the Indian *Realpolitik* of leveraging the power of ideas to project “soft power.” Mahatma Gandhi championed India’s struggle for freedom from British colonial rule, projecting it as not merely an Indian national movement, but rather as a global campaign for racial justice and a nonviolent approach to the resolution of conflicts. However, it is the idealism inherent to this worldview that India has used to good effect in asserting its leading role on a range of issues, including human rights and climate change.

Interestingly, Prime Minister N. Modi too invoked the principle of *Vasudhaiva Kutumbakam* in his first address to the United Nations General Assembly in September 2014, reiterating India’s commitment to multilateral institutions and to multilateralism in general when dealing with global opportunities such as trade and global challenges such as climate change.³ Modi’s emphasis has been on uniting the Indian diaspora around the world and raising the question in the minds of countries where people of Indian origin live whether the Bharatiya Janata Party views the global Hindu community as “one family,” in the same way that the Islamic idea of *ummah* means a global community of Muslims. Modi’s outreach to the Indian diaspora, facilitated by Hindu organisations in host countries, is an attempt to diplomatically leverage the diaspora’s influence in projecting Indian soft power.⁴

Just as President V. Putin has leveraged the Orthodox Church in his foreign policy outreach, Modi too has used global Hindu organisations to extend India’s diplomatic footprint. The Bharatiya Janata Party’s approach combines India’s cultural “soft power” with the “hard power” of Hindu majoritarianism. The Modi government’s recent decision to grant citizenship to refugees from Hindu communities in Muslim-majority neighbouring countries like Pakistan, Bangladesh, and Afghanistan lends a harder edge to the use of religious and cultural symbols in diplomacy.

- 1 “Speech by Prime Minister Dr. Manmohan Singh at the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing,” Ministry of External Affairs, Government of India, January 15, 2008, accessed May 19, 2020, <https://mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?1445/Speech+by+Prime+Minister+Dr+Manmohan+Singh+at+the+Chinese+Academy+of+Social+Sciences+Beijing>.
- 2 “Address by Dr. Manmohan Singh, Prime Minister of India at the High- Level Plenary meeting of the 60th session of the United Nations General Assembly on September 15, 2005,” Permanent Mission of India to the UN, accessed May 19, 2020, <https://www.pminewyork.gov.in/pdf/uploadpdf/79079lms57.pdf>; Tharoor 2012.
- 3 Narayan Lakshman, “Vasudhaiva Kutumbakam” is India’s Philosophy: Modi,” *The Hindu*, September 28, 2014, accessed May 19, 2020, <https://www.thehindu.com/news/national/vasudhaiva-kutumbakam-is-indias-philosophy-modi/article6453203.ece>.
- 4 See for example, Jhurani 2019, 475–482; Pant 2019, 457.

The Role of Geography and History

India's regional role is defined by geography. Given its location on the Indian Ocean and its susceptibility to monsoons, the country has traditionally been at the centre of maritime links across the entire wider Indian Ocean Region connecting West, South, Southeast and East Asia. Equally important are India's land links both to the West through West and Central Asia, and to the East through Southeast Asia. As historian F. Braudel famously observed, India lay at the crossroads of Asia, linking East and West through both land routes and, importantly, maritime links.¹ The Indian subcontinent has been integrated through regional trade flows within Asia for centuries. India also had strong maritime links with West Asia, East Africa and the entire Indian Ocean Region.² India's regional role is also defined by history. Lord Curzon, British Viceroy in Colonial India, defined India's regional role in strategic terms as early as in 1906 in an essay entitled "The Place of India in the Empire" in these words:³

The central position of India, its magnificent resources, its teeming multitude of men, its great trading harbours, its reserve of military strength, supplying an army always in a high state of efficiency and capable of being hurled at a moment's notice upon any given point either of Asia and Africa – all these are assets of precious values. On the west, India must exercise a predominant influence over the destinies of Persia and Afghanistan; on the north, it can veto any rival in Tibet; on the north-east and east, it can exert great pressure upon China, and it is one of the guardians of the autonomous existence of Siam. On the high seas it commands the routes to Australia and the China Sea.

The conflict with Pakistan has disrupted India's links with Central Asia. However, the India – Iran strategic relationship is now built on the premise that Iran will offer that link to India through the Chabahar Port. India has built strong economic and people-to-people links with West Asia, especially with the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC) member states. India has defence relations with Saudi Arabia and the United Arab Emirates. On the East, India is actively engaged in strategic cooperation with key members of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), including Singapore and Vietnam. India has been able to retain its influence in Bangladesh, Sri Lanka and the Maldives, despite pressure from China. All these regional relationships have historical roots and are increasingly defined by trade, people-to-people business ties and shared strategic perspectives. Geography has played a key role in defining India's strategic landscape, giving it a regional role long before it became one of the world's major economies.⁴ Geography and history have combined to define India's regional role.

1 Braudel 1984, 484; Braudel 1985.

2 Pannikar 1951; The literature on India's historical maritime links emphasises the strategic importance of the Indian Ocean Region. See, for example, Das Gupta 2001; Furber et al. 2004; Chaudhuri 1985; Sanyal 2016.

3 Akhilesh Pillalamarri, "Geography and Indian Strategy," *The Diplomat*, July 30, 2014, accessed May 19, 2020, <https://thediplomat.com/2014/07/geography-and-indian-strategy/>.

4 Sinha 2019, 465–474.

A sizeable amount of literature has since appeared that seeks to explore and define India's emerging role in regional and global politics given its growing economic clout. Although India was left behind somewhat during the Asian boom, it started to mimic the growth experience of East and Southeast Asia from the mid-1990s. Following the rise of Japan and the emergence of the four Asian Tigers of South Korea, Taiwan, Hong Kong and Singapore, China's surge established the Asia-Pacific as the new centre of global growth. India may have lagged behind, but its rise has encouraged geopolitical analysts to reinterpret the structure of power in the 21st century – instead of the “Chinese” century (following the European and North American centuries), analysts increasingly view the 21st century as the “Asian” century in which India plays an ever important role.¹

The Geo-Economics of India's Rise

The economic performance of nations has become a vital, indeed a defining, metric in shaping their role in global affairs. The notion that economic performance and might are the foundations of national power gained currency with the end of the Cold War. The implosion of the Soviet Union was a result of both the domestic political weaknesses of the Soviet state and the weakness of its economy. The accumulation of military power and nuclear capability was not adequate to sustain its global power. The recognition of this fact prompted historian S. Huntington to observe towards the end of the Cold War²:

In the coming years, the principal conflict of interests involving the United States and the major powers are likely to be over economic issues. US economic primacy is now being challenged by Japan and is likely to be challenged in the future by Europe. Economists are blind to the fact that economic activity is a source of power, as well as well-being. It is, indeed, probably the most important source of power and in a world in which military conflict between major states is unlikely economic power will be increasingly important in determining the primacy or subordination of states. In the realm of military competition, the instruments of power are missiles, planes, warships, bombs, tanks and divisions. In the realm of economic competition, the instruments of power are productive efficiency, market control, trade surplus, strong currency, foreign exchange reserves, ownership of foreign companies, factories and technology.

At the turn of the century, Indian strategic thinkers were influenced by such views regarding the end of the Cold War, as well as by the newly built data series which showed that pre-colonial India and China had for several centuries been the world's dominant economies. Cambridge historian A. Maddison's monumental millennial study of the world economy commissioned by the Paris-based Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD) showed that over the course

1 See for example, Basrur 2017; Cohen 2001; Khanna 2019; Schaffer et al. 2016.

2 Huntington 1993, 68–83

of more than one thousand years, China and India accounted for almost a quarter of the global income each, or more than half of the global income combined.¹ It was only after 1800 that their shares of the global income began to decline dramatically. India's struggle for freedom against its colonial oppressors, as well as its post-independence model of self-reliant, non-aligned development was informed by this awareness. Throughout the Cold War period, India, much like China, slowly but surely improved its economic performance, with growth rates surging after 1990. While China performed commendably, sustaining high rates of investment, saving and growth over a prolonged period, India's rise was more gradual.

The "Rising India" story was built on three simple numbers. From 1950 to 1980, the Indian economy grew by an average of 3.5 per cent per year, which was only marginally lower than China's growth during the same period (at closer to 4 per cent). Between 1980 and 2000, the Indian economy grew by an average of 5.5 per cent per year, compared to almost 10 per cent for China. And from 2000 to 2012, the Indian economy grew by approximately 7.5 per cent per year. Thus, while India was consistently behind China in terms of its economic growth, it too demonstrated that it was capable of growing at higher rates. India's rapid rise in the period 1995 – 2010 altered the geopolitical discourse around the country.²

With its improved economic performance, India was able to liberalise its trade and investment policy and integrate its economy into the new engines of growth in Asia. India's "Look East Policy" contributed to greater engagement with East and Southeast Asia. In South Asia, Pakistan's hostile approach towards India encouraged the latter to promote the regrouping of the region with the creation of the Bay of Bengal Initiative for Multi-Sectoral Technical and Economic Cooperation (BIMSTEC), an economic grouping made up of Bangladesh, Bhutan, the Maldives, Myanmar, Nepal, Sri Lanka and Thailand. Modi's policy has been to liberate India from Pakistan's attempts, with the support and encouragement of China, to keep India confined to South Asia. Through BIMSTEC and its relations within ASEAN, India has sought to redefine the surrounding region.

India has also strengthened economic ties with West Asian countries, including the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf. The country's "Look West Policy" has allowed it to expand trade and security relations with the GCC. In addition, India has defence partnerships with Saudi Arabia, the United Arab Emirates and Oman. It has maintained an independent foreign policy with respect to Iran, despite pressure from the United States. Over six million Indians live and work in West Asia, remitting around \$70 billion annually.

India has also become more active in the Indian Ocean Region.³ Modi's SAGAR ("Security and Growth for All in the Region") doctrine is aimed at revitalising community building in the Indian Ocean Region. The Indian Ocean Rim Association (IORA) has not been able to make an impact because it was both ahead of its time and too unwieldy with too many members. SAGAR has a more limited focus on the Indian Ocean Region and is aimed at strengthening India's relations with island nations including Singapore, Mauritius, the Maldives and the Seychelles, as well as with countries along the East African and Southeast Asian seaboard.

1 Maddison 2006.

2 For a detailed discussion on the geopolitical implications of India's economic performance, see Baru 2006.

3 Chaturvedy 2017.

It is important to note that each of these new “regional” groups has a strong economic dimension with geopolitical undertones. The aim is to ensure that China does not dominate India’s wider Asian neighbourhood. Hence, for these regional blocs to acquire relevance, the Indian economy has to continue to grow and be willing to integrate with them. How these regional groups will develop in the post-COVID world with the growing economic protectionism and disruption of world trade and transportation will be an important challenge for India.

Moving forward, the relative performance of the economies of the United States, the European Union, China, Russia, Japan and India will define India’s foreign policy options. If the West emerges from the COVID-19 pandemic weaker and China comes out stronger, then India will have to re-examine its strategic options. Rather than return to a bipolar balance of power system, India will seek a “third option” of strengthening relations with middle powers including Russia, Japan, Germany, France, the United Kingdom, Australia, and Indonesia. An increasingly assertive China will narrow India’s strategic options and may force it to build closer relations with the West. It remains to be seen how a rising China would accommodate a rising India. Both nations are seeking to regain their lost space in the global economy. China has been ahead of India in this respect. However, India will seek to accelerate its development, and its global partnerships will be determined by which countries are willing to accommodate, if not facilitate, India’s ascendance and which countries will seek to thwart its progress.

In addition to border issues with China and Pakistan, India’s core national interest will continue to be economic development for several decades to come. The country’s regional role and global aspirations will be defined by its national development objectives and capabilities. Indeed, India’s global engagement remains largely defined by its long-term economic interests – the need to access markets, capital, technology and resources. India will also remain actively engaged in all multilateral institutions, despite attempts by both the United States (WTO) and China (WHO) to disrupt and distort their functioning. India will once again assume membership of the UN Security Council and will seek to revitalise the UN system, pursuing its longstanding objective to acquire permanent membership.

While India has signed up to the Chinese initiative to create a regional financial institution, the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), it has chosen to stay outside the China-dominated regional free trade arrangement, the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), because it is concerned about the unfair trade practices being adopted by China and the unwillingness of some regional economies to include trade in services into the ambit of free trade within the organisation. India remains actively engaged in strengthening multilateral financial institutions, seeking a greater voice in them. There is a vocal debate within India among those who wish to pursue a more inward-oriented development model, raising tariffs and promoting the “buy Indian” policy; however, such economic nationalism will be balanced against India’s global economic needs and interests. While the Indian market is big and its growth (which is based on higher incomes and productivity) can sustain India’s rise, the country has a shortage of natural resources on a per capita basis and needs access to foreign capital and technology. These external dependencies will, understandably, influence India’s foreign relations and its global engagement.

From a Non-Aligned to a Multi-Aligned India

When it gained independence, Indian foreign policy was defined by its development objectives and its decision to stay outside the military alliances and the power blocs of the Cold War. As Jawaharlal Nehru famously told the Constituent Assembly in December 1947, "Talking about foreign policies, the House must remember that these are not just empty struggles on a chess board. Behind them lie all manner of things. Ultimately, foreign policy is the outcome of economic policy".¹

After the Cold War, India continued to pursue the policy of retaining its "strategic autonomy," even though its decision to integrate with the global economy strengthened its economic relations with the G7 economies. The decision of the G. Bush administration to recognise India as a nuclear power and acknowledge its need to access new technologies helped the country forge a closer strategic partnership with the United States. However, by working with Russia and China within the BRICS format and through membership in a range of other multilateral organisations, including the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), India continued to pursue an independent foreign policy. India's decision to expand its horizons in terms defence procurement reduced Russia's share in the country's defence imports (although it remains the largest supplier) and increased that of the United States, the European Union, Israel, and Japan.

The Cold War left India few options but to pursue a policy of non-alignment. While many Indian politicians viewed the foreign policy of non-alignment from an idealist prism, as if it were based on principles, the Polish economist M. Kalecki captured its realist essence when he compared the NAM (Non-Aligned Movement) countries to a "clever calf sucking two cows."² India's non-alignment was the pragmatic response of a newly independent nation seeking space for itself in the extant balance of power politics played by Big Powers. When the need for India to seek the support of one major power or the other arose, it did not hesitate to do so. Thus, when China attacked India in 1962, the latter reached out to the United States. When the United States and China came to the support of Pakistan during the crisis in East Pakistan, India entered into a security relationship with the Soviet Union. The strategic relationship between India and the Soviet Union was based on India's security needs, but it was equally defined by India's desire to be viewed as a trusted anti-colonial power by other decolonising nations, especially those in Africa.

After the end of the Cold War, India became more focused on its own economic development and moved closer to Western powers in search of markets, capital and technology. India has been a vocal supporter of the idea of multipolarity, recognising the growing role of other major powers in multilateral organisations. More recently, the Narendra Modi government has defined the Indian policy as one that seeks "multi-alignment," i.e. one that retains an independent foreign policy but building closer relations with all major powers. Minister of External Affairs S. Jaishankar perhaps described the policy of multi-alignment best:³

1 Baru 2006.

2 Kalecki 1972.

3 "External Affairs Minister's speech at the 4th Ramnath Goenka Lecture, 2019," Ministry of External Affairs, Government of India, November 2019, accessed May 19, 2020, <https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/32038/External+Affairs+Ministers+speech+at+the+4th+Ramnath+Goenka+Lecture+2019>.

If the landscape looks very different today, so do India's partners. The relevance of the US or China is far more than anytime earlier. The Russian relationship has defied odds by remaining incredibly steady. Japan has become an important factor in our calculations. The rediscovery of Europe is again underway, with France now a critical strategic partner. The Gulf has been bridged in an extraordinarily effective manner. ASEAN has grown closer, and Australia's relevance is more apparent. Africa is the focus of development assistance and opening of new Embassies. And as you would have noted from the recent UN General Assembly, our outreach extends from South America and the Caribbean to the South Pacific and Baltics. Closer home, there is an unprecedented investment in the neighbourhood whose consequences are becoming apparent. Put together, the scale and intensity of our global engagement would be difficult to recognize for someone dealing with it even a few years ago.

As a rising power, India has remained committed to multilateralism in both the economic and security fields. It has adhered to the discipline of existing multilateral regimes, including in trade, finance and nuclear non-proliferation. India has also actively supported a global solution to the challenge of global warming and climate change. Even as India pursues a policy of "multi-alignment" in a world marked by a multipolar balance of power, the viability of its policy will hinge upon how China responds to India's ascendance and its core national security concerns. As Big Power rivalries return and a new Cold War may be in the offing, India will have to re-assess its options given its own developmental aspirations.

If China persists with its assertive, almost aggressive approach and seeks to create hurdles to India's development and growth, India will have no option but to balance China's might by entering into partnerships with like-minded powers. While India and China have had differences with regard to the delineation of the border between the two countries, they have both until recently managed to maintain "peace and tranquillity" along their borders. However, China has been exerting pressure on India along the disputed border. In a series of military interventions, China attempted to redefine the hitherto accepted "Line of Actual Control." In June 2020, China claimed "sovereignty" over the Galwan Valley in the disputed Ladakh province. Chinese soldiers attacked and killed 20 Indian fighters and suffered an as yet unmentioned number of casualties. The newfound assertiveness and unilateralism on the part of China have created an environment of distrust in which India will be hard-pressed to remain neutral or non-aligned in the growing rivalry between the United States and China. India's decision to establish strategic relations with Japan and Australia (involving defence and economic cooperation) has to be seen as a response to China's assertiveness.

It remains to be seen how China will address India's concerns regarding its territorial integrity and the challenge posed by the huge trade deficit that China has imposed on India through non-transparent economic policies. In addition to seeking a balance to China, India will also wish to revitalise its relations with major developing countries, especially those that used to be active in the now dormant non-aligned movement, drawing in countries that do not wish to be forced into taking sides between

the United States and China. Second, India will strengthen relations with middle powers, especially Russia, the European Union, Japan, Australia, Indonesia and South Korea. If the US – China Cold War intensifies, India will seek to act as a bridging force that works with these “middle powers,” none of whom see any advantage in dragging the world into a new and very disruptive Cold War.

The post-COVID situation will, in any case, force countries to focus more on their national interests to ensure economic revival. However, for this reason, the global economy runs the risk of becoming trapped as major economies will be focused on their own recovery, which will disrupt global growth and challenge international security. India must develop an economic and foreign policy that is robust enough to deal with the consequences of such shifts. Acutely aware of the fact that it will take time before it can play a bigger role at the global level, India will keep all options open when forming meaningful and credible alliances with likeminded countries, while closely monitoring global developments in the post-COVID world.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Baru, Sanjaya. *Strategic Consequences of India's Economic Performance*. New Delhi: Academic Foundation, 2006.
- Basrur, Rajesh. *Rising India: Status and Power*. London: Routledge, 2017.
- Braudel, Fernand. *Civilization and Capitalism: 15th–18th Century: Volume II. The Wheels of Commerce*. London: Fontana Press, 1984.
- Braudel, Fernand. *Civilization and Capitalism: 15th–18th Century: Volume III. The Perspective of the World*. London: Fontana Press, 1985.
- Chaturvedy, Rajeev Ranjan. “The Indian Ocean Policy of the Modi Government.” In *Modi and the World: (Re) Constructing Indian Foreign Policy*, 163–84. Singapore: World Scientific, 2017. https://doi.org/10.1142/9789813203860_0008.
- Chaudhuri, K.N. *Trade and Civilisation in the Indian Ocean: An Economic History from the Rise of Islam to 1750*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. doi:10.1017/CBO9781107049918.
- Cohen, Stephen R. *India: Emerging Power*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2001.
- Das Gupta, Ashin. *The World of the Indian Ocean Merchant, 1500–1800*. New Delhi, New York: Oxford University Press, 2001.
- Debroy, Bibek, Anirban Ganguly, and Kishore Desai. *Making of New India: Transformation Under Modi Government*. New Delhi: Balaji World of Books, 2019.
- Furber, Holden, Arasaratnam, Sinnapah, and Kenneth McPherson. *Maritime India*. New Delhi: Oxford University Press, 2004.
- Gros, Daniel, and Cinzia Alcidi. *The Global Economy in 2030: Trends and Strategies for Europe* (November 2013). <https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/The%20Global%20Economy%20in%202030.pdf>.
- Huntington, Samuel P. “Why International Primacy Matters.” *International Security* 17, no. 4 (Spring 1993): 68 – 83. DOI: 10.2307/2539022.
- Jhurani, Diwakar. “Soft Power: The Rise of India Story.” In *Making of New India: Transformation Under Modi Government*, edited by Bibek Debroy et al., 475–482. New Delhi: Balaji World of Books, 2019.
- Kalecki, Michal. *Selected Essays on the Economic Growth of the Socialist and the Mixed Economy*. Cambridge University Press, 1972.
- Khanna, Parag. *The Future is Asian*. New York: Simon & Schuster, 2019.
- Maddison, Angus. *The World Economy*. Development Centre Studies. OECD, 2006. <https://doi.org/10.1787/9789264022621-en>.
- Pannikar, K.M. *India and the Indian Ocean: An Essay on the Influence of Sea Power on Indian History*. Second Revised Edition. London: Allen and Unwin, 1951.
- Pant, Harsh. “Indian Foreign Policy under Modi.” In *Making of New India: Transformation Under Modi Government*, edited by Bibek Debroy et al., 455–463. New Delhi: Balaji World of Books, 2019.
- Sanyal, Sanjeev. *The Ocean of Churn: How the Indian Ocean Shaped Human History*. New Delhi: Penguin Random House, 2016.
- Schaffer, Teresita C., and Howard B. Schaffer. *India at the Global High Table: The Quest for Regional Primacy and Strategic Autonomy*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016.
- Singh, Sinderpal. *Modi and the World: (Re) Constructing Indian Foreign Policy*. Singapore: World Scientific, 2017. <https://doi.org/10.1142/10348>.
- Sinha, Uttam Kumar. “Regionalism as the New Realism.” In *Making of New India: Transformation Under Modi Government*, edited by Bibek Debroy et al., 465–474. New Delhi: Balaji World of Books, 2019.
- Tharoor, Shashi. *Pax Indica: India and the World of the 21st Century*. New Delhi: Allen Lane, 2012.

Author(s)*Sanjaya Baru,*

PhD, Distinguished Fellow in Manohar Parrikar Institute
of Defence Studies & Analysis, No.1 Development Enclave,
Rao Tukaram Marg, New Delhi, India, 110010.

e-mail: sanjayabaru@gmail.com

Additional Information

Received: May 31, 2020. Accepted: August 12, 2020.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

For citation

Baru, Sanjaya. "India's Rise from a Regional to a Global Power."

Journal of International Analytics 11, no. 2 (2020): 122–134.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-122-134>

Индия: от региональной роли – к глобальной державе

АННОТАЦИЯ

Согласно многочисленным экономическим прогнозам, опубликованным после трансатлантического финансового кризиса 2008 – 2009 гг., к 2030 г. Китай и Индия обгонят Соединенные Штаты Америки по экономическому развитию и станут ведущими экономиками мира. Именно поэтому Индия рассматривается как формирующаяся глобальная держава, ранее игравшая лишь региональную роль. Пандемия COVID-19 и начавшаяся холодная война между США и Китаем могут стать новыми вызовами, а также открыть дополнительные возможности для Индии. Имея дело с краткосрочными экономическими и геополитическими вызовами, Индия будет продолжать прокладывать свой путь в отношениях с миром, который определяется ее цивилизационным наследием, национальными интересами, экономическими показателями и возможностями.

В этой статье рассматривается, почему Индия, акцентируя внимание на собственном экономическом развитии, стремится выйти за рамки региональной среды и создать условия в области экономики и безопасности на глобальном уровне, которые способствовали бы достижению этой цели. Во-первых, автор предполагает, что как формирующаяся держава Индия по-прежнему привержена многосторонности как в экономической сфере, так и в сфере безопасности. Она соблюдает существующие многосторонние режимы, в том числе в области торговли, финансов и ядерного нераспространения. Индия также активно поддерживает международные инициативы для решения проблемы глобального потепления и изменения климата. Во-вторых, многосторонняя политика Индии в многополярном мире будет зависеть от позиции Китая по основным проблемам национальной безопасности и его реакции на усиление глобальной роли Индии.

Наконец, по мере возобновления соперничества между крупными державами, способного привести к новой холодной войне, Индии необходимо учитывать все возможности для сохранения потенциала к развитию. Китай, стремящийся к гегемонистскому доминированию в Азии, может сократить эти возможности, что поставит Индию перед необходимостью создания новых альянсов, направленных на укрепление национальной безопасности и обеспечение баланса сил.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Индия, Азия, цивилизационное государство, Индийский океан, геоэкономика, неприсоединение, многостороннее сотрудничество, средние державы

Сведения об авторе

Санджая Бару,

доктор философии, почетный научный сотрудник Института оборонных исследований и анализа Манохара Паррикара, корп. 1, Тукарам Марг, Нью-Дели, Индия, 110010.

e-mail: sanjayabaru@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 мая 2020. Принята к публикации: 12 августа 2020.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Бару, С. Индия: от региональной роли – к глобальной державе // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (2). – С. 122–134.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-122-134>

Международные отношения в динамике макроистории

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-135-146>

*Интервью с Георгием Матвеевичем Дерлугьяном,
профессором, автором многочисленных работ
по истории и социологии.*

АННОТАЦИЯ

Георгий Матвеевич Дерлугьян – профессор социологии Нью-Йоркского университета в Абу-Даби. Родился в 1961 г. в Краснодаре. Выпускник Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1980-х гг. работал несколько лет в Мозамбике. В 1990 г. приглашен в Бингемтонский университет (США) на работу в Центре им. Ф. Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций. Лауреат призов Американской социологической ассоциации за лучшую работу года, премий Д. Карнеги и Н. Элиаса. Автор работ по социальной эволюции власти от первобытности до наших дней, причинах распада СССР, партизанских войнах в Африке и этнических конфликтах на Кавказе. Переводился на многие языки, включая китайский, немецкий, арабский, турецкий, финский, польский и грузинский.

*Беседу вел С.М. Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

Сергей Маркедонов: В коллективном предисловии к сборнику «Есть ли будущее у капитализма?»¹ Вы констатировали: «Ближайшие десятилетия принесут с собой неожиданные катаклизмы и колоссальные проблемы. Некоторые из них будут новыми, а некоторые – довольно старыми. Многие из них поставят перед нами неслыханные политические дилеммы и потребуют принятия трудных политических решений. Все это может начаться уже скоро и наверняка определит взрослую жизнь тех поколений, которые сегодня молоды»².

Оглядываясь на нынешние события, можем мы утверждать, что этот «дивный новый мир», если использовать метафору О. Хаксли, наступил? И если да, то какие «катаклизмы и колоссальные проблемы» мы можем считать новыми, а какие – старыми? Одним из важнейших событий 2020 г. стала пандемия коронавирусной инфекции. Можем ли мы говорить, что ее последствия в наступающем десятилетии радикально изменят современный мир?

Георгий Дерлугьян: Начнем с пандемии. Это, конечно, угроза старая, как мир. Точнее, как мир со времен Неолитической революции, когда люди стали жить в скученных деревнях рядом с домашними животными, от которых и заражались различными заболеваниями³. Данные процессы детально описаны в исследовании историка-аграрника Дж. Скотта «Против зерна: глубинная история древнейших государств»⁴. Воздействию микроорганизмов на общественные процессы посвящена книга Дж. Даймонда «Ружья, микробы и сталь»⁵, ярким оппонентом которого стал российский биолог К. Еськов⁶.

Не следует переоценивать степень новизны пандемии 2020 г. В определенном смысле это наше двойное везение. Чего-то сравнимого с COVID-19 не было

Черт оказался на сей раз не так страшен: этот вирус несравним ни с Эболой, ни с вирусом Зика, ни с нильской лихорадкой.

100 лет. Об «испанке» (испанском гриппе) начала XX в., как и о тифе, оспе, полиомиелите, вспоминают, как правило, специалисты. Черт оказался на сей раз не так страшен: этот вирус несравним ни с Эболой, ни с вирусом Зика, ни с нильской лихорадкой. Тем не менее это мощный сигнал тревоги – нас атаковали вирусы, от которых пока нет защиты. Повезло, что население устраивает праздники непослушания по поводу ношения масок, а не «холерные бунты», массовые паники или сожжения ведьм⁷. Но ответственным политикам и экспертам сле-

дует крепко задуматься. Пандемия – это не просто кризис, это аналог войны, и реагировать придется соответственно.

1 Есть ли будущее у капитализма? Сборник статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / Под ред. Г. Дерлугьяна. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015. – 320 с.

2 Есть ли будущее у капитализма? С. 7

3 См., например: Kelly, John. *The Great Mortality: An Intimate History of the Black Death, the Most Devastating Plague of All Time*. New York: Harper Perennial, 2006.

4 Scott, James. *A Deep History of the Earliest States*. London: Yale University Press, 2017

5 Diamond, Jared. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. London: W. W. Norton & Company, 2017.

6 Еськов, К.Ю. Карандашные пометки биолога на полях книги Дж. Даймонда «Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческого общества» // Элементы. 8 мая 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://elementy.ru/bookclub/review/5273122/Karandashnye_pometki_biologa_na_polyakh_knigi_Dzhareda_Daymonda_Ruzhya_mikroby_i_stal_Sudby_chelovecheskikh_obschestv (дата обращения 19.06.2020).

7 McNeill, William H. *Plagues and Peoples*. New York: Anchor Books Doubleday, 1998. Перевод Работы У. Макнилла «Эпидемии и народы» готовится к выходу Издательстве Университета Дмитрия Пожарского.

Что касается новых вызовов, можно упомянуть глобальное изменение климата. Его обычно упрощенно сводят к потеплению, что для России представляется, на первый взгляд, как удача. Однако археологи сегодня показывают: переход к сельскому хозяйству произошел не потому, что наши предки, наконец, додумались выращивать еду на полях и в свинарниках/коровниках. Первобытные люди имели достаточно времени, чтобы изучить потребности и повадки полезных растений и животных. Переход к аграрному обществу происходил вынужденно под угрозой массового голода и вымирания нашего вида, когда население увеличилось и расселялось по всем климатическим зонам планеты, а навыки охоты привели к резкому уменьшению популяций тех, кто был ее объектом. Но пока климат «скакал» от оледенений к потеплениям, от засух к наводнениям, какое могло быть аграрное производство? Когда же примерно 9 тыс. лет назад климат планеты стабилизировался на какое-то время, вдруг разом повсюду (кроме Австралии и приполярной зоны) возникают очаги древнего земледелия и скотоводства. Так человечество встало на эволюционный путь от неолита до великих цивилизаций в долинах рек и капиталистической глобальной современности.

Сегодня климат начинает меняться в пока неясном направлении. Я не участвую в спорах о том, насколько в том повинно человечество. И без моего участия в таких дискуссиях нет недостатка. Климат всегда менялся в геологическом прошлом – просто вся наша письменная история цивилизации приходится на затишье длиною в несколько тысячелетий. Если мы теперь возвращаемся к климатическим колебаниям, которые некогда были нормой, то что будет с агрокомплексом? Если под воду уйдут какие-то перенаселенные страны, как Бангладеш, а другие, вроде Йемена, пересохнут, и пойдут по миру потоки беженцев – встретят ли их лагеря помощи от ООН или колючая проволока и танки? А ведь это не только «третий мир».

Сейчас вполне ясно – великий Рим был оставлен своим некогда миллионным населением не из-за грабежей варваров, а потому что остановился подвоз хлеба, и римляне стали разбредаться по сельской местности в поисках земли под огороды. С исчезновением давно уже не оплачиваемых легионов и пошли настоящие варварские грабежи и мародерство, известные нам как Средневековье.

Человечество в последние три столетия испытало колоссальный рост по всем направлениям. Эпоха Модерна стала революцией, скачком внутри постепенной социальной эволюции. С чего мы взяли, что скачкообразный рост продлится еще несколько столетий? Древний Рим и Китай династии Хань некогда достигли высот, «падать» с которых было крайне больно. Многие показатели Античности были превзойдены только с появлением государства Модерна через полторы тысячи лет¹. И это не прогнозы радикальных алармистов, а довольно актуальное направление науки².

С.М.: В 1987 г. британский историк П. Кеннеди опубликовал книгу «Подъем и падение великих держав», в которой он описал применительно к СССР и США

1 Morris, Ian. *Why the West Rules – for Now: The Patterns of History, and What They Reveal About the Future*. London: Picador, 2011.

2 Шайдель, В. Великий уравнитель: насилие и история неравенства от каменного века до XXI столетия / В. Шайдель. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 768 с.

такой механизм, как «перенапряжение империй»¹. Наблюдая протесты в США на расовой и социальной почве, велик соблазн сделать вывод о закате мировой гегемонии этой страны после завершения холодной войны. Тем более что все эти

Наблюдая протесты в США на расовой и социальной почве, велик соблазн сделать вывод о закате мировой гегемонии этой страны после завершения холодной войны.

внутриполитические события происходят на фоне нарастающей американско-китайской конфронтации, обострения проблем в отношениях между Вашингтоном и его союзниками (страны – члены ЕС, Турция), непрекращающимися противоречиями с Москвой.

Но ведь с такой турбулентностью США сталкиваются не впервые. Не менее масштабные выступления на расовой и социальной почве мы уже наблюдали и не единожды (события в Ньюарке, Детройте в 1967 протесты после убийства М.Л. Кинга 4 апреля 1968)? В последние десятилетия Вашингтон принял немало неоднозначных внешнеполитических решений, начиная от военных операций в Афганистане и Ираке и заканчивая позицией по Сирии или Венесуэле. И в 1960–1970-х гг., казалось, что американское лидерство под угрозой: проигранная война во Вьетнаме, неудачи в Иране, «разрядка», которую многие восприняли как проявление слабости. Затем появился Р. Рейган, и череда поражений сменилась победами.

На Ваш взгляд, в чем особенность нынешнего кризиса в США? США в новом десятилетии входят в фазу нового острого кризиса или американская империя «перегрелась» настолько, что пора констатировать необратимый крах гегемона? А может быть, метафора из популярной песни «не спешите нас хоронить» более чем уместна сегодня в наших дискуссиях о перспективах США?

Г.Д.: Начнем с важного уточнения. П. Кеннеди писал не столько фундаментальное исследование, сколько книгу-предупреждение. Однако предсказания о «перенапряжении» США и СССР оказалось не вполне точным: через четыре года после издания работы распался лишь один полюс. П. Кеннеди не претендовал на открытие новой теории. «Перенапряжение» – это феномен, описанный в исторической теории геополитики классика социологии М. Вебера². Речь, конечно, не о геополитике, ставшей главной темой на различных ток-шоу, а о научной дисциплине, где просчитываются и моделируются катастрофы прошлого, с которыми сталкивались империи.

В 1980 г. американский социолог Р. Коллинз в своем эссе «Геополитическая основа революции: предсказание советского коллапса» применил веберовскую модель к анализу состояния США после поражения во Вьетнаме и пришел к неожиданным выводам. Вопреки распространенным в те времена алармистским прогнозам, США с гигантскими резервами и богатыми странами-сателлитами тогда ничего не угрожало. Зато угрожало СССР как экономически менее богатой сверхдержаве, в ходе холодной войны приобретшей непомерные издержки

1 Kennedy, Paul. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, New York: Vintage Books, 1987.

2 См., например: Turner, Stephen. "Weber's Foray into Geopolitics." In *The Anthem Companion to Max Weber*, edited by Alan Sica, 146-173. London: Anthem Press, 2016.

на поддержание своего мирового статуса; не последнюю роль в этом сыграла официальная идеология и властная иерархия, унаследованные от В.И. Ленина и И.В. Сталина¹. Этот прогноз прозвучал, когда США еще не отошли после поражения во Вьетнаме, на фоне кризиса вокруг захвата в заложники персонала американского посольства в Иране. В те дни губернатор Калифорнии Р. Рейган добивался избрания президентом, утверждая, что США критически отстали от СССР в области ядерных вооружений, и требовал жестко сдерживать распространение коммунистической угрозы по всему миру. Тем не менее Р. Коллинз указал на парадокс советской мощи: именно в момент достижения своего пика сверхдержава столкнулась с непосильными геополитическими издержками. Он также верно спрогнозировал государственный коллапс в результате внезапного массового отступничества подчиненных элит национальных республик и государств-спутников в качестве защитной реакции на политическую недееспособность имперского центра. Но модель Р. Коллинза не могла предсказать ни скорости развития событий, ни выбора действий Москвы в рамках стоящих перед ней дилемм. Все эти коллизии описаны во главе вашего покорного слуги в книге «Есть ли будущее у капитализма?»².

Напротив, сегодня в потенциально более выгодном положении находится Россия, хотя и катастрофически утратившая большую часть сверхдержавных издержек. Многие ее проблемы остаются идентичными трудностям стран Европы, что как раз указывает, к какой группе стран относится Россия. К примеру, демография стареющего населения, что объективно вызывает приток мигрантов, ожидаемо сталкивающихся с ксенофобским отношением.

Запад же в целом имеет дело с последствиями так и не получившими разрешения кризиса 1970-х гг. Уход капитала из национальной промышленности в международные финансовые спекуляции и офшорные укрытия значительно сократил возможности государственного регулирования. Это аукнулось кризисом 2008 г., который также не был преодолен качественной перестройкой рыночных структур³. Тот кризис «залили» потоками долларов, который остается мировой резервной валютой и, судя по истории мировых держав-гегемонов, сохранит это особое преимущество. Вспомните испанский колониальный песо, который надолго пережил падение гегемонии Габсбургов и их генуэзских финансистов (напомню, откуда родом Колумб)⁴. Песо сохранился до XIX века, когда уже назывался мексиканским серебряным долларом. Именно в долларовые активы в момент кризиса сегодня бегут капиталы, пусть даже с некоторой потерей – лишь бы выжить. И один из столпов американской валюты составляют как раз нефтедоллары.

США сопротивлялись своему упадку отчаянно и дерзко, чем усугубили имеющиеся проблемы. В 2003 г. американское вторжение в Ирак ставило воистину глобальные задачи. Вице-президент Р. Чейни со своей командой неоконсерваторов (где президент Дж.У. Буш из-за слабости личных качеств был лишь номиналь-

1 Collins, Randall. *Macrohistory: Essays in sociology of the long run*. Redwood: Stanford university press, 1999.

2 Дерлугьян, Г. Чем коммунизм был / Г. Дерлугьян / Есть ли будущее у капитализма? Сборник статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015. – 320 с.

3 Туз, А. Крах. Как десятилетие финансовых кризисов изменило мир / Пер. с англ. Н. Эдельмана. Под ред. А. Белых. – М.: Издательство Института Гайдара, 2019. – 776 с.

4 Арриги, Д. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Д. Арриги. – М.: Территория будущего, 2007. – 730 с.

но главной фигурой) «нащупали» грандиозную комбинацию, казалось бы, способную переустановить гегемонию Америки на столетие вперед. Дерзкий план Р. Чейни в случае успеха превращал США де-факто в члена ОПЕК с решающим

В 2003 г. американское вторжение в Ирак ставило воистину глобальные задачи. Вице-президент Р. Чейни со своей командой неоконсерваторов «нащупали» грандиозную комбинацию, казалось бы, способную переустановить гегемонию Америки на столетие вперед.

голосом. Это раз. Кольцом военных баз со всех сторон окружался эксцентричный Иран, но также – взгляните на карту – Россия и Китай. Вот вам и два, и три, и четыре. А там уже пять, шесть, и далее открывалась перспектива решения проблем Израиля как особого союзника; становилась достижима стабилизация под внешним управлением извечно шатких Пакистана и Саудовской монархии, которые скорее от своей слабости и внутренней неуверенности, нежели из религиозного рвения попеременно выступают поджигателями и тушителями фундаменталистского джихада; также обеспечивалось бесперебойное судоходство в Красном море, включая Суэцкий канал; находилась замена периодически фрондирующей Турции. Параллельно решалась проблема сомалийских пиратов и курдских сепаратистов: в Ираке было за что бороться помимо нефти.

Тем более поразителен провал американского плана. В реальности, в отличие от фантазий и теорий заговора, планы мирового господства неизменно терпят провал. В эпоху Модерна такого рода эксперименты ставили испанский император Филипп II Габсбург, затем Наполеон Бонапарт, кайзер Вильгельм II, А. Гитлер, отчасти В.И. Ленин и И.В. Сталин. Все они колоссальной ценой выяснили невозможность единого контроля над слишком сложной и обширной миросистемой, в которой обычно находятся несколько центров силы. Американский план 2000-х гг. исходил, однако, из уникального стечения обстоятельств: Россия лежит навзничь, Европа и Япония послушно вернулись на положение ведомого, Китай пока не окреп.

Замыслы Р. Чейни неожиданно споткнулись о совершенно новый фактор, который относится к глубинной трансформации современности. Речь, прежде всего, о возросшей стоимости человеческой жизни. По мере того как в эпоху Модерна отступали нищета и болезни, падала рождаемость и росло образование, вдруг начали реализовываться будто сами собой извечные мечты гуманистов об уважении к человеку. Чудесное выражение «само собой» на самом деле является исторической закономерностью, означающей тектонические, медленные и незаметные невооруженным глазом структурные изменения в обществе. В распоряжении американских военных – масса беспрецедентно дорогих вооружений. Однако цена жизни американского солдата оказалась непозволительно высока – а одними

По мере того как в эпоху Модерна отступали нищета и болезни, падала рождаемость и росло образование, вдруг начали реализовываться будто сами собой извечные мечты гуманистов об уважении к человеку.

дронами и высокоточными ракетами не навести порядка на пыльных улицах громадных ближневосточных городов. Кстати, та же неприемлемость человеческих потерь сделала столь неожиданной для всех экономическую цену пандемии коронавируса. Последствия будем просчитывать еще долго.

С.М.: В своей книге «Как устроен этот мир» Вы написали о «пробуждении Азии»¹. По Вашим словам, «Китай оказался самым непредвиденным последствием политики глобализации»². В новом десятилетии какую роль в мире будет играть эта держава? Есть ли шанс у КНР стать новым гегемоном и, если да, где опасность «перегрева»?

Г.Д.: Я не склонен приписывать Китаю особую восточную мудрость или, если хотите, хитрость. Мао Цзэдун, как почти все коммунисты стран Азии, был, в первую очередь, националистом. Для них марксизм-ленинизм означал не столько равенство и братство всех людей мира, сколько ликвидацию военно-революционным путем отсталости своих великих цивилизаций от Запада и Японии. Мао попытался повторить военно-индустриальную стратегию И.В. Сталина и сам стать новым И.В. Сталиным мирового революционного движения. Однако реализовать амбициозные цели не удалось: Тайвань и Южная Корея остались в американо-японской сфере. В Кампучии эксперименты Пол Пота над собственным населением продлились три года. Экзотические маоистские группировки в «третьем мире» и в среде левой интеллигенции стран Запада оказались эфемерны. В самом Китае разгром системы государственного управления и подрыв науки в годы «культурной революции», скорее, создали, чем разрешили проблемы. Не получилось превращения КНР в индустриального гиганта.

Поэтому дальше оставался только НЭП – классическая «двухходовка» коммунистических режимов, изобретенная еще В.И. Лениным, который как раз очень умело переключал скорости своей революционной машины. Жесткое подавление восставших слева – в кронштадтском мятеже или на площади Тяньаньмэнь – и следом рыночные реформы, позволяющие крестьянам прокормить себя и страну. В отличие от советского НЭПа, когда никто с Запада не спешил разбирать концессии, в Китай хлынули потоки западного капитала, который начиная с 1970-х гг. искал путей обойти свои профсоюзы и всевозможные социальные и экологические регуляции.

Китай с 1980-х гг. реализует то, к чему шел СССР в свои последние годы. Политика мирного сосуществования, разрядка напряженности, взаимовыгодного экономического сотрудничества с Западной Европой и Японией – я намеренно употребляю клише тех лет – на деле вели к возвращению СССР в капитализм и, более конкретно, к реинтеграции в Европу на почетных условиях. В реальной истории вместо СССР, успешно перестроенного под евростандарты, капиталистическим гигантом вдруг стало совсем другое коммунистическое государство – недавно еще голодавший маоистский Китай. Притом Китай в своих реформах изначально, с 1970-х гг., ориентировался на США и их тихоокеанских союзников.

1 Дерлугьян, Г. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы / Г. Дерлугьян. – М.: Институт Гайдара, 2013. – 176 с.

2 Там же. С. 18

С ростом Китая, однако, возникал парадокс, который США уже проходили в 1970-х гг. с ФРГ и Японией – бывший ведомый догонял ведущего и превращался во все более серьезного конкурента. Вспомните, что тогда происходило с некогда величественным американским автопромом, как «тойоты» и «фольксвагены» начали теснить «бьюики», «крайслеры» и «форды» на рынке уже самих США. Но если Европа и Япония с 1945 г. оставались политически зависимы от США, то Китай все-таки остается под контролем своей своеобразной компартии и при этом проявляет имперское самолюбие. Главная внешнеполитическая проблема США сейчас уже состоит не в сохранении опеки над Европой, не в противостоянии СССР (России) и не в том, как остановить технологический рост Японии, а как остановить возвышение Китая, без которого невозможно представить современный глобальный мир. Надавить силой? Или, напротив, пойти на уступки?

Тем не менее Китай не выглядит новым мировым гегемоном. Это далеко не лидер в мировой науке и культуре, без чего проблематично задавать тон на глобальном уровне. Более того, он пока не лидер даже в потреблении. Ирония в том, что коммунистический режим в Китае не позволяет мобилизации профсоюзных объединений, студенческих забастовок, которые в свое время сотрясали Японию и Южную Корею. Некогда бурные протесты привели к повышению уровней жизни, образования и потребления, вместе с которыми вскоре пришла и парламентаризация политики. Пока я не вижу тех процессов, которые на аналогичном уровне развития запустили трансформацию Японии и Южной Кореи в страны среднего класса и высокотехнологичного производства. Мир в ближайшем будущем едва ли будет иметь страну-гегемона.

Системные проблемы требуют системного решения. Как та же самая пандемия. В лучшем случае мы наблюдаем возвращение к мировой экономике нескольких макрорегионов. В последний раз такое наблюдалось около 700 лет назад, когда наряду с Западной Европой существовали превосходившие ее размерами исламский мир, Индия, Китай¹.

С.М.: Сегодня о «закате Европы», наверное, пишут намного чаще, чем во времена О. Шпенглера? Этот закат, на Ваш взгляд, состоялся? Или у Европы есть перспективы для роста? Рассматриваете ли Вы возможным разрыв отношений между ЕС и США и есть ли у Запада ресурсы для улучшения отношений с Россией если не в краткосрочной, то в среднесрочной перспективе?

Г.Д.: Евросоюз, если оставить в стороне публичную риторику, создавался в компенсацию исторических потерь бывших империй. Его создатели стремились избежать превращения своих стран в карликовые образования, как это некогда случилось с торговыми городами-государствами северной Италии. Унаследовав от эпохи Возрождения свои архитектурные красоты и признанное первенство в изысканном вкусе, в музыкально-художественном и дизайнерском чувстве стиля, прежде мощнейшие городские республики – Венеция, Флоренция, Генуя – превратились в туристические центры. Уже во второй половине XX века подобная судьба настигла помпезно имперские Вену и Будапешт.

1 Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Том 3. Время мира / Ф. Бродель / пер. с фр. Л.Е. Куббеля. Под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1992. – 732 с.

Из осознания этой перспективы исходили политики последнего великого поколения европейцев: В. Брандт и Г. Коль, Ш. де Голль и Ф. Миттеран, Б. Крайски и У. Пальме, испанский король Хуан-Карлос и социалистический премьер А. Суарес. Было понятно, что масштабность и устойчивость вынашиваемой ими конструкции придала бы политико-экономическая ось Париж – Берлин – Москва. Вместо этого ЕС после 1991 г. занялся интеграцией малых и небогатых стран на востоке Европы. Без всяких теорий заговора ясно, что ограничение восточных пределов Европы Болгарией и Румынией снимало внутренние опасения Вашингтона и Лондона оказаться перед лицом сильного союзника-конкурента, который бы самостоятельно организовывал гигантское и богатое ресурсами пространство от Ла-Манша до Владивостока. Парадоксально, но ЕС после России – второй крупнейший пострадавший в провале советской «перестройки».

С.М.: Многие годы Вы исследовали политические процессы в Африке. В новом мире с «неожиданными катаклизмами и колоссальными проблемами» какую роль Вы отводите «черному континенту»? Какие сюрпризы возможны из этой части мира?

Г.Д.: Африка – удивительный континент. Там зародилось человечество, но там не могли возникнуть сильные государства – кроме, конечно, Древнего Египта и отчасти Эфиопии. Эти исключения подтверждают общее правило. Ландшафт, климат, биота в совокупности слишком суровы для поддержания крупных человеческих популяций, для которых также требуется развитое земледелие и животноводство. Об этом хорошо написано у того же Дж. Даймонда¹. Он объясняет, почему было можно одомашнить азиатских лошадей, овец и коров, но нельзя оседлать зебру и разводить антилоп в загонах. Тот же африканский слон, в отличие от индийского, не поддается дрессировке. Кстати, освоение Африки самими чернокожими африканцами относится уже к эпохе Модерна, когда португальцы завезли из Америки маниок и кукурузу, чья урожайность в разы превосходила традиционное местное просо.

В Африке земли всегда было куда больше, чем людей. Поэтому перед вождями стояла задача не сбора дани с оседлых земледельцев, а предотвращения бегства тех же земледельцев, едва к ним явятся сборщики податей. На «черном континенте» саванны обширны, а леса густы. Поэтому, увы, главным был не капитал, а труд – в основном рабский, в самой грубой принудительной форме, буквально из-под палки.

Европейские колонизаторы были представителями Модерна и капитализма, в Африку они явились за наживой, которую там оказалось нелегко извлекать. Оставалось по вполне рациональному расчету силой заставить местное насе-

Без всяких теорий заговора ясно, что ограничение восточных пределов Европы Болгарией и Румынией снимало внутренние опасения Вашингтона и Лондона оказаться перед лицом сильного союзника-конкурента.

¹ Diamond, Jared. *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. London: Penguin Books Ltd., 2005.

ление работать на плантациях, рудниках, постройке дорог и портов. При этом европейские колониальные правительства жестко сэкономили на бюджете. Европейские чиновники и полицейские обходились непомерно дорого, и смертность от различных заболеваний была среди них высока. Поэтому требовалось найти из африканцев сельских старост или каких-то вождей (но не слишком сильных политически) и поручить им поставки рабочей силы на плантации и стройки. Как была устроена такая сугубо местная и якобы «традиционная» власть можно понять из красочных описаний британского зоолога Дж. Даррелла, ловившего зверей для зоопарков в колониальном Камеруне¹. Или попробуйте почитать Д.А. Быстролетова, удивительного советского разведчика и искателя приключений². Наконец, очень рекомендую, возможно, неожиданного автора – Б. Обаму, который задолго до избрания президентом США, еще в 1995 г., исследовал судьбу своего кенийского отца и деда³.

Б. Обама на примере отца выпукло отобразил политическую трагедию Африки после ухода колонизаторов. Первый в Кении выпускник Гарварда, экономист, Б. Обама-старший рассчитывал на родине занять видный пост. Но ему доходчиво объяснили, что президент и все, кому он доверяет, происходят из народности кикуйю. Если же ты из луо, то потрудись доказать свою особую лояльность. Когда же он заявил, что лучше поступить на работу в ООН, у него просто отобрали паспорт. Иначе говоря, европейцы по своим довольно случайным обстоятельствам времен раздела Африки нарезали десятки стран, оставив центральное управление себе, а местное – вождям, нередко диктаторам локального пошиба. С предоставлением независимости развернулись конфликты за центральную власть, в которую тут же вмешались военные, зачастую еще более склонные к авторитаризму сержанты колониальных войск, вроде С. Мобуту в Конго (Заире) и И. Амина в Уганде.

Были и важные исключения. Там, где к власти через настоящую войну приходили партизаны с той или иной долей социалистических идей – в Эфиопии, Мозамбике, Руанде, – возникали и более эффективные режимы. Увы, природные богатства чреватые ресурсным проклятием в виде гражданских войн и клептократий, подобно Нигерии и Анголе. В Зимбабве белых фермеров довольно долго не трогали ради выручки от экспорта, но в конечном счете принесли в жертву озлоблению бывших партизан и популизму стареющего президента Мугабе и его коррумпированного окружения.

С.М.: И последний вопрос о российской траектории развития в новом десятилетии. Способна ли Россия проводить собственную линию, балансируя между США и Китаем, Западом и Востоком, не примыкая ни к одному из полюсов? Какие возможности есть у Москвы, чтобы удивить мир? И, естественно, было бы интересно узнать Ваше мнение о российской «ахиллесовой пяте», которая создает препоны для ее лидерства на международной арене.

Г.Д.: Это вопрос не на одну монографию. Россия с самого начала Модерна, то есть с XVI века, была успешной державой полупериферии. В этом контексте это

1 Durrell, Gerald. *The Bafut Beagles*. Cornwall: House of Stratus, 2003.

2 Быстролетов, Д.А. В старой Африке / Д.А. Быстролетов. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 304 с.

3 Obama, Barack. *Dreams from My Father*. NY: Three Rivers Press, 1995.

сугубо техническое определение. В период становления России повезло, что в руках у ее стрельцов и казаков уже появились ружья, а у кочевой конницы противника – нет. Поэтому быстро, примерно за столетие, прошли маршрутами былых набегов степняков, только в противоположном направлении, до границ Китая и Тихого океана. Получилось государство с громадной территорией и ресурсами, притом довольно укрытое своим ландшафтом от соперников с аналогичными аркебузами: турок на юге и всевозможных «немцев» на западе.

Однако Запад быстро развернул беспрецедентную в истории гонку вооружений, государственных организаций и индустриальных потенциалов, в сумме именуемую перманентной модернизацией. Пришлось догонять, заимствовать и учиться. Модернизация – это не столько культурные ценности, сколько геополитический императив: у вас будут в достаточном количестве стальные стволы, производящая их индустрия и университеты, где учатся кадры; или к вам без спросу придут те, у кого все это есть¹. Наглядный пример – Корея и Япония, которые по состоянию на 1850 г. выглядели похоже, а уже в 1910 г. японцы целиком хозяйничали в Корее.

Россия совершила три модернизационных рывка, и здесь все очевидно: при Иване Грозном, Петре Великом и И.В. Сталине. Все три рывка оплачены не только жестоким закрепощением крестьян, наших с вами предков, но и репрессиями в отношении прежних элит, чтобы создать на их месте новых, более соответствующих эпохе. Так казнили бояр, столетие спустя – стрельцов, а затем уже дворян и первое поколение большевиков. Эта традиция закончилась в 1950-е гг., когда была окончательно опустошена деревня, а элиты усвоили, чем им самим грозит всякий террор. Но как же тогда с циклами догоняющего развития? С этой дилеммой мы и живем со времен хрущевской оттепели.

Очевидный, казалось бы, выход – встраиваться «на равных» в Европу, после 1945 г. превратившуюся в клуб бывших метрополий распавшихся империй. Мы раз за разом приближались и в конце 1980-х гг. уже почти оказались у цели. Но советский гигант разогнался на скрипучих ногах, прыгнул – и разбился вдребезги. Помимо субъективных ошибок и неудачных обстоятельств М.С. Горбачева (как с теми же ценами на нефть) были громадные проблемы в самой структуре управления СССР, создававшимся в совсем другую эпоху и с иными задачами. Требуется показать, как вообще был возможен исторический маневр с «перестройкой» СССР, включая все 15 республик и гигантские министерства. Китаю 1980-х гг. способствовал, как ни странно, как раз примитивизм госаппарата и экономики.

Что дальше? В эволюции в принципе есть только три исхода: вымирание, атрофия и интенсификация развития с выходом на другой виток. При этом в

Модернизация – это не столько культурные ценности, сколько геополитический императив: у вас будут в достаточном количестве стальные стволы, производящая их индустрия и университеты, где учатся кадры; или к вам без спросу придут те, у кого все это есть.

1 Kotkin, Stephen. *Stalin. Paradoxes of Power, 1878-1928*. New York: Penguin Books Ltd., 2014. P. 140.

мировой системе в силу ее инерционности сохраняется общий контекст, следовательно, воспроизводятся аналогичные возможности и проблемы. Здесь не стоит впадать в сетования, что все течет, а ничего не меняется. На самом деле изменяется хотя бы осознание проблем и возможностей.

Цитирование

Дерлугьян, Г.М. Международные отношения в динамике макроистории // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (2). – С. 135–146.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-135-146>

For citation

Derluguian, Georgy M. "International Relations through the Dynamics of Macrohistory."
Journal of International Analytics 11, no 2. (2020): 135–146.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-135-146>

Экореализм ВМЕСТО ЭКОАКТИВИЗМА

*Lieven, Anatol. Climate Change and the Nation State:
The Case for Nationalism in a Warming World.
Oxford: Oxford University Press, 2020.*

Николай Петрович Проценко

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-147-156>

Решение взяться за написание книги о глобальных климатических проблемах едва ли было для ее автора, известного британского политолога и журналиста А. Ливена, данью конъюнктурной теме, на которую в последние несколько лет высказалось множество экспертов, включая далеких от климатологии. Различные аспекты, поднятые А. Ливеном в новой книге, – прежде всего, возможности национального государства в решении всемирной климатической проблемы, – продолжают размышления автора о природе и современном состоянии национализма, начатые в его предыдущих работах, включая книгу о первой чеченской войне, которую довелось переводить автору этой рецензии. Примечательно, А. Ливен ни слова не говорит о Г. Тунберг и ее последователях: его анализ климатических изменений сосредоточен на необходимости новых принципов международных отношений перед лицом общего вызова для всех государств.

«Эта книга родилась из растущего ощущения беспокойства, опустошенности и тщетности. Поскольку международные усилия по сокращению углеродных выбросов не раз продемонстрировали неспособность государств добиться своих целей, даже несмотря на все новые предупреждения специалистов об экзистенциальных угрозах климатического изменения и о необходимости решительных действий, во мне крепло ощущение, что вопросы, над которыми я работал в сфере международных отношений и проблем безопасности, становятся сравнительно незначительными»,¹ – объясняет автор, почему он взялся за новую для себя тему.

Еще одним стимулом к написанию книги, по утверждению автора, стало нарастающее стремление западных спецслужб к «новой холодной войне» с Россией и Китаем². В бесчисленном объеме статей и работ на эту тему, подмечает А. Ливен, практически не упоминается, что вражда между Китаем и Западом оказывает разрушительное воздействие на международное сотрудничество против климатических изменений, а преувеличение российской угрозы в дей-

1 Lieven 2020, 11.

2 Ibid.

ствительности обеспечивает безопасность и комфорт для западных элит, что не способствует изменению привычных моделей восприятия России. Однако инерция доктрин, созданных еще в период холодной войны, подчеркивает А. Ливен, оказалась слишком велика – в самом деле, гораздо проще видеть мир, который четко делится на своих и чужих, нежели добавить в эту черно-белую картину некие дополнительные переменные, способные дать принципиально новое представление об актуальных угрозах. В связи с этим А. Ливен употребляет термин «остаточные элиты», характерный для господствующих порядков, сформировавшихся в исторических обстоятельствах прошлого. Как оказалось, к ответам на новые вызовы и на использование новых возможностей эти элиты неспособны.

В целом тема глобальных изменений климата сравнительно недавно стала предметом пристального изучения в социальных дисциплинах – еще в первом десятилетии XXI века она преимущественно была полем климатологических исследований. Одной из переломных работ, с этой точки зрения, стала книга американского макросоциолога Р. Лахмана «Государства и власть», написанная в период глобального финансового кризиса 2008 г., в которой прогнозировалось повышение значимости климатической проблематики для государств. Предсказания Р. Лахмана были неутешительны: «Если глобальное потепление будет развиваться, как прогнозируется, мир окажется разделен на регионы сильных и все более автаркических государств и регионы с локализованной властью в атмосфере гоббсовской войны всех против всех и колоссального демографического провала»¹.

Алармизм, безусловно, присущ и книге А. Ливена, однако система идеологических координат, в которой действует ее автор, в принципе отличается от шаблонного энвайронментализма и тем более от всевозможного эоактивизма. Поэтому данную работу практически не удастся вписать в традицию европейских «зеленых», восходящую к всемирной протестной волне 1968 г. и тесно связанную с субкультурой *new age*. Как можно судить из личной переписки автора этой рецензии с А. Ливеном, он воспринимает эоактивизм лишь как некую подготовительную работу, призванную обратить на проблему широкое общественное внимание и предшествующую всеобъемлющей борьбе с климатическими изменениями, которую способны вести только государства. Именно поэтому в тексте нет ни одного упоминания Г. Тунберг, хотя завершение работы над книгой практически совпало с ее знаменитым выступлением на саммите ООН по изменению климата в сентябре 2019 г.

Международный характер проблемы климатических изменений позволяет А. Ливену подойти к ней с той же меркой, что и к международным отношениям в целом, заявляя о себе как о реалисте, испытавшем значительное воздействие философии христианского мыслителя Р. Нибура² и этических аспектов работ Г. Моргентхау³. Именно к классической для американской политологии и теории международных отношений работе Г. Моргентхау 1948 г. «Политические отношения между нациями» восходит представление А. Ливена о том, что основным

1 Lachmann 2010, 327.

2 Harries, Platten 2010.

3 Morgenthau 2005.

субъектом международных отношений по-прежнему является национальное государство – вопреки расхожим представлениям последних лет о его глубоком кризисе или даже отмирании. Об идеологических приверженностях автора говорит и вынесенная в эпиграф к книге цитата из «Размышлений о революции во Франции» отца европейского консерватизма Э. Бёрка о том, что члены общества должны вести себя лишь как временные обладатели жизни, а не ее полноправные хозяева¹.

Реалисты, подчеркивает автор, всегда ставили на первое место интересы государства, однако, добавляет он, мощь национального государства не является самоцелью, особенно в ситуации, когда долгосрочным интересам каждой великой мировой державы гораздо больше угрожают климатические изменения, нежели другое конкурирующее государство². Разницу между экологическим реализмом и привычным активизмом А. Ливен иллюстрирует на примере немецкой партии «зеленых», в платформе которой проблемы изменения климата соседствуют с «продвижением прав человека и демократии», что делает для Запада реальное сотрудничество с Китаем и Россией исключительно трудным.

«С момента окончания холодной войны в философии западной внешней политики господствовал либеральный интернационализм: идея о распространении западной демократии и западных ценностей по всему свету. Этот подход изображался как антинационалистский, хотя в действительности он отражает то, что я называю западным цивилизационным национализмом, имеющим определенные аналогии с идентичностями Римской и Китайской империй. Подобно этим идентичностям, он в значительной степени подразумевает, что всякий, кто не разделяет его ценности, является варваром. Но достаточно самого беглого взгляда на окружающий нас мир, чтобы убедиться, что эта программа провалилась»³, – констатирует А. Ливен.

Подобный метаидеологический подход позволяет ему задавать неудобные для западного истеблишмента вопросы: «Угрожает ли китайская оккупация практически необитаемых песчаных островов в Южно-Китайском море такой же гибелью тысяч американских граждан, которую каждый год приносит жара? А угрожает ли российская оккупация отдельных частей утратившего ценность угледобывающего региона на востоке Украины такой же смертью миллионам американцам, которая в ближайшее столетие ждет их от тропических заболеваний? Тем не менее США и другие великие державы тратят гигантское внимание и средства для противостояния тому, что в сравнении с климатическим изменением представляет собой незначительные угрозы»⁴.

Поэтому А. Ливен призывает всех мировых политиков к переоценке интересов своих стран исходя из рисков для их будущего со стороны климатических изменений: «Эта книга адресована главным образом читателям из западных демократий, но в равной степени она должна обращаться и к патриотически настроенным элитам в Пекине, Москве и Дели»⁵. Главной задачей этих усилий, по-

1 Burke 2003, 81.
2 Lieven 2020, 12.
3 Ibid., 139.
4 Ibid., 12.
5 Ibid., xii.

лагает автор, должно стать формирование «устойчивых государств» (*sustainable states*) – очевидно, воплощающих идеологию устойчивого развития (*sustainable development*), одной из манифестаций которой можно считать и американский «зеленый новый курс». Эта широкая программа социальных реформ, выдвинутая американским политиком-демократом Б. Сандерсом, в которой борьба с глобальными климатическими изменениями занимает одно из ключевых мест и предполагает, в частности, перевод всей американской экономики на «зеленую» энергию к 2035 г. Именно эта доктрина, по мнению А. Ливена, позволит реформировать западный капитализм и перестроить порожденную им идею национального единства.

Представление А. Ливена о том, как должна решаться проблема изменений климата, принципиально отличается от подхода, заявленного в другом недавнем программном тексте на эту тему – манифесте французского философа Б. Латура «Где приземлиться? Опыт политической ориентации»¹, поводом для написания которого стало решение Д. Трампа о выходе США из Парижского соглашения по климату.

На первый взгляд, в этих работах много общего. И у А. Ливена, и у Б. Латура немало страниц посвящено резкой критике действий президента США. Кроме того, Б. Латур разделяет мнение, что «хоронить» национальное государство рано, упоминая в качестве исключения из правила, «согласно которому только национальное государство может обеспечивать народам защиту, заботясь об их безопасности», Евросоюз². Однако решения, предлагаемые Б. Латуром, определенно далеки от реализма – слишком уж велика его обида как приверженца европейских ценностей на решение Д. Трампа, приводящая его к утверждению, что «Европа осталась одна, но в то же время только она одна и может возобновить ход своей истории»³. Такой ход мысли прямо противоречит логике А. Ливена: изменение климата действительно глобальная проблема, в одиночку справиться с ней не удастся никому, вопрос лишь в том, как сделать эту повестку подлинно универсальной.

Отсюда и центральный тезис рассматриваемой нами книги: борьбу против климатического изменения необходимо переформулировать в националистических терминах – как защиту национальных государств, их интересов и их выживания в будущем⁴. Реализм подсказывает А. Ливену: именно национализм является наиболее значимым фактором коллективных усилий в современной истории – по меньшей мере, так ситуация выглядит сейчас, когда религия и идеология теряют своё влияние.

Особое место в книге А. Ливена занимает Россия, с которой он знаком и как журналист, долгое время работавший в стране, и как представитель российского аристократического семейства, эмигрировавшего после революции и сохранившего глубокие ментальные связи с родиной⁵. Двадцать лет назад, когда вышла книга А. Ливена о России девяностых с весьма провокационным названием «Чеч-

1 Латур 2019.

2 Ibid., 173.

3 Ibid.

4 Lieven 2020, xvii.

5 Брат Анатоля Ливена – Доминик Ливен, известный историк, чьи основные работы посвящены России. См. подробнее: Lieven 2000.

ня: могильный камень российской мощи»¹, будущее российского национализма выглядело смутным. Автор обоснованно предупреждал, что путь «примордиального» этнического национализма может оказаться губительным для страны, однако последующие события не оправдали этих опасений. Как признает автор, сам В.В. Путин со своим советским багажом и желанием объединить бывшие республики СССР в Евразийский союз под российской гегемонией противостоял русскому этническому шовинизму и был в большей степени привержен многоэтнической и многоконфессиональной российской идентичности. Подобное сочетание вместе с упором на лояльность государству и ведущей роли русской культуры несет в себе полезные уроки для Запада, считает А. Ливен².

Такой преимущественно гражданский национализм, по мнению автора, позволяет рассчитывать на успех в деле объединения великих держав перед общим вызовом поверх нынешних разногласий: «Си Цзиньпин, Нарендра Моди и Владимир Путин – безжалостные, но искренние националисты, преданные делу могущества и выживания своих государств, которые играют принципиальную роль для их идентичностей и интересов их правящих олигархий»³. В подтверждение того, что изменение климата действительно должно рассматриваться как угроза для национальной безопасности России, А. Ливен приводит аномальную жару лета 2010 г., от которой умерло более 55 тысяч человек (соответствующие данные приводились в тот момент российскими СМИ).

Успех Китая в замещении угольной энергогенерации, действительно, не подлежит сомнению, однако с другими участниками группы БРИКС ситуация выглядит куда более сложно. В России (как и в Индии), констатирует А. Ливен, отрицание антропогенного изменения климата начинается с самого верха, несмотря на тот факт, что за последние 30 лет динамика роста средней температуры в стране почти вдвое превосходила среднемировой показатель: «Владимир Путин не раз высказывал свое скептическое отношение к этой теме. Отдельные сегменты российского истеблишмента в целом действительно признают данные фундаментальной науки, но оказывают значительное сопротивление принятию серьезных мер по сокращению выбросов. России не удалось выполнить даже очень скромные задачи по переходу на альтернативные источники энергии, а в 2018 г. она присоединилась к США и Саудовской Аравии, заблокировав принятие отчета Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC), призывающего к новому пределу глобального потепления в 1,5 градуса»⁴.

Основной причиной подобных настроений в России, как, впрочем, и во многих более развитых странах, таких как Австралия и Канада, А. Ливен предсказуемо называет соображения экономического плана: уход от углеводородов будет означать потерю огромной части национального дохода. Российские власти, по его мнению, глубоко озабочены тем, что низкие темпы экономического роста будут вызывать недовольство населения, в связи с чем любые меры, чреватые

1 Lieven 1999.

2 Lieven 2020, 48.

3 Ibid., xv.

4 Ibid., 23.

снижением экономической динамики, наподобие «углеродного налога», вызывают огромное сопротивление. Кроме того, резкое ухудшение отношений России с Западом после украинского кризиса 2014 г. привело к тому, что российские элиты «еще меньше желают слушать западные лекции о международной ответственности». В этой ситуации, настаивает А. Ливен, единственной возможностью призвать российский истеблишмент и население к принятию мер против климатического изменения остается апелляция к их национализму и долгосрочным национальным интересам страны.

Представляется, что подобная постановка вопроса требует существенных уточнений. Как известно, Россия не только присоединилась к Парижскому соглашению по климату, но и признала его в упрощенном порядке: без ратификации Федеральным собранием Российской Федерации, на основании постановления правительства, подписанного премьер-министром Д.А. Медведевым осенью прошлого года. Западные СМИ (а именно агентство *Bloomberg*) увидели в этом «холодный экономический и политический расчет»¹, однако столь однозначная трактовка едва ли учитывает все нюансы.

На протяжении долгого времени российская позиция выстраивалась вокруг сомнений, что глобальное потепление имеет антропогенную природу (если вообще имеет место), а другие страны, например, Китай, тем временем вели более тонкую игру, выторговывая для себя как можно более выгодные условия в рамках новой климатической реальности. В результате остаться вне Парижского соглашения означало бы демонстративно противопоставить себя мировому сообществу, на что Москва пойти определенно не хотела.

Между тем в ее дальнейшем отношении к Парижскому соглашению определенно читается некая ирония, персонифицированная в фигуре нынешнего спецпредставителя президента РФ по климату Р. Эдельгериева, бывшего председателя правительства Чечни и односельчанина ее главы Р. Кадырова. Появление столь неожиданного лица в должности главного российского чиновника по климату поставило в тупик абсолютное большинство экспертов – раньше эта функция все же была прерогативой профессионалов из Росгидромета. С другой стороны, та же тема углеродного налога в России отнюдь не закрыта – ее главным лоббистом давно выступает А. Чубайс, в связи с очередным падением цен на нефть весной этого года сравнивший углеводородную экономику с «дохлой лошадей»².

Все эти детали определенно привнесли бы в анализ А. Ливена некие дополнительные контексты, однако в своей книге он предпочел сосредоточиться на взаимосвязи климатического изменения с миграционными процессами в России. Подобная постановка проблемы, правда, в несколько ином контексте, не нова: еще в первом докладе о последствиях глобального потепления, подготовленном по заказу Министерства обороны США в 2003 г., прогнозировались

1 "The Cold Calculus Behind Putin's Lukewarm Embrace of Paris Pact," *Bloomberg*, September 23, 2019, accessed September 10, 2020, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-09-22/the-cold-calculus-behind-putin-s-lukewarm-embrace-of-paris-pact>.

2 «Если лошадь сдохла, надо с нее слезть»: Анатолий Чубайс о «тяжелом плато» для России, появлении совсем бедных и уникальном приборе от COVID-19 // *Forbes.ru*. [Электронный ресурс]. URL: <https://forbes.ru/biznes/400747-esli-loshad-sdohla-nado-s-nee-slezt-anatoliy-chubays-o-tyazhelom-plato-dlya-rossii> (дата обращения 10.09.2020).

конфликты из-за воды, нефти и беженцев, которые могут привести к войнам во многих частях света¹.

По утверждению автора, возможный коллапс среднеазиатских государств, вызванный глобальным потеплением, не позволит России избежать новой волны миграции, и это, он полагает, и есть главный ответ критикам, утверждающим, что их северная страна получит преимущества от повышения мировых температур, избежав негативных последствий этого процесса². Автор рассказывает о своей беседе с вице-губернатором одного из северных регионов России, который сообщил ему, что благодаря потеплению в Сибири можно будет выращивать апельсины – как оказалось, он даже не думал о том, что поучаствовать в этом процессе пожелают миллионы узбеков, афганцев, пакистанцев, а возможно, и китайцев. К тому же, добавляет А. Ливен, абсурдна сама идея, что Россия сможет процветать в условиях, когда мировая экономика будет рушиться под воздействием климатических изменений³.

Автор недвусмысленно намекает, какими последствиями для России может обернуться неконтролируемый поток миграции из азиатских стран, напоминая, как аналогичный фактор весьма способствовал избранию президентом США Д. Трампа⁴. Правда, автор лишь вскользь упоминает прецедентное решение президента США выйти из Парижского соглашения, критикуя другие аспекты его политики – в результате книга местами превращается в антитрамπισкий памфлет в пользу «зеленого нового курса» Б. Сандерса.

«Коммунистическая партия Китая утверждает, что западные демократии неспособны принять эффективные меры против изменения климата – сделать это может только мудрое и твердое авторитарное правительство. С этим соглашались и некоторые западные авторы. “Новый зеленый курс” – это шанс доказать, что они неправы. Это не самый последний шанс, но мы уже и так опаздываем с принятием мер»,⁵ – признает автор на последних страницах своей новой книги. Неудача Б. Сандерса на праймериз демократов и выдвижение демократическим кандидатом Дж. Байдена на фоне коронавирусного кризиса снижают пафос его аргументов: американский истеблишмент определенно оказался не готов к столь радикальной смене повестки, даже несмотря на то что избранному кандидату от демократов пришлось декларативно высказаться в поддержку «нового зеленого курса».

В то же время книга А. Ливена оставляет ряд вопросов, которые определенно требуют более тщательной проработки. Главный из них – возможности для манипулирования климатической повесткой ради получения государством экономических и политических дивидендов. Наиболее характерным примером в этом контексте является идея превращения «углеродного следа», присутствующего в тех или иных товарах, в фактор их конкурентоспособности на мировом рынке.

1 Peter Schwartz, and Doug Randall, "An Abrupt Climate Change Scenario and Its Implications for United States National Security," Institute for Agriculture and Trade Policy, October 2003, accessed September 10, 2020, <https://www.iatp.org/documents/abrupt-climate-change-scenario-and-its-implications-united-states-national-security>.

2 Lieven 2020, 24.

3 Ibid., 25.

4 Ibid., 128.

5 Ibid., 138.

Согласно представленным в середине этого года подсчетам, в случае если Евросоюз введет углеродный налог, предполагающий дополнительные пошлины для продукции с большим углеродным следом, только для России это может обойтись в 3 – 4,8 млрд долларов¹.

Еще более серьезные потери понесут более крупные развивающиеся экономики, Китай и Индия, индустриальный потенциал которых основан именно на энергии, получаемой из ископаемого топлива. Таким образом, «углеродный налог» вполне можно рассматривать как некий дополнительный протекционистский барьер для тех стран, где по-прежнему не решены многие базовые задачи модернизации экономики – в отличие от стран Запада, имеющих достаточные финансовые ресурсы для реализации «энергетического перехода». Иными словами, расширяющийся в последние десятилетия разрыв между центром и периферией глобальной экономики благодаря подобным «инновациям» может лишь вырасти, а в качестве ответных «симметричных» мер могут быть предложены решения, имеющие мало общего с «зеленой» повесткой. В частности, одна из возможных стратегий борьбы за мировой рынок нефти предусматривает наращивание добычи вопреки любым экологическим соображениям – к таким попыткам начиная с 2014 г. уже не раз прибегала Саудовская Аравия, что бы власти королевства ни заявляли о собственных планах «нового зеленого курса»².

Однако и на Западе введение подобных мер выглядит отнюдь не беспроblemно, подтверждением чему стали массовые протесты во Франции, спровоцированные ростом налогов на «традиционное» топливо и дополнительных требований к автомобилистам – неслучайно их участники взяли в качестве своего главного символа желтый жилет, который в директивном порядке положено иметь под рукой каждому французскому водителю. Ряд экспертов в связи с этим делают вполне однозначный вывод: декларируемые цели борьбы с климатическими изменениями едва ли соответствуют результатам, поскольку фактически ведут к снижению реальных доходов граждан³. Сам А. Ливен в личной переписке с автором рецензии отмечает, что идея роста топливных налогов была правильной, однако французский президент Э. Макрон совершил принципиальную ошибку, не предусмотрев в этом решении необходимых социальных акцентов: основная тяжесть таких мер должна ложиться на высшие слои общества. Эта, несомненно, благородная идея способна пробудить в массах интерес к проблеме климатических изменений, но насколько она реализуема на практике, вопрос, опять же, открытый.

- 1 BCG оценила бремя углеродного налога для России в 3-4,8 млрд долларов // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/07/28/bcg-ocenila-bremia-uglerodnogo-naloga-dlia-rossii-v-3-48-mlrd-dollarov.html> (дата обращения 10.09.2020).
- 2 Peter R. A. Wells, "Impact of Covid-19 on oil supply, demand and price to 2030," World Oil, August 2020, accessed September 10, 2020, <https://www.worldoil.com/magazine/2020/august-2020/features/impact-of-covid-19-on-oil-supply-demand-and-price-to-2030>.
- 3 См., например, Константин Симонов: «Зеленая» энергетика – это путь к бедности // Нефть капитал. [Электронный доступ]. URL: <https://oilcapital.ru/interview/29-07-2020/konstantin-simonov-zelenaya-energetika-eto-put-k-bednosti> (дата обращения 21.09.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES:

Латур, Бруно. Где приземлиться? *Опыт политической ориентации*. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 202 с. [Latour, Bruno. *Where to land after the pandemic?* [Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoi orientatsii]. Saint-Petersburg: Publishing house of the European University in Saint-Petersburg, 2019.] [In Russian]

Burke, Edmund. *Reflections on the Revolution in France*. New Haven: Yale University Press, 2003.

Lachmann, Richard. *States and Power*. Cambridge: Polity, 2010.

Lieven, Anatol. *Chechnya: Tombstone of Russian Power*. New Haven; London: Yale University Press, 1999.

Lieven, Anatol. *Climate Change and the Nation State: The Case for Nationalism in a Warming World*. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Lieven, Dominic. *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. London: John Murray, 2000.

Morgenthau, Hans. *Politics Among Nations*. New York: McGraw-Hill, 2005.

Richard Harries, and Stephen Platten, eds. *Reinhold Niebuhr and Contemporary Politics: God and Power*. New York: Oxford University Press, 2010.

Сведения об авторах

Проценко Николай Петрович,

экономический обозреватель, переводчик трудов И. Валлерстайна, А. Ливена,
Таганрог, Россия. 347942.

e-mail: npr79@yandex.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 8 июля 2020. Принята к публикации: 21 сентября 2020.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Проценко, Н.П. Экорреализм вместо экоктивизма // *Международная аналитика*. – 2020. – Том 11 (2). – С. 147–156.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-147-156>

Author(s)

Nikolay P. Protsenko,

Economic observer, translator of I. Wallerstein and A. Lieven's works,
Taganrog, Russia. 347942.

e-mail: npr79@yandex.ru

Additional information

Received: July 8, 2020. Accepted: September 21, 2020.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

For citation

Protsenko, Nikolay P. "Ecorealism Instead of Ecoactivism."

The Journal of International Analytics

11, no. 2 (October 2020): 147–156.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-147-156>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью» или по электронной почте: submissions@interanalytics.org

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья даёт другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее свежие по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

Адрес редакции;

Проспект Вернадского, 76Б. Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал

«Международная аналитика» можно:

в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777; по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2020. – 11(2). – С. 1-156.

Подписано к печати: 03.11.20.

Формат: 108x70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 9,75. Тираж 200 экземпляров. Заказ 813

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метадаанных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) так же на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.